А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Том 3. Пьесы 1862-1864

Александр Николаевич Островский

Аннотация
Александр Николаевич Островский. Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том 3. Пьесы 1862-1864
Козьма Захарьич Минин, Сухорук. (1-я редакция)
  Действие первое. (25 августа 1611 года)
  Действие второе
    Сцена первая
    Сцена вторая
  Действие третье. (Октябрь 1611 года)
    Сцена первая
    Сцена вторая
  Действие четвертое
  Действие пятое
  Эпилог. (Выход ополчения из Нижнего Новгорода. 1612 год, март)
Козьма Захарьич Минин, Сухорук. (2-я редакция)
  Действие первое. (25 августа 1611 года)
  Действие второе
    Сцена первая
    Сцена вторая

Действие третье. (Октябрь 1611 года)
Сцена первая
Сцена вторая
Действие четвертое
Действие пятое
Сцена первая
Сцена вторая. (24 августа 1612 года)
Сцена третья
Грех да беда на кого не живет
Действие первое
Сцена первая
Сцена вторая
Действие второе
Сцена первая
Сцена вторая
Действие третье
Действие четвертое
Сцена первая
Сцена вторая
Тяжелые дни
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Шутники
Действие первое
Действие второе

Действие третье
Действие четвертое
Комментарии

Аннотация

В третий том собрания сочинений А.Н. Островского вошли пьесы 1862–1864 годов, такие, как «Шутники», «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и другие пьесы.

http://ruslit.traumlibrary.net

Александр Николаевич Островский
Собрание сочинений в шестнадцати томах
Том 3. Пьесы 1862-1864

Козьма Захарьич Минин, Сухорук (1-я редакция)*

Драматическая хроника в пяти действиях, с эпилогом, в стихах

Действие первое
(25 августа 1611 года)

ЛИЦА:

Козьма Захарьин Минин, Сухорук, земский староста[1] Нижнего посада.

Иван Иванович Биркин, стряпчий, присланный в Нижний Ляпуновым для совету.

Василий Семенов, дьяк, старый человек.

Алексей Михайлович Поспелов, боярский сын.

Петр Аксенов, старик, богатый торговый человек.

Баим Колзаков, стрелецкий сотник.

Роман Пахомов, боярский сын,

Родион Мосеев, посадский, гонцы из Москвы.

Василий Лыткин (лет пятидесяти),

Павел Темкин (лет тридцати пяти),

Семен Губанин (лет двадцати), торговые люди.

Гриша, юродивый мальчик.

Павлик (писчик), писарь Биркина.

Марфа Борисовна, богатая вдова.

---

[1] Примечания: 1

Земский староста — выборное административное лицо в Русском государстве XVI–XVII вв. Вместе с целовальниками и земским дьяком вершил суд по всем делам, кроме «разбойных», а также ведал раскладкой и сбором податей.

Всякие люди нижегородские обоего пола.

Часть Нижнего посада, близ Кремля: направо и налево деревянные лавки, на заднем плане деревянный гостиный двор, за ним видна гора и стены Кремля; налево, в заднем углу, на пригорке, башня и ворота в Кремль. Направо продолжение Нижнего посада. Вдоль лавок деревянные мостки с навесом для пешеходов; у растворов скамьи и раздвижные стулья.

Явление первое

В гостином дворе торговцы в лавках и у лавок; проходит народ, некоторые останавливаются и покупают разные вещи. Слышны голоса: «Здесь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди, зипун! Из Решмы, с оторочкой». Петр Аксенов сидит на скамье у своей лавки (крайней справа). Василий Лыткин входит, отпирает крайнюю лавку с противоположной стороны; заставляет ее скамьей и подходит к Аксенову.

Аксенов

Здорово ль, кум?

Лыткин

Здорово, Петр Аксеныч.

Тебя как милует Господь?

Аксенов

Спасибо!
Живем-таки. Что Господа гневить!
Откуда, Вася?

Лыткин

С низу, из Казани;
Да позамешкался в дороге малость.
Домашние здоровы ль?

Аксенов

Все здоровы.

Лыткин

Не слышно ль из Москвы каких вестей?

Аксенов

Хорошего не много.

Лыткин

Да уж где нам!
Не до хорошего теперь, Аксеныч!
Поменьше бы худого, так и ладно.

Аксенов

Толкуют много. Может, что и есть
Новее, только хуже уж навряд ли.

Лыткин

А что?

Аксенов

Да якобы, грех наших ради,
Святого патриарха Ермогена
Михайло Салтыков да вор Андронов
С его вселенского престола свергли
И в тесном заточении томят.

(*Тихо.*)

Толкуют, что Михайло Салтыков
Ножом на патриарха замахнулся,
И проклят им отныне и до века.
Собака!

Лыткин

Ой! Ужли? Ах, грех какой!

Аксенов

Как терпит праведный Господь злодеям!

Лыткин

Беда нам, Петр Аксеныч, всем беда!
Вот до чего дожить нам привелося!
Я вот боюсь, у нас-то все ли тихо?

Аксенов

Здесь тишь да гладь да Божья благодать.
Как за стеной живем за воеводой
Алябьевым. Дай Бог ему здоровья!
Да и в народе смуты не слыхать;
Мордва да черемиса задурила,
Да присмирела.

Лыткин

Что Кузьма Захарьич?

Аксенов

Душой болезнует, скорбит. Сам знаешь,
Не радует ничто. О земском деле
Печалится один за всех.

Лыткин

Здоров ли?

Аксенов

Бог милует. Кузьма Захарьич дорог
Нижегородцам. За его здоровье
Все молимся. Он твердо, неослабно
За веру православную стоит;
По площадям да по базарам ходит;
Разумными речами утверждает
В народе крепость!

Лыткин

Что и говорить!
Радетель!

Аксенов

Диво это, брат Василий,
Как умудрил его Господь речами!
Нас, стариков, к себе сбирает на дом,
Да и беседуем до поздней ночи:
Ты, как дурак, сидишь разиня рот,
Вот так тебя слеза и прошибает,
Все слушал бы, кажись, и не ушел бы.
Вот какова его беседа!

Лыткин

Что же
Он говорит такое?

Аксенов

Эх, брат Вася,
Зачем тебе чужое дело знать!
Чай, своего довольно!

Лыткин

Не чужие
Ни ты, ни он: свои, чуть не родные.

Аксенов

Свои-то мы свои, да вот что, друг:
Уж очень это дело-то велико,
А у тебя язык некстати долог.
А, веришь ли, так душу и мутит,
Когда святое дело осрамляют
Речами праздными. Зело противно!
Как если пес какой нечистым рылом
Нанюхает на трапезе хлеб-соль:
Так все одно и это.

Лыткин

Я, Аксеныч,

Вот видит Бог, ни слова!

Аксенов

Не божись!
Ну, слушай, да язык-то за зубами
Подерживай! Затеи-то велики,
А что даст Бог, увидим. Сам ты знаешь,
Что вера гибнет, что ругатель-враг
Нас одолел, что православным тесно,
Что стон и плач сирот и горьких вдов,
Как дымный столб, на небеса восходит.
Вот, глупый человек, мы и толкуем,
Что легче смерть от острия меча,
Чем видеть, как ругаются святыней.
Вот и толкуем, как бы ополчиться
Да либо помереть уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить,
От всякой погани.

Лыткин

Аксеныч, страшно!
В разор нас разорят и животишки

Ограбят все; куда с детьми деваться!
Не трогают, так и сидеть бы смирно.
Куда уж лезть!

Аксенов

Да ты крещен аль нет?
Аль животы тебе дороже веры?
А братия? А слезные писанья
Из-под Москвы? И это ничего!
Пусть умирают, нам тепло да сыто?

Лыткин

Не обижай! Я от миру не прочь.
Уж коли все, и я.

Аксенов

Смотри, Василий!
Рцы слово твердо и назад не пяться.

Подходят Темкин и Губанин.

Явление второе

Те же, Темкин и Губанин.
Темкин
(*Лыткину*)

А, живая душа! Воротился? За барышами ездил, с татарами торговал?

Губанин

Как ему не торговать!

Темкин

Хорошо ли съездил? Чай, мошну-то туго наколотил?

Лыткин

Да, наколотил, как же! Ты спроси, свои-то целы ли. Нажил добра! На харчи не хватило.

Губанин

И как это тебе только не стыдно людей морочить! Вестимо, даром не поедешь! Что, мы тебя ограбим, что ли?

Лыткин

Не к тому, друг, что ограбишь. Где ограбить! А вот. право, тебе, как перед истинным…

Темкин

А я вот что скажу: доведись мне, я бы тебя ограбил.

Лыткин

Что ты, что ты! В своем ли ты разуме?

Темкин

Да уж ограбил бы: верно говорю. За то за самое, что денег у тебя больше всех, а ты все сиротой притворяешься.

Лыткин

Нечего в чужой мошне считать, ты считай в своей!

Губанин

(Увидав Поспелова, который выходит из Кремля)

Вон Алексей Михайлович идет.

Темкин

Вот душа-человек! Нужды нет, что из боярских детей, а много проще нашего брата будет.

Явление третье

Те же и Поспелов.

Аксенов

Куда гулять изволишь, Алексей Михайлович?

Поспелов

Пришел тебя проведать.

Аксенов

Спасибо! Ты отколь?

Поспелов

Я из собора.

Вестей несу; да только не взыщите,
Не много радости. Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич прибежали
Из-под Москвы; отписки привезли.

Аксенов

Ты видел их?

Поспелов

Нет, не видал; Кузьма
Захарьич сказывал. К нему и стали.
Сряжаются на воеводский двор
Несть грамоту от патриарха.

Аксенов

Чудо
Великое творится. Божьи люди
Между врагов бестрепетно проходят
К святому патриарху и разносят
По всей земле его благословенья
И грамоты.
Ну, Алексей Михайлыч,
Уж худо ль, хорошо ли, — не томи,
Рассказывай, какие слышал вести.

Поспелов

Прокоп Петрович Ляпунов убит
Казаками.

Аксенов

Да что же за напасти
Такие!

Губанин

Вот беда-то, вот поруха
Для дела земского!

Аксенов

Кабы не ты
Рассказывал, ни в жизнь бы не поверил.

Лыткин

Теперь такое время, Петр Аксеныч,
Хорошему не верь, а что дурное
Услышишь, это, брат, уж верно правда.

Темкин

Так подошло, хоть не живи на свете!

Аксенов

Бедам конца не видно. Знать, Господь

Нам прегрешений наших не отпустит
И до конца нас хочет погубить.

Поспелов

Да, Петр Аксеныч, времена плохие!
Москва разорена, в народе шатость
Да рознь, за что стоять, не знают;
Целуют крест неведомо кому!

Аксенов

Еретикам, латинцам да ворам,
Кому попало.

Поспелов

Новгород Великий
Из Швеции царевича зовет;
А сын Жигмонтов, Владислав-царевич,
В Москву идет; во Пскове новый вор.
Такой, что и сказать-то непригоже;
Маринкин сын, Ивашко, тоже царь.

Аксенов

А что же рать, что под Москвою в сборе?
Что воеводы?

Поспелов

Розно разошлись —
Которые домой, другие грабить.
Что воры не успели, то они
У православных христиан растащат.

Аксенов

Ужли ж совсем оставили Москву?

Поспелов

Остались под Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой да атаман Заруцкий.

Аксенов

А что ж они?

Поспелов

Они-то? Целовали
Псковскому ведомому вору крест.
Все пошатнулись.

Аксенов

Наше место свято!

Вбегает юродивый.

Явление четвертое

Те же и юродивый.

Аксенов

Откуда, Гриша?

Юродивый

Ась?

Аксенов

Откуда, мол?

Юродивый

В монастыре обеденку стоял,
И панихиду пели, поминали…

Аксенов

Кого?

Юродивый

Раба Прокофья.

Аксенов

Упокой,
Господь, в святых твоих селеньях душу
Раба Прокофья!

Все

Упокой, Господь!

Юродивый

Он, говорят, был добрый. Я поплакал
И помянул. Подайте на дорогу!

Поспелов

Прими!

(*Подает и уходит в лавку с Аксеновым.*)

Лыткин

Аль ты куда собрался, Гриша?

Юродивый

Далеко. Длинная дорога; встанет —
Так до неба достанет. Все песками
Сыпучими да темными лесами
Дремучими.

Лыткин

Куда ж дорога, Гриша?

Юродивый

К честным обителям.

Лыткин

Один пойдешь?

Юродивый

Нет, много, много.

Лыткин

Что он говорит?
Сулит дорогу, а куда? Известно,
Одна дорога; значит, все помрем;
И надо полагать, что это вскоре.

Губанин

Нет, надо быть, что о другой дороге
Он говорит.

Темкин

Его не разберешь;
Убогий он у нас и малоумный.

Юродивый
(со слезами)

Нет, вот что: храмы там без богомольцев,
Без пения. Подайте на дорогу!

Бежит по сцене. Все расходятся по лайкам. Входят Биркин и Семенов.

Явление пятое

Семенов и Биркин.

Семенов

Ну вот, Иван Иваныч, твоего
Отца и благодетеля не стало.
Всем горе, а тебе, чай, вдвое.

Биркин

Что ж?
Все под Богом. Слезами не поможешь!
Всех мертвых не оплачешь!

Семенов

Это так;
А все-таки тебе он благодетель,
Понеже в люди вывел, дал дорогу.

Биркин

Сам виноват, гордыня обуяла,
Да и к тому ж с казаками не ладил.

Семенов

И по писанию, блажен тот муж,
Кто к нечестивым на совет не ходит;

С ворами как же ладить! Не бери
Греха на совесть! Лихом поминать
Не след тебе такого воеводу.
Его ж убили, он же виноват!
Не говори! Грешишь, Иван Иваныч!

Биркин

Кого ж винить? Бояр?

Семенов
(со вздохом)

И не бояр.
Нам осуждать бояр не подобает,
Мы молоды с тобой и худородны.
А виноват во всем злохитрый враг,
Злокозненный диавол, ненавистник
Спасенья нашего. Он искони
Враждует, искони злоумышляет
Расхитить божье стадо и украсть
И погубить вконец. Его-то действом
Междоусобие и рознь меж нами,
Вражда и ложь и дьявольская прелесть.
И в прелести смятеся вся земля.

Биркин
(оглядываясь)

А в Нижнем шатости не замечаешь?

Семенов

Нет, Бог хранит пока.

Биркин

А знаешь что?

Ведь Нижний — ключ всей Волги; за него бы

Король Жигмонт иль Владислав-царевич

Нам дорогую цену заплатили,

Кабы привесть к присяге. Воеводой

Быть можно. А тебя в Москву, в дьяки,

В любой приказ.

Семенов

Ты шутишь аль смеешься?

Биркин

Как хочешь понимай!

Семенов

Как понимать!

Изменником я не был и не буду,
И с дьяволом быть в доле не хочу;
Зане отступникам страшна кончина!
Идут во ад, и во святых церквах
Поминовенья о таких не будет,
И приношенья неприятны Богу,
И будет им мученье без конца.

Биркин

Я пошутил с тобой.

Семенов

Иван Иваныч,
Шути с кем помоложе. Этих шуток
Я не люблю, они подвохом пахнут.

Биркин

Ну, не сердись! не любишь, так не стану
Шутить с тобой; нам ссориться не след:
Неладно в Нижнем.

Семенов

Полно, что пугаешь,

Иван Иваныч; как тебе не грех!

Биркин

И знаешь, кто у нас заводит смуту?

Семенов

Кому же заводить?

Биркин

Кузьма Захарьев.

Семенов

Не верю, быть не может.

Биркин

Погоди,
Дай срок, увидишь сам. Всегда толпою
За ним народ валит, все шепчут что-то
И по ночам сбираются к нему.

Семенов

Нет.

Биркин

Ты не спорь со мной; разведай лучше!

Семенов

Да нет же, говорю.

Биркин

Не ошибись!

Семенов

Не ошибусь я в этом человеке.
Кузьму я знаю вдоль и поперек:
Он боек на язык, упрям и дерзок;
В дела мешается, за всех заступник;
А все-таки души он не продаст;
Сгрубить — сгрубит, а смуты не затеет.

Биркин

От грубости до мятежа далеко ль!
Я не люблю, кто бойко говорит.

Семенов

Да у меня ведь горлом не возьмешь!
Я не ему чета, молчать заставлю.

Биркин

На то мы власти, чтобы нас боялись;
Мы черный люд, как стадо, бережем,

Как стадо, должен он повиноваться.

Семенов

Я при царе Иване начал службу,
В дьяках состарился и поседел.
Уж мы с Кузьмой не первый год воюем;
Ты слово, а он десять, да зуб за зуб.

Биркин

Наскочит на меня, так будет помнить.

Семенов

Ну, и тебя таки честит изрядно,
И за глаза все Тушиным корит,
А тушинцам у нас почету мало;
На Волге их не любят.

Биркин

Не беда!
Насильно мил не будешь! Уж народец
У вас на Волге! Нечего сказать!
Новогородским духом так и пахнет.
Некстати говорливы! Вот ты здешний,
Не тушинский; а тоже говорят,

Что ты берешь посулы, что с живого
И с мертвого дерешь, не разбираешь.

Семенов

Да кто же говорит?

Биркин

А все Кузьма.

Семенов

Не верь, Иван Иваныч! Все напрасно;
Посулов не беру. Он злым поклепом
Меня обносит. Да ты сам ли слышал?

Биркин

Сам слышал.

Семенов

Не снесу такой обиды,
Пойду челом ударю воеводе.

Биркин

Я говорю тебе, что он мятежник;
С народом шепчет, а властей ругает;
Небось без умыслу? Да кто ж поверит!

Семенов

Его теперь и знать я не хочу,
Ругателя. Не вымолвлю ни слова,
Хоть вешайте.

Биркин

А ты пока молчи,
Умей скрывать обиду; дожидайся
Поры да времени. Он не уйдет
От наших рук, запомни это слово.
Я сторожа к нему приставил, знаешь,
Павлушку; он хоть зайца соследит;
Волк травленый, от петли увернулся.
Он из дьячков из беглых, был в подья-чих,
Проворовался в чем-то; присудили
Его повесить, он и задал тягу.
Теперь веревки как огня боится.

Семенов

Да может быть, и не своей виной
В беду попался?

Биркин

Мне какое дело!

Хоть висельник, да только бы служил.
Ну, и писать горазд, мне то и нужно.
Да мы еще с тобою потолкуем.
Куда пойдешь отсюда?

Семенов

На Оку,
Стерлядок искупить недорогих бы.

Биркин

Так вместе и пойдем! И я туда же.

Уходят. Из Кремля выходит Минин, за ним несколько посадских.

Явление шестое

Те же и Минин.

Голоса

— Кузьма Захарьич идет!
— Кузьма Захарьич идет!

Аксенов, Поспелов, Лыткин и несколько торговцев выходят из лавок

Минин
(Лыткину)

А, милый человек! Как поживаешь?

Лыткин

Нешто! таки живем; а все тоска,
Кузьма Захарьич. Веришь ли ты, руки
От дела отымаются, и хлеб
На ум нейдет.

Минин

Да, годы испытанья
Наслал Господь.

Лыткин

Все боязно, Кузьма
Захарьич. Не знаю, что и делать,
Да как и быть!

Минин

Надеяться на Бога
Да денежку на черный день пасти!

Аксенов

Скажи нам что-нибудь, Кузьма Захарьич!

Минин

Дурные вести из Москвы.

Аксенов

Мы знаем.

Минин

Мне Бог гостей послал. Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич, по старинной
Любви и дружбе, стали у меня.
Рассказами всю душу истерзали.
В Москве неладно; надо так сказать,
Что хуже не бывает. Владиславу
Одни последствуют, другие вовсе
Передались Жигмонту. Хоть и мало
Таких отступников, да страхом сильны.
И те, которые за патриарха,
Стоят не явственно, беды боятся.
А на него-то наша вся и надежда.
Он наше утверждение и столп,
Он твердый адамант[2] *в шатанье об-*

---

[2] Примечания: 2
Адамант — алмаз, бриллиант.

щем,
Он Златоуст, громит бесстрашно
Предателей. От нашей стороны
Он ждет спасенья русскому народу
И из темницы умоляет нас
Стоять за веру крепко, неподвижно.
Пахомову не раз он говорил:
«Спасенье русское придет от Волги.
Хороший, говорит, и чистый край!
Снеси ты им мое благословенье!»
Не обессудьте, что сказал вам мало!
У самого-то в голове неладно;
Прокоп Прокопыч из ума нейдет.
Пойдем-ка потолкуем, Петр Аксеныч!

Кланяется на все стороны; все расходятся по лавкам. Минин и Аксенов входят на мостки и садятся на скамью подле лавки Аксенова. Поспелов стоит у лавки. С Нижнего посада выходит Колзаков и трое стрельцов.

Явление седьмое

Те же, Колзаков и стрельцы.

Колзаков и стрельцы

(поют)

Нам на Волге жить,
Все ворами слыть.
На Яик идти,
Переход велик;
Под Казань идти,
Грозен царь стоит.

Колзаков
(увидя Минина)

А! Бог тебя люби, Кузьма Захарьич!

Минин

Ступай своей дорогой!

Колзаков

Аз есмь бражник!

Минин

Я вижу.

Колзаков

Видишь, а не осуждай!
Я старый человек.

Минин

Тебе же хуже!

Колзаков

Нельзя не пить: такое время! Вот что!
Ты думаешь, я с радости; я с горя,
Расстройство! Не возьмешь ничем! А помнишь,
Как помоложе был, так дело делал;
Царю Ивану царства покоряли.
А что теперь! Ходили с воеводой
И бились тоже, крови не жалели;
А с чем пришли? В глаза-то людям стыдно
Глядеть. Какой я воин, братец! Срам!
И что мы за люди! Прощенья просим!

(Отходит со стрельцами на другую сторону.)

Стрельцы

(поют)

Нам идти ль, не идти ль
На Иртыш на реку.
На Иртыш на реку.
Под Тобол-городок.

Скрываются. Выходит Марфа Борисовна, за ней

две женщины оделяют деньгами нищих. Минин идет к ней навстречу.

Явление восьмое

Те же и Марфа Борисовна.

Марфа Борисовна

А я тебя ищу, Кузьма Захарьич!
Ты у обедни был?

Минин

Привел Господь.
Пока есть силы, каждый день бываю,
Не пропускаю.

Марфа Борисовна

Панихиду слушал?

Минин

Я панихиду сам и заказал.

Марфа Борисовна

Уж ты прости меня! Сама не знаю,
Что говорю. Уж кто же, как не ты!
Вот горе-то на нас, Кузьма Захарьич!

(Плачет.)

Ведь я не знала.

Минин

Ночью весть пришла.

Марфа Борисовна

Как услыхала в церкви, обмерла;
Стою, себя не помню; позабыла,
Что помянуть-то надо. Прихожу
Домой к себе, сижу да разливаюсь;
Как будто только мне и дела; точно
Я не хозяйка в доме. Да уж после
Хватилась. Разогнала всех людей
По бедным, оделить хоть понемногу
Да звать обедать. Приказала стряпкам
Для нищей братии обед готовить.
Зайди, Кузьма Захарьич, да зови,
Кого увидишь; вместе помянули б,
Чем Бог послал.

Минин

Благодарю за ласку.
А уж не знаю, как тебе сказать!

Есть дело земское: от патриарха
Гонцы сегодня прибежали ночью;
Так надо бы на воеводский двор
Идти. Чай, позовут.

Марфа Борисовна

Так ты попозже!
Уж очень скучно; хоть поговорить бы;
А то изныло сердце.

Минин

Все от думы,
Дела не радуют. Я и пришел бы,
Да у меня у самого-то гости:
Из Решмы мужичок, из Балахны
Да из Москвы. Гостей таки довольно.

Марфа Борисовна

Покорно просим и с гостями!

Минин

Ладно!

Марфа Борисовна

Я очень рада буду, буду ждать.

Пока прощай!

Минин

Прощенья просим, Марфа
Борисовна! Благодарю за память!

Марфа Борисовна уходит. Аксенов и Поспелов выходят к Минину. Павлик пробирается в лавку к Лыткину.

Поспелов

Об чем это, Кузьма Захарьич, Марфа
Борисовна с тобою говорила?

Минин

К себе звала.

Поспелов

Пойдешь?

Минин

Нельзя нейти.
Ее грешно обидеть! Приходите
И вы!

Аксенов

Святая женщина. Не много

Таких на белом свете наберется.
Вся жизнь ее есть Господу хвала.
Во младости цветущей овдовела,
И с той поры, что день, то новый подвиг.
Спроси сирот, спроси убогих, нищих,
Чьей милостью и сыты и одеты,
Чья ласка красит горькие их дни!
Да еще плачет, что не всем доходит
Ее копейка.

Поспелов

Кто ж ее не знает!

Аксенов

На вольном свете много лет я маюсь;
А что грешить, не приводилось видеть
Такого дива. Баба молодая,
Живет в миру, без мужа, без опоры,
Без старших; а чернице не уступит
Смирением, пощеньем и молитвой.
И весела всегда; печальным видом
Мирских людей обидеть не желает.

Другой ханжа: так всем нарочно кажет
Свой тощий облик, я-де вот пощусь.
Вот иногда сберутся наши бабы, —
Ну, праздничное дело, уж известно,
Не все-то трезвы — к ней-то и пристанут:
«Да выпей с нами!» — «Рада б, говорит,
Да я вчера, признаться, согрешила:
С подругой все сидела, да тянула
Я мед, такой-то сладкий показался,
Не утерпела. Нынче не просите!»
Она, чтоб не обидеть их, а те
Смеются сдуру, весело им, видишь;
Их полку прибыло. А ей до меду ль!
Какой тут мед! И мяса-то не ест.
Гляди, всю ночь молилась со слезами,
Во власянице, в тереме своем,
С бессчетными поклонами земными.
А утром весела, на пир идет.
Они смеются, а она, голубка,
И рада, что ее не очень хвалят.

Сама не пьет, а любит угостить:
Я бражничал у ней таки довольно.
Ступайте, братцы! Что ж, коли зовет,
Уважить надо.

Минин

Мы пойдем. А ты?

Аксенов

Недужится, уж стар. Был помоложе,
Так по гостям ходил; теперь и дома
Так только впору. Может, и приду,
Коль удосужусь да не разнедужусь.

(Уходит в лавку.)

Поспелов

Кузьма Захарьич! я к тебе с поклоном,
Заместо батюшки родного будь!
Мне жизнь не в жизнь: с утра до поздней ночи
И с вечера до утренней зари
Все об одном я думаю-гадаю,
Одно мне сна-покою не дает.
Ты наведи меня на ум — на разум.

Прямую путь-дорогу покажи!

Минин

О чем тоскуешь?

Поспелов

Как бы это молвить?
Такое дело, и сказать-то стыдно,
И утаить-то грех перед тобой.
Иль бес мутит, иль уж судьба такая,
Такой предел на долю вышел. Марфа
Борисовна все из ума нейдет.
Поверишь ли, все я об ней жалею.
Мне жаль ее, что сиротой живет,
Одна как перст, никто не приласкает,
Печаль-заботу не с кем поделить.
Ну, кто ее, сиротку, приголубит
И по-родному крепко обоймет?
Она о бедных плачет, слезы прячет,
А я об ней. Гляжу, да все боюсь,
Чтоб на нее и ветер не повеял,
Осенний дождь не канул на лицо,
Чтоб не озябла, ног не замочила.

Минин

Так любят да жалеют только жен;
А то грешно. Ты ей самой сказал ли?

Поспелов

Не раз, не два мы с нею говорили,
Отказом не обидела меня.
Не обещает, да и прочь не гонит.

Минин

Такое ль время, Алексей Михайлыч!

Поспелов

Да что мне время! Жить и умирать
Уж лучше вместе. Годы подошли,
Кузьма Захарьич, мне нужна хозяйка.
Ей двадцать лет, и мне уж скоро тридцать;
Она богата, да и я не беден;
Мы ровни по годам и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навечно Богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Еще честней в дому благочестивом.

Минин

Придется к слову, я поговорю.

(Уходит в лавку Аксенова.)

Павлик и Лыткин выходят из лавки; к ним постепенно подходят из других лавок и проходящие.

Явление девятое

Павлик и Лыткин.

Павлик

Ох, дела, дела! Как сажа бела!

Лыткин

Так ты верно знаешь, что королевич скоро будет в Москве?

Павлик

Кабы не верно, я бы, друг любезный, и не говорил. Нам ли с Иван Иванычем не знать! Мы люди чиновные, грамотные; а вы что! Чернеть!

Лыткин

Что ж потом с нами будет, как королевич придет в Москву?

Павлик

А то и будет, что спросит: «Кто мне слуги верные?» Ему скажут, а он будет их жаловать. «А кто, спросит, нам супротивники?» Скажут на нас, ну и

пошлет королевич рать-силу великую, без числа, и не оставят камня на камне.

Один из толпы

Вяземский подходил, да много ли взял!

Павлик

Что ты знаешь! С огненным боем придут, как тут устоять!

Лыткин

Разор, братцы.

Павлик

Все может быть, все может быть. Так не лучше ли заблаговременно… (*Увидав Минина, который с Поспеловым вышел из лавки, говорит что-то шепотом.*)

Минин

Постой! что за народ? О чем толкует?
Того и жди что смута заведется.
Из воровских, полков с подсылом много
Народу набегает; не усмотришь,
Проезжий город. А, да это наш,
Из биркинских людей, Павлушка, писчик.
Негодный человечишка, за ним
Глядеть, да и глядеть! Что за охота

Держать такую дрянь, не знаю, право!

Послушаем-ка, что он там толкует.

Подходят к толпе.

Голоса из толпы

Ну, что ж ты замолчал? — Что язык-то прикусил?

Павлик

Я живу с краю, ничего не знаю, мое дело сторона. (*Убегает.*)

Минин

Что он молол?

Голоса из толпы

Да много говорил. —

Про королевича. —

Да разореньем

Все нам грозит.

Лыткин

Такие страсти

Наговорил, не знаешь, что и делать.

Минин

Как только вам не грех воришек слушать,

Бездельных, шлющихся! Развесьте уши —

Им на руку, они тому и рады.
Их много изрыгнул на Русь святую
Огнедыхательный диавол, поядатель
Душ человеческих, злохитрый змей.

Голоса из толпы

Да кто ж ему поверит! — Зря болтает!
Учи нас, вразумляй, Кузьма Захарьич!

Минин

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не целовать
Ни Владиславу, ни кому другому
Из иноземцев; ждать, кого на царство
Пошлет Господь и выберет земля.
Нам государь — великий патриарх,
Другого нет у нас. Что скажет — свято.

Народ

Что нам прикажет, то и будем делать.

Минин

Сегодня от него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтем и вам объявим
Его приказ и земское решенье.

Вбегают несколько человек.

Один из них

Отписки из Москвы! Гонцы с вестями!

Голоса из лавок

Куда идут?

Один из вновь пришедших

На воеводский двор.

Другой

Письмо от патриарха Ермогена.

Площадь наполняется. Входят Роман Пахомов и Родион Мосеев.

Явление десятое

[Те же,] Роман Пахомов и Родион Мосеев.

Родион Мосеев

Честным нижегородцам из Москвы
От разоренных и плененных братий

Поклон мы правим низкий, до земли.

Кланяется, все кланяются.

Роман Пахомов

Честному духовенству, воеводам

И всем, и старшим и молодшим людям,

Благословение от патриарха.

Действие второе
Сцена первая

ЛИЦА:
Биркин.
Семенов.
Минин.
Аксенов.
Темкин.
Губанин.
Народ.

Место в Кремле близ воеводского дома.

Явление первое

Темкин и Губанин и несколько народа стоят возле дома. Аксенов выходит из дому.

Темкин

Что, Петр Аксеныч, об чем читали?

Аксенов

Великий господин наш патриарх пишет, чтобы паньина Маринкина сына, Ивашку, на царство нам отнюдь не хотеть, и чтобы были мы в любви и в соединении и промышляли бы, как души свои

положить за веру. Да и на словах про то же приказывал Роману Пахомычу да Родиону Мосеичу.

Темкин

Что ж вы так долго?

Аксенов

Много разговору было. Кузьма на одном стоял, что грех нам сложа руки сидеть; а надо, как ни на есть, промышлять на супостата.

Темкин

Что ж воеводы?

Аксенов

Не давали ему путем слова вымолвить. А пуще Биркин да Семенов, — оборвали, обругали. А за что? Диви бы он о своем деле радел! Вот какова злоба-то в человецех!

Темкин

Доведись мне, я бы с ними поговорил. Я бы их отчитал; так бы и вцепился.

Губанин

Как им не грех! Как это они Бога-то не боятся! Ах, срам какой! Как это у людей стыда нет в глазах!

Выходят из дому Биркин, Семенов и Минин.

Явление второе

Те же, Биркин, Семенов и Минин.

Семенов

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сыт ли ты, Иван Иваныч?

Биркин

По горло сыт. От ваших разговоров
Завяли уши.

Семенов

Ну, Кузьма Захарьев,
Спасибо за науку! Угостил
Нас, дураков, разумными речами,
Так и сидели все, развеся уши,
Да слушали.

Биркин

Ну, как его не слушать,
Он всех умней! Ишь краснобай какой!

Минин

Не помню я, что говорил; быть может,
Кого обидел словом. Не вините;
Не сам я говорил, кровь говорила.

Семенов

Обидеть не обидел, грех сказать;
А насказал довольно, не уложишь
В большой мешок.

Биркин

Да кто же виноват?
Мы сами дали волю, так и слушай!
А он и рад.

Минин

Да кто же запретит
Мне говорить?

Семенов

Да всякий, кто постарше.

Минин

За веру православную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мне.

Семенов

Ведь ты еще не воевода! Скажут,
Чтоб говорил — так говори что хочешь;
А скажут: замолчи! — так замолчишь.

Минин

Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе,
И пробуждать, как колокол воскресный,
Уснувшие сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вам речи говорил:
Великий господин наш, патриарх,
Того же просит. Пусть нас Бог рассудит,
Кто прав, кто виноват. Вы не хотели
Поверить мне; смотрите, не пришлось бы
Вам каяться.

Семенов

Тебе поверить? Ишь ты,
Чего ты захотел! Ты будь доволен,
Что слушали, молчать не заставляли.

Биркин

Да из избы не выгнали тебя.

Уходят, и за ними все, исключая Минина и Аксенова.

Явление третье

Минин и Аксенов.

Минин

Знать, им не жаль ни крови христианской,
Ни душ своих. Какая им корысть!
Самим тепло, а братию меньшую
Пусть враг сечет и рубит, да и души
Насильным крестным целованьем губит.
Просил я их со многими слезами,
Какую ни на есть, придумать помощь, —
И слышать не хотят. Не их, вишь, дело.
Так чье же?

Аксенов

Не надейтеся на князи!

(Уходит.)

Минин

И вправду. Нам теперь одна надежда —
На Бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чист пред Богом? Только чистый может
Святое дело честно совершить.
Народ страдает, кровь отмщенья просит,
На небо вопиет. А кто подымет,
Кто поведет народ? Он без вождя,
Как стадо робкое, рассеян розно.
Вождя, печальника о нас, убили
Изменой адской. Где искать другого?
Нет помощи земной, попросим чуда;
И сотворит Господь по нашей вере.
Молиться надо! В старину бывало,
Что в годы тяжкие народных бедствий
Бог воздвигал вождей и из народа.
Не за свои грехи, а за чужие
Он переносит тягостную кару.

Избит, ограблен! Нынче сыт с семьей,
А завтра отняли сухую корку,
Последнюю, что берегли ребятам;
Сегодня дома, завтра в лес беги,
Бросай добро, лишь о душе заботься,
Да из кустов поглядывай, что зверь,
Как жгут и грабят пСтом нажитое.
Поймают — силой приведут к присяге,
Кривить душой, крест вору целовать.
Да и не счесть всех дьявольских насилий,
И мук непереносных не исчислить!
И все безропотно и терпеливо
Народ несет, как будто ждет чего.
Возможно ли, чтоб попустил погибнуть
Такому царству праведный Господь!
Вон огоньки зажглись по берегам.
Бурлаки, труд тяжелый забывая,
Убогую себе готовят пищу.
Вон песню затянули. Нет, не радость
Сложила эту песню, а неволя,

Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житье без кровли, ночи без ночлега,
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Все слезы с матушки широкой Руси,
Новогородские, псковские слезы,
С Оки и с Клязьмы, с Дона и с Москвы,
От Волхова и до широкой Камы.
Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнем
И слабый дух на подвиг утверждают.
О Господи! Благослови меня!
Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братий
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.
А если Бог отступит от меня

И за гордыню покарать захочет,
Успеха гордым замыслам не даст,
Чтоб я не мнил, что я его избранник, —
Тогда я к вам приду, бурлаки-братья,
И с вами запою по Волге песню,
Печальную и длинную затянем,
И зашумят ракитовы кусты,
По берегам песчаным нагибаясь;
И позабудет бросить сеть рыбак
И в тихом плесе на челне заплачет;
И девка с ведрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется с горы и станет слушать
И, рукавами слезы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурлаки запоют ее под лямкой
И балахонцы за своей работой
Над новою расшивой, с топорами.
И понесется песня, и прольется
Из века в век, пока стоит земля.
О Господи! Грешу я; мал я духом,

Смел усомниться в благости твоей!

Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.

Со всех сторон мне шепчут голоса:

«Восстань за Русь, на то есть воля Божья!»

(Уходит.)

Сцена вторая

ЛИЦА:
Марфа Борисовна.
Домна, старуха.
Минин.
Аксенов.
Поспелов.
Иван Кувшинннков, сотник из Балахны, и Григорий Лапша, крестьянин из Решмы — предводители восстания на Волге.
Юродивый.
Девушки.

Просторная бревенчатая светлица. В правой стене два маленьких окна; на левой стороне перегородка с решетчатым расписным верхом;

в конце перегородки узенькая дверь; за дверью резной и расписной столб, в котором утвержден верхний брус перегородки; прямо за столбом и до самого угла изразцовая печь; в задней стене выходная дверь; по задней и по правой стене лавки; с правой стороны большой дубовый стол; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стены несколько пяльцев. Лавки, полки, косяки — с резьбой.

Явление первое

Входят Домна, юродивый и девушки и потом Марфа Борисовна.

Домна

Ну, девушки, примайтесь за работу!

Девушки садятся за пяльцы.

А ты, убогонький, у нас ночуешь —

Что по дворам проситься на ночь глядя!

Пойдешь к заутрене и нас разбудишь.

Юродивый салится к печке. Марфа Борисовна выходит в задумчивости из-за перегородки и садится на скамью с левой стороны. Домна садится у ног ее на низенькой скамейке.

А ты бы нам сказала что-нибудь.
Ишь память-то какая золотая!
А у меня так словно решето;
Что ни услышу, тут же и забуду.
Ты давеча не досказала утром
Нам про царевича, как открывали;
Вот, благо время, доскажи теперь!

Марфа Борисовна

Да, девушки, произволеньем божьим,
И в наше время чудо совершилось.
И говорят, все пело: ожерелье
Жемчужное, ширинка в руке
Тафтяная, вся золотом расшита
И серебром, кафтанчик на хребтах
На беличьих и сапожки; все цело…
Да горсть орешков; как его убили,
В руках держал орехи; обагрились
Орешки кровью; так и положили
С ним вместе. Вот какое чудо было!
Перенесли из Углича в Москву,
Там и стоит, и многих исцеляет.

Молчание.

Домна

Замолкли. Тихий ангел пролетел.

Марфа Борисовна

Чем молча-то сидеть, так лучше спойте
Нам «О пустыне» стих душеполезный,
Любимый Мой.

Домна

Благое дело — славить
На всякий день и час Господне имя,
Да и работа, говорят, спорится
За пением благочестивым. Пойте!

Девушки
(поют)

Пустыня прекрасная!
Меня многогрешную,
Как чадо свое, приими.
Любимая мать моя,
В пристанище тихое,
В безмолвные недра свои!

Чертоги высокие
И ризы богатые
Меня от грехов не спасут.
Богатства и почести
Все тленны и суетны,
Не станут со мною на суд.
Луга твои тихие,
Цветы испещренные,
И красен и дивен твой сад!
Деревья кудрявые
И листье зеленое
В пустыне без ветра шумят.

Останавливаются. Все прислушиваются.

Домна

Стучится некто.

Марфа Борисовна

Отопри поди!

Девушки собирают работу. Домна уходит и скоро возвращается.

Домна

Гостей веду. Идет Кузьма Захарьич.

Марфа Борисовна

Один или ведет кого-нибудь?

Домна

Какие-то незнаемые люди.

Марфа Борисовна

Подите, девушки!

Девушки уходят. Входят Минин, Кувшинников и Лапша.

Явление второе

Марфа Борисовна, Домна, Минин, Кувшинников, Лапша и юродивый.

Марфа Борисовна

Покорно просим.

(Домне.)

А ты поди да принеси медку!

Домна уходит.

Минин

С гостями; уж не осуди!

Марфа Борисовна

И, что ты!

Минин

Иван Кувшинников, из Балахны,
Начальный человек; а это Гриша
Лапша, из Решмы, тоже воевода.
Взял мужичков, кой-чем вооружились,
Да с Богом и пошли на супостата.
И Бог помог, себя не осрамили.

Марфа Борисовна

Ну, вот спасибо за таких гостей!
Прошу садиться!

Кувшинников

Ты, Кузьма Захарьич,
Садись вперед.

Минин

Вы гости, я здесь свой.

Кувшинников

Лапша, садись!

Лапша

Нет, мне не подобает.
Садись, я за тобой.

Садятся.

Минин

Ну, вот и ладно.

(Садится.)

А! Да и Гриша здесь!

Марфа Борисовна

Ступай-ка в кухню,
Да и ложись на печку; там теплее.

Юродивый

Прощайте!

(Уходит.)

Минин

Божий человек. Лет с восемь
Тому, к нам в город он еще ребенком
Пришел и сел на паперти церковной.
Откуда, кто такой — никто не знает,
Должно быть, сирота бездомный. Мало
И говорит, и только церковь любит.
Ест что дадут, спит где укажут. Разум

Нехитрый у него, а богомолен:
Пристанет к богомольцам, да и бродит
По всем обителям. В Москву ходил,
И в Киев, и к ростовским чудотворцам.
Прослышал он про разоренье наше,
И слабый ум в нем больше помутился;
Еще он тише стал, еще святее,
И все сбирается куда-то, денег
Все на дорогу просит. И за мной
Он следом ходит и в глаза мне смотрит,
Как будто он прочесть в них хочет что-то
Иль ждет чего. А спросишь, так молчит.
Неразговорчив он; вот разве вспомнит
Про красоту обителей святых,
Тогда разговорится и представит,
Как вочию, и красоту лесов,
И гор, и рек широких. Все бы слушал!
И умный не расскажет так, как он.

Домна приносит мед в жбане и стопку на оловянной тарелке. Марфа Борисовна берет стопку. Домна наливает.

Марфа Борисовна

(поднося Кувшинникову)

Медку пожалуйте, честные гости!

Кувшинников

У нас так все с хозяйки начинают.

Марфа Борисовна

Нет, батюшка, уволь! Пила довольно.

Кувшинников

Неволить не могу, я не указчик
В чужом дому.

(Кланяется, пьет и хочет поставить стопку.)

Марфа Борисовна

Уж просим обо всей!

Кувшинников допивает. Домна наливает, Марфа Борисовна подносит Лапше.

Григорий… Как по отчеству, не знаю…

Лапша

Петрович был.

Марфа Борисовна

Покорнейше прошу!

Лапша

Уж мне-то пить ли?

Минин

Пей!

Лапша

Оно как будто
Нескладно мужику-то?

Минин

Не осудим!

Лапша
(берет и кланяется)

Желаю здравствовать на многи лета!

Пьет. Домна наливает.
Марфа Борисовна
(поднося Минину)

Кузьма Захарьич!

Минин
(отпив немного, ставит стопку)

Больше не просите!

Марфа Борисовна

Ну, как угодно.

Входят Аксенов и Поспелов.

Явление третье

Те же, Аксенов и Поспелов.

Минин

Вот и наши идут.

Аксенов

Здорова ли ты здесь?

Марфа Борисовна

Кажись, здорова.

(Подносит им меду и молча приглашает садиться.)

Поспелов

(Аксенову)

Тебе вперед.

Аксенов

Не местом, человеком.

Садятся. Марфа Борисовна подвигает скамейку

и садится. Молчание.

Марфа Борисовна

Послушать бы теперь, Кузьма Захарьич,
Твоих речей. Сладка твоя беседа.

Минин

Да речь-то у меня одна все, Марфа Борисовна.

Марфа Борисовна

Ее-то нам и нужно.

Минин

Ну, так начнем! Москва разорена?

Аксенов

Разорена.

Минин

Так ей и оставаться?

Кувшинников

Как можно!

Лапша

Что ты!

Марфа Борисовна

Сохрани Господь!

Минин

Москва нам корень, прочим городам?

Аксенов

Известно, корень. Что и говорить!

Минин

А если корнем основанье крепко,
Тогда стоит и древо неподвижно;
А корени не будет — прилепиться
К чему?

Лапша

Ну, что уж!

Марфа Борисовна

Господи помилуй!

Минин

Москва — кормилица, Москва нам мать!

Кувшинников

Кормилица и мать.

Лапша

Родная мать.

Минин

А разве дети могут мать покинуть
В беде и горе?

Поспелов

Мы не покидали.
Ты сам ходил с Алябьевым по Волге
И по Оке, и воры вас боялись.
Мы с Репниным ходили и к Москве,
Да воротились оттого, что ладу
Бог не дал воеводам. Грех на них!
Им отвечать, а мы не виноваты.
Мы головы свои несли и души
За веру православную сложить;
Господь не принял.

Аксенов

Не было стратигов.

Минин

Тогда Пожарский с Ляпуновым были

Вожди искусные. Спроси, о ком
Народ молебны пел? О Ляпунове
Да о Пожарском-князе. Знать, молитвам
Не внял Господь за прегрешенья наши.

Аксенов

Пожарский ранен, Ляпунов убит.

Минин

Осиротела Русь! Ни воеводы,
Печальника о нас, сиротах бедных,
Ни патриарха, ни царя. Как стадо
Без пастыря, мы бродим, злому волку —
Губителю добыча.

Поспелов

Бить волков!

Кувшинников

Известно, бить! Уж будет, потерпели!

Лапша

Мы топоры и косы отточили,
Которые об них же притупили.

Поспелов

Душа кипит, давно простору просит,
И руки чешутся.

Марфа Борисовна

Зачем же дело
Откладывать? Благословясь, да с Богом,
Не мешкая!

Аксенов

Отложишь поневоле.
Что скоро, то не споро, говорят.

Минин

Друзья, поверьте мне, такие речи
И слушать весело, и слезы льются
От радости; а все-таки Аксеныч
Нам правду молвил. Не такое дело,
Чтоб торопиться.

Аксенов

Надо рассудить
Да поразмыслить.

Поспелов

Думать ваше дело.

Минин

Что есть у нас? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберем казну, и люди соберутся,
Стрельцы, казаки. Всякого народу
По свету белому довольно бродит
Без дела и без хлеба; рады будут
Трудом себе копейку заработать.
Не все же грабить! Хоть не все, а помнят,
Что есть Бог на небе, что он судья
Всех дел и тайных помышлений наших.
А воеводу миром изберем.

Аксенов

Кого излюбим, тот у нас и будет.

Минин

Казна всего нужнее.

Аксенов

Верно слово.

Минин

Где взять казны?

Поспелов

Собрать, Кузьма Захарьич.

Минин

Да много ли сберешь! На разговоры
Все тороваты, а коснись до дела,
Так и попрячутся. Не то что денег,
И тех, что посулили, не найдешь.

Поспелов

А ты не обижай, Кузьма Захарьич!

Аксенов

Не обижает, дело говорит.

Марфа Борисовна

Вот все, что есть, возьмите, коли нужно.

Минин

Душа святая! О тебе нет речи!
Твои достатки и тебя мы знаем.
Ты все отдашь, и я отдам, и он, —

Все будет мало. С чем тут приниматься!

И только что обидим мы без пользы
Самих себя, а делу не поможем.

Марфа Борисовна

Хоть и немного соберем, все помощь.

Минин

Какая ж помощь?

Марфа Борисовна

Мы к Москве пошлем.

Минин

Кому? Заруцкому да Трубецкому?
Возьмут, да и спасиба нам не скажут.
Нет, надо погодить сбирать казну.
Я говорил сегодня воеводам,
Просил их порадеть о земском деле,
Да не хотели слушать. Дьяк Семенов
Да Биркин чуть не выгнали меня.
Как на врага какого ополчились,
Обидели меня и обругали.
Не ведаю, за что напасть такая!

Когда уж власти не хотели слушать,
Кто нас послушает! В бедах и в горе
Сердца окаменели. О себе
Печется каждый, ближних забывая.

Марфа Борисовна

Так что же делать нам, Кузьма Захарьич?

Минин

Самих себя сначала приготовить
Должны мы: помыслы постом очистить,
Говеньем волю утвердить на подвиг
И скорому помощнику молиться;
Он даст нам разум, даст нам силу слова,
Сухим очам пошлет источник слез;
Тогда пойдем будить уснувших братий
И Божьим словом зажигать сердца.
Встает, и все за ним.

Аксенов

На проповедь выходят, как на битву,

Во всеоружии. Не всем под силу
Высокая апостольская доля!

Минин

Молись да жди, пока Господь сподобит
Тебя такую веру ощутить
В душе твоей, что ты не усомнишься
С горами речь вести и приказать
Горам сползти с широких оснований
И двинуться к тебе, и будешь верить,
Что двинутся; тогда покинь свой дом,
Себя забудь и дел своих не делай!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
Тогда пошлем по дальным городам;
А по окольным разойдемся сами,
И наших уст смиренные глаголы
Польются в души, и сердца в народе
Затеплятся, как свечи пред иконой.
Давайте руки! Кто за Божье дело?

Все

Мы все идем!

Марфа Борисовна

Благослови вас Бог!

Минин

Мы будем знаменья просить у Бога,
Когда начать. Он сам покажет время.
Тогда сбирать казну на помощь ратным!
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носит крест на теле,
Приносит в сбор все животы свои,
Душа твоя нужна, — отдай и душу!

Аксенов

Помолимся! Благословенно буди
Господне имя ныне и до века!
Прощай, хозяюшка.

Марфа Борисовна

Прощенья просим.

Кувшинников

За угощенье!

Марфа Борисовна

Ну, уж не взыщите!
Чем Бог послал.

Лапша

За ласковое слово.

Марфа Борисовна

Напредки не забудьте!

Минин

Ваши гости!

Уходят, кроме Поспелова.

Явление четвертое

Марфа Борисовна, Поспелов, Домна и потом девушки.

Марфа Борисовна

Покличь-ка девок, Домнушка, сюда,
Да и сама приди!

Домна

Как раз, я духом.

(Уходит.)
Молчание.

Марфа Борисовна

Ты, Алексей Михайлыч, на дорожку
Медку не хочешь ли?

Поспелов

Пожалуй, выпью,
Да не об меде речь! Мне слаще меда
Твой разговор.

Марфа Борисовна

Какой проказник! Право!

Подносит мед, Поспелов пьет.

Поспелов

Поверь, не до проказ. Меня ты знаешь;
С покойником твоим мы дружно жили,
Росли мы вместе, вместе воевали.
Одна душа у нас, один обычай.

Молчание.

Родных, что было, примерли давно,
Я круглым сиротой остался, Марфа
Борисовна. Сладка ли жизнь такая!
Ты мне роднее всех. Чем я не люб,
Скажи?

Марфа Борисовна

И, что ты! что ты! Бог с тобой!

С чего ты взял? Нет, ты не обижай!

Кто говорит тебе, что ты не люб мне!

Входят Домна и девушки, молча садятся за работу.

Поспелов

Ну, люб, так ладно. Вот спасибо, Марфа

Борисовна! Сказал бы я словечко

Еще тебе; боюсь, не прогневить бы.

Марфа Борисовна

Как не грешно тебе! Да чем же можешь

Ты прогневить меня!

Поспелов

Своей любовью.

Марфа Борисовна

Ах!.. Нет... я, право... Что тебе смотреть

На гнев мой! Что же, разве что дурное

Ты говоришь мне! Ты не виноват.
Что с добрым сердцем ты на свет родился.
Какая же в любви обида! Мне
Тебя благодарить за это надо.

Поспелов

Давно уж я сбираюсь с духом, Марфа
Борисовна, хочу тебе сказать:
Будь мне женою; с честными венцами
На головах и с радостью на лицах,
По соболям, войдем в мой дом просторный
Жить-поживать и в холенье и в неге,
И за любовь до гробовой доски
Делить и радость пополам и горе.
Другой бы я сказал, не побоялся,
А пред тобой, как точно перед грозным
Царем стою, жду милости иль казни;
Боюсь, что словом, ровно как злодею,
Ты снимешь голову с могучих плеч.

Марфа Борисовна

Нет, ты меня не бойся… Пожалей

Ты слабость женскую! Медовой речью
Вдове мирского счастья не сули!
Ты не мути мой тихий сон мечтою
И вдовьих слез моих не отнимай!
Послушай, мой желанный! Я по правде
Скажу тебе: ты люб мне, я другого
Хозяина себе и не желаю.
Ты, Алексей Михайлыч, муж такой,
Какого не найдешь… Да только вот что:
То нездоровится, то дела много
По дому, знаешь. Как-то все не время…
Поверишь ли, с ног сбилась от заботы.
Мы лучше уж немного подождем.
Ты не печалься, Алексей Михайлыч!
Еще ведь наше время не ушло.

Молчание.

Я, может, и не так что рассудила,
Ты не взыщи! Таков наш бабий разум.
Тебя мне жаль, вот видит Бог, что жаль.
Да что же делать, неудобно время.

Поспелов

Голубушка! Зачем себя ты губишь?
В твоей поре тебе бы только ласку!
От ласки женский пол еще цветней!
Что сохнуть-то тебе одной, как в келье,
И день и ночь с ворчливою старухой
Все об одном и том же толковать!
Тебя бы целовать, да миловать,
Да крепко к сердцу прижимать!

Марфа Борисовна

Ну, будет!
Мы после как-нибудь поговорим.
Не до того мне, Алексей Михайлыч!
Так голова с чего-то разболелась,
Уж и не знаю. Лучше не тревожь
Меня теперь! Найдем такое время
Свободное.

Поспелов

Изволь, моя родная!
Ждал долго, можно подождать еще.

Прощенья просим!

Марфа Борисовна

И меня прости.
Господь с тобой!

Поспелов

Бог даст, коль живы будем,
Увидимся.

Марфа Борисовна

Ну, как не увидаться!

Поспелов уходит.

Явление пятое

Те же, без Поспелова.

Марфа Борисовна

Какие речи! Господи помилуй!
Не слушать бы! А как же их не слушать!
В миру живешь, с людями; по-мирски
И надо жить — все видеть и все слышать.
Куда бежать от суеты мирской!

Как от соблазна чистой уберечься!
Зияет бездна, каждый час шумит
Житейское волнуемое море.
Ушла бы я, на крыльях улетела
В святую келью, в тихий уголок;
И в трепетном сиянии лампады,
В благоуханной тишине святыни
Земное небо, рай свой, увидала:
Боюсь внести в святую тишину
Горячую, бунтующую юность.
О юность, юность, скоро ль ты пройдешь!
Мне с миром легче, чем с тобой, бороться.
Куда нийду, соблазн за мною следом;
Напрасно я фатой широкой крою
И блеск очей и белое лицо:
Подует ветер, так ли распахнется —
И мигом грех в чужой душе посеешь.
И видишь юношу, стоит он нем,
Другого взгляду ловит, сам готовит
В своем уме лукавые приветы.

Вот по следам идет и шепчет в уши,
Завешенные жемчугом, и жемчуг
Не охраняет; весь соблазн, весь яд
Мне прямо в сердце, в кровь мою проходит,
И слабый ум все более слабеет,
И сладок грех является тебе;
И слушаешь, боишься оглянуться,
Как точно двое за тобой идут:
Один лицо приветливое кажет
И ненаглядную красу, и юность
И молча улыбается. Другой же
Темнее ночи, и глаза, как угли,
Горят во лбу, и длинный хвост тащится.
Идет и шепчет льстивым языком
Соблазн и грех. О Господи, помилуй!
О юность, юность, молодое время!
Куда бежать мне? Господи, помилуй!

(Закрывает лицо руками.)

Домна

Вы видите, сгрустнулась, поминает

Об юности. Вы спойте ей про юность!

Девушки
(поют)

Юность, моя юность-молодое время!
Юность, возбудися, в себе ощутися!
Юность возбудилась, в себе ощутилась,
В разум приходила, слезно говорила:
Кто добра не ищет, кто худа желает!
Я была бы рада — сила моя мала!
Сижу на коне я, и тот не обуздан,
Смирить коня нечем — крепких вожжей нету.
Вижу я погибель, страхом вся объята,
Не знаю, как быти, чем коня смирити!

Действие третье
(Октябрь 1611 года)
Сцена первая

ЛИЦА:
Биркин.
Семенов.
Минин.
Поспелов.
Аксенов.
Темкин.
Губанин.
Лыткин.
Нефед, сын Минина.
Павлик.
Марфа Борисовна.
Татьяна Юрьевна, жена Минина.
Всякие люди Нижнего Новгорода.

Небольшая площадь в Кремле, недалеко от собора. К концу, в седьмом явлении, начинает смеркаться.

Явление первое

Выходят Лыткин и Павлик.

Лыткин

Да что ты уж очень печалишься?

Павлик

Будешь печалиться! разве ты нашего Ивана Иваныча не знаешь? Взглянет только, и то мороз по коже подирает. А ведь я в какую беду-то влез. О, горе мне, грешнику! Язык мой — враг мой!

Лыткин

В чем же ты провинился?

Павлик

В чем? Велико мое окаянство! Страшно и вымолвить! Посылал он меня к одному благоприятелю своему с письмом; куда посылал, уж это не твоего ума дело; проездил я безо дня две недели и вернулся вчера утром. Только хмелен был очень, домой-то идти побоялся. Встрелся я с приятелем, со стрельцом; тут еще подошли человек с пяток, тоже стрельцы; зашли мы во царев кабак, купили винца, пошел у нас шум, разговоры. Вот и, с пьяных-то глаз, и проболтнись. Придет, говорю, королевич на царство, Ивана Иваныча сделает воеводой в Нижнем, а меня дьяком; потому, говорю, что мы ему слуги верные. Откуда ни возьмись

Минин, хвать меня за ворот, я — в ноги; валялся-валялся я в ногах-то, отпустил, только не велел навстречу попадаться. Вот какое дело-то! Ну, как он скажет Ивану Иванычу, либо уж сказал! что тогда? Повесить не повесит, а кнута изведаешь. Уж это лучше и к бабушке не ходи! Никак, он идет! Ой, схоронимся!

Уходят. Выходит Биркин.

Явление второе

Биркин
(один)

Здесь в Нижнем что-то зреет. По всему
Заметно, что народ затеял нечто.
Все замолчало, как постом великим;
На всем какое-то говенье видно;
Бледнеют лица, а глаза сияют.
Но что же может сделать этот люд?
Пойти к Москве нестройною оравой
И умирать иль разбегаться розно
От польских латников. Пускай идут,
Попробуют; а нам просторней будет.

Не знаю, что мне делать! Не найдешь
Товарищей; никто не хочет слушать.
С Семеновым приятели большие,
А как до дела — затыкает уши.
Он стар да глуп, упрям да бестолков,
С ним пива не сваришь. Нет, здесь не тяга!
Махнуть в Казань: там есть благоприятель,
Тому не в первый: он вертел хвостом
Еще при Шуйском. Человек он сильный,
Живет себе не тужит, только брюхо
Растит да гладит бороду свою.
Да что ж он держит моего холопа,
Павлушку!

Павлик входит.

Вот он! Как же ты посмел,
Не показавшись, по городу шляться?
Все пьянствуешь, анафема! Смотри!
Кнута попробуешь! Когда приехал?

Павлик

Сегодня утром.

Биркин

Что ж ты не явился?

Об двух ты, что ли, головах, бездельник!

Ну, мы сочтемся дома. Говори,

Что видел и что слышал.

Павлик

Есть письмо.

(Достает письмо.)

Биркин

Давай сюда! Проворней!

(Берет и читает.)

А словами

Приказывал аль нет? В письме не пишет

Всего, и дельно: писано пером,

Не вырубишь и топором. Он пишет:

«А про мое здоровье Павел скажет».

Ну, сказывай!

Павлик

Бог милует, здоров.

И кланяться велел тебе, и молвил,

Что он своим умом живет, что в мутной

Воде он ловит рыбу втихомолку,

И что своя рубашка к телу ближе,

Что смелым Бог владеет. Вот и все.

Какой приказ твой, государь, мне будет?

Биркин

Ступай теперь в народе потолкайся!

И, что услышишь, приходи сказать!

Павлик уходит. Входит Семенов. Народ проходит.

Явление третье

Биркин и Семенов.

Биркин

Что тяжко воздыхаешь?

Семенов

О грехах.

К земле гнетут и тянут, словно ноша.

Что ж у вечерни-то, Иван Иваныч,

Ты не был? Аль проспал?

Биркин

И то проспал.
Лег после хлеба-соли малым делом
Соснуть, да и проспал. Хожу, гуляю,
Пусть ветром пообдует после сна.

Семенов

Гуляй, гуляй! Вы люди молодые,
Еще замолите; а нам так жутко
Приходит, старикам. Не нынче-завтра
Бог по душу пошлет; тогда уж поздно
Грехи замаливать: ступай к ответу!
Судья предстанет, свиток развернут,
Что злые мурины[3] *всю жизнь строчили*
На всяком месте и во всякий час.
Что делал худо, черный мурин пишет;
Помыслил — не пропустит и того.
Чего-чего в том свитке не найдется!
А добрых дел вот списочек, такой

---

[3] Примечания: 3
Мурин — То же, что «нечистый». (Прим. А. Н. Островского.)

Коротенький, представит со слезами
Хранитель-ангел и отыдет прочь.

Биркин

Ты что-то рано умирать задумал!
А выдет, что и нас переживешь.

Семенов

«Не вести, сказано, ни дня, ни часа».

Биркин

Да что ты приуныл, как посмотрю я?
И все вы, точно мухи в сентябре,
Чуть бродите.

Семенов

Да что ж тебе за диво!
Не радует ничто — и приуныли.
Тебе что весело?

Биркин

Унынье — грех!

Семенов

Да и плясать, когда другие плачут,
Не спасенье!

Биркин

Ведь это человеком:
Один слезлив, другому обухом
Слезы не вышибешь. Пойдем! Есть дело
Мне до тебя. Попьем да потолкуем.

Семенов

Что ж, праздничное дело, я не прочь.

Биркин

У нас так праздник каждый день, Василий
Семенович. Где бражник, там и праздник.

Уходят. Выходят Марфа Борисовна и Поспелов.

Явление четвертое

Марфа Борисовна и Поспелов.

Марфа Борисовна

Давненько не видались.

Поспелов

Шесть недель.

Марфа Борисовна

Как время-то идет!

Поспелов

А что?

Марфа Борисовна

Да скоро.

Поспелов

Не больно-то! Мне эти шесть недель
Не за год, не солгу, а за полгода
Никак не меньше показались.

Марфа Борисовна

Что так?

Поспелов

Да разве ты не знаешь?

Марфа Борисовна

Ах, голубчик!
Я думала, что ты уж и забыл!

Поспелов

А ты б и рада?

Марфа Борисовна

Да не то что рада,

А все не время, некогда подумать.

Поспелов

Об чем тут думать, голову ломать!

Марфа Борисовна

Кто ж за меня подумает?

Поспелов

Все я же,

И за себя и за тебя.

Марфа Борисовна

Какой ты

Догадливый! Спасибо, что избавил

Меня от тяжкой думы, от заботы!

Позволь спросить, по-твоему-то как же

Выходит?

Поспелов

Помолясь, да по рукам.

Сиротским делом сходим на могилку

Родителям почившим поклониться,

А там, как водится, честным пирком
Да и за свадебку.

Марфа Борисовна

Не долго думал,
А хорошо сказал.

Поспелов

А нечто худо?

Марфа Борисовна

Ты лучше знаешь.

Поспелов

Значит, так и быть,
По-моему?

Марфа Борисовна

Да ну, уж ладно, ладно.

Поспелов

Утешила меня ты. Точно камень
Лежал на сердце, отлегло теперь,
А то, бывало, сердце, ровно голубь,
Так и колотится без перемолку.

Марфа Борисовна

Ты помолчи пока, мой друг сердечный!

Поспелов

Зачем молчать? Кого же мы боимся!

Марфа Борисовна

Что прежде времени молву пускать!
Не к спеху дело, погодим немного.

Поспелов

Чего еще? Ты развяжи меня!

Марфа Борисовна

Ну, что на улице за разговоры!
Не мало дней у Бога; потолкуем
И после, без помехи, на досуге.
Ступай себе! Вон, видишь, из собора
Татьяна Юрьевна выходит. Плачет
Об муже, бедная. Прощай, голубчик!
Пойду я к ней, разговорю немного.

Поспелов уходит. Выходят Татьяна Юрьевна и две женщины.

Явление пятое

Марфа Борисовна, Татьяна Юрьевна и две женщины.

1-я женщина

Поверь, что с глазу, больше ни с чего.

2-я женщина

А то испортил кто-нибудь. По ветру
Болезнь пущают злые люди часто.

(Обе проходят.)

Марфа Борисовна

Татьяна Юрьевна, оставь кручину!
Напрасным страхом сердце не томи!
Пройдет невзгодье, мирно Бог устроит
И миром оградит святую Русь,
Тогда Кузьма Захарьич перестанет
Печалиться, здоров и весел будет.
Не плачь, греха на душу не бери!

Татьяна Юрьевна

Как мне не плакать! Ты бы поглядела,
Что сталось с ним. Как ярый воск, он

тает.

От сна, от пищи, от всего отстал

И буйную головушку повесил.

И все молчит. Вот иногда и спросишь:

«О чем ты, мил-сердечный друг, тоскуешь?»

Не скажет; нет, не скажет, промолчит,

Махнет рукой, а иногда заплачет,

Так и уйдет. Посмотришь вслед ему,

Да и зальешься горючьми слезами.

Марфа Борисовна

Молись, Татьяна Юрьевна, молись!

Да меньше плачь! Господь ему поможет.

Татьяна Юрьевна

Да что же он молчит-то! Я жена,

А не чужая.

Марфа Борисовна

Что же будет проку

Тебе сказать-то! Посуди сама:

Короток женский ум, от нас совету
Не ждать им; ну, а праздно толковать
О деле важном — тоже не годится!

Татьяна Юрьевна

Головушка кручинная моя!

(Качает головой и задумывается.)

Ты видела, стоял он у вечерни.
На что похож! Ведь краше в гроб кладут.
Глаза горят, лицо как саван белый,
Засохшие не шевелятся губы;
Как вкопанный он не сводил с иконы
Очей; крестом сложенные персты
До ясного чела не подымались;
И только слезы, как ручьи весною,
Бежали по щекам, по бороде
И капали. Убогонький Гришутка
Стал рядом с ним, как лист дрожит и плачет,
То на него, то на икону взглянет.
К добру ли это? Говорят, за кем
Убогий ходит, тот на белом свете

Уж не жилец. А Гриша, как нарочно,
Не отстает ни шагу от него.

Марфа Борисовна

И, полно ты! Кого убогий любит,
Тот человек угоден, значит, Богу.

Татьяна Юрьевна

Кто Господу угоден, тех Господь
К себе берет.

Марфа Борисовна

Отчаянье — грех смертный!

Татьяна Юрьевна

О! загляни ты в грудь, что там творится?
Тогда и осуждай!

Молчание.

Сегодня ночью
На малый час он не уснул и только
В соборный ранний благовест забылся;
Как звоны отошли, он вдруг проснулся,
Вскочил с постели, разбудил весь дом.

Велел зажечь все свечи, все лампады
И до свету молился со слезами.
И мы молились. «Чудо! чудо Божье!» —
Он все твердил, а не сказал какое.

Марфа Борисовна

На вас нисходит благодать Господня,
Ваш дом он избрал для чудес своих.
Ты радуйся, не плачь! Молебны пойте!
Из всех церквей иконы поднимите!
И крестным ходом город весь пойдет
С хвалебным пением и со свечами
На место свято.

Татьяна Юрьевна

Проводи меня!

Марфа Борисовна

А где же муж?

Татьяна Юрьевна

В соборе с протопопом
Остановился, говорят о чем-то.

Марфа Борисовна

Пойдем, Татьяна Юрьевна, пойдем!

Уходят. Выходят Аксенов, Темкин, Губанин, Лыткин и разные торговые и посадские люди.

Явление шестое

Аксенов, Темкин, Губанин, Лыткин и народ.

Аксенов

Ну, так как же, ребятушки, а? Ну вот теперь нас много сошлось, давайте поговорим толком!

Лыткин

И то надо толком. А то что это! Господи Боже мой! Тот говорит: «Давай денег!» Другой говорит: «Давай денег!» А для чего — никто толком не скажет.

Темкин

Тебе только все разговаривать, лясы точить, а дела-то делать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорок дней со днем сходимся да толкуем.

Губанин

Уж и не говори! Срам! То есть, кажется, не глядел бы людям в глаза от стыда, особливо Кузьме Захарьичу. Он о земском деле печалится, а мы… Ах, стыдобушка!

Аксенов

Значит, ребята, как в последний раз говорили, так и быть: третью деньгу.

Голоса

Третью деньгу. — Что ж, мы не прочь! — Так тому и быть! — Что сказано, то свято!

Губанин

Все, дедушка, согласны, все. (*К народу*.) Не стыдите, братцы! (*Аксенову*.) Дедушка! Спорщиков нет.

Аксенов

Постой ты, погоди! От трех денег — деньгу, от рубля — десять алтын, от трех рублей — рубль.

Голоса

Ладно! Ладно! (*Разговор в толпе*.) С десяти рублев выходит — три рубля да десять алтын. — А от сорока? Долго ль счесть! — С пятидесяти рублев — пятнадцать рублев. — Не пятнадцать, а шестнадцать рублев двадцать два алтына. — Ишь ты, счетчик! Да уж ладно, ладно!

Лыткин

Стойте! Как же это? Значит, все одно, что семейный, что одинокий?

Губанин

Как тебе не грех рот-то разевать! Ужли один против всех пойдешь?

Аксенов

Тебе что за дело до одиноких! Одинокий-то, может, все отдаст, да и сам своей головой пойдет!

Темкин

Ах ты, жила! Прости, Господи!

Лыткин

Да что жила! Кому ж своего не жаль!

Губанин

На земское-то дело? Экой срам! Ну уж…

Аксенов

Стало быть, и делу конец. Отслужить молебен, да и собирать.

Губанин

У нас в рукавичном ряду уж и деньги готовы.

Голоса

В железном ряду хотят собирать. — Толкуют и в хлебном. — И в горшечном. — И в мясном. — И рыбаки.

Лыткин

А как же теперь товар?

Темкин

Прикинем.

Голоса

Известно, прикинем, что чего стоит. — Долго ль прикинуть. — В цену поставим.

Лыткин

А кто приценивать будет?

Темкин

Все мы же.

Голоса

Промеж себя выберем. — Всякий в своем ряду. — Свой суд короче.

Лыткин

Да как же я поверю чужому человеку свое добро ценить?

Аксенов

Мы не без креста ходим.

Темкин

Самому тебе не счесть, как мы сочтем.

Голос из толпы

Мы торговые люди, друг у дружки каждую деньгу насквозь видим.

Лыткин

Что ж такое! Лучше ложись да умирай!

Темкин

Ну и умирай! Ну, умирай!

Аксенов

Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь? Так ступай в лес, да и живи себе. С людьми живешь, так и слушай, что мир говорит. Больше миру не будешь! Мир никто не судит, один Бог. Велит мир, так и всё отнимут.

Темкин

Да и отнимем, силой отнимем.

Лыткин

Да ведь это разор!

Темкин

Ну, да что на него смотреть, Петр Аксеныч! Как сказано, так и будет. На том все и станем.

Голоса

Все! — Все!

Темкин

Есть тут кто-нибудь из немцев?

Немец

Я.

Темкин

Ты согласен?

Немец

Да!

Темкин

Вот видишь ты, Василий! Ну скажи ты мне теперь, есть в тебе душа али нет?

Губанин

Брось ты его!

Темкин

Зреть не могу таких людей; вся душа во мне поворачивается.

Голоса

Кузьма Захарьич идет! — Кузьма Захарьич!

Входит Минин. Все кланяются.

Явление седьмое

Те же и Минин.

Аксенов

Что ты невесел, голову повесил?
Аль что неладно? Али прихворнул?
Какие вести есть?

Минин

Вестей довольно.

Аксенов

Что пишут?

Минин

Все одно и то же, точно
Как сговорились. Все хотят быть с нами
В любви, в совете и в соединенье,
На разорителей хрестьянскои веры
Единомышленно идти готовы.
Теперь лететь бы к матушке Москве!
Подняться нечем, спутала нужда,

Узлом орлиные связала крылья.
Видна добыча, а тяжелых крыльев
Не отдерешь, и бейся оземь грудью
И алую точи по капле кровь!

Аксенов

Мы положили третью деньгу брать
От денег, от товару тоже.

Минин

Мало.

Аксенов

И те с трудом, а больше не сберешь.

Минин

Я знаю.

Аксенов

Тяжело одним. Помогут
Другие города.

Минин

Плохая помощь!
Все обнищали. Рады бы помочь,
Да нечем.

Аксенов

Так и быть. На нет — суда нет.
Что есть, с тем и пойдем. Наймем под-
могу,
Стрельцов бродячих да казаков конных.

Минин

Ждать нечего, пойдемте умирать
За Русь святую! Сходим к воеводе,
Челом ударим, чтобы вел к Москве;
А не пойдет, так выберем другого.
Мне ждать нельзя. Мне Бог велел идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божий. Не пойдет никто, один
Пойду. На перепутьях буду кликать
Товарищей. В себе не волен я.
Послушайте!
Все обступают его.
Сегодня поздней ночью,
Уж к утру близко, сном я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спал я
Или не спал. Вдруг вижу: образница
Вся облилася светом; в изголовье

Перед иконами явился муж
В одежде схимника, весь в херувимах,
Благословляющую поднял руку
И рек: «Кузьма! иди спасать Москву!
Буди уснувших!» Я вскочил от ложа,
Виденья дивного как не бывало;
Соборный благовест волной несется,
Ночная темь колышется от звона,
Оконницы чуть слышно дребезжат,
Лампадки, догорая, чуть трепещут
Неясным блеском, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоям
Благоуханье.

Аксенов

Слава в вышних Богу!
Но кто же старец? Рассмотрел ли ты?
Угодников ты подлинники знаешь.

Входит Нефед.

Явление восьмое

Те же и Нефед.

Нефед

Где батюшка?

Минин

Что надо? Что случилось?

Нефед

Гонцы от Троицы живоначальной,
От Сергия-угодника пришли.

Минин

От Сергия-угодника? И старец,
Явившийся мне, грешному, был Сергий.

Голоса

Перст Божий! — Божья воля! — Чудеса!
Еще от нас Господь не отступился.

Нефед

У них письмо отца архимандрита
И келаря.

Минин

На воеводский двор
Ступай, Аксеныч, прямо к воеводе!
Оповести его! А вы сбирайте
Дворян, детей боярских, и голов,
И сотников стрелецких и казацких,
И земских старост, и гостей, и всяких
Людей служилых к воеводе в дом.
Не соберутся, так в набат ударим.
А ты, Нефед, домой! Веди гонцов!
Как есть с дороги, так пускай и идут.
Теперь в последний раз, друзья, пойду я
Боярам, воеводам поклониться.
Молитесь Богу, чтоб смягчил он сердце
Властителей, смирил гордыню их,
Чтобы помог мне двинуть кротким словом
На дело Божье сильных на земле.

Голоса

Господь поможет. — Он тебе поможет. —
Молиться будем! Господа умолим.

Все уходят.

Сцена вторая

ЛИЦА:
Воевода, Андрей Семенович Алябьев.
Биркин.
Семенов.
Минин.
Аксенов.
Поспелов.
Колзаков.
Роман Пахомов.
Дворяне, дети боярские, головы, старосты, богатые посадские люди.

Большая богатая изба в воеводском доме.

Явление первое

В избу входят постепенно разные лица, всё более пожилые и зажиточные, потом Аксенов. Вновь пришедшие кланяются молча с теми, которые пришли прежде. Говорят вполголоса.

Голоса

Зачем нас собирают? Аль беда какая? — Нет, грамоту из Сергиева монастыря привезли. —

Верно, не легко, коли грамоты пишут? — Какая легость! Видимая смерть! Наша рать разошлась, а к врагу на подмогу сила подходит. — Что же в грамоте пишут? — Подожди малость, всё узнаем.

Входит Аксенов.

Кто привез грамоту?

Аксенов

Роман Пахомыч. Кому же больше!

Один голос

Эка голова!

Аксенов

Сам великий господин патриарх называет их, его да Родиона Мосеича, бесстрашными людьми. Так и пишет: «А пришлите мне тех бесстрашных людей!»

Один из толпы

Говорят, Пахомов от всякой напасти заговорен.

Аксенов

Толкуй тут! Известно, божьим произволением. К патриарху ходит, благословение принимает, а ты: «заговорен!». Нешто такие заговоренные-то бывают?

Другой из толпы

Заговоренный-то который — и креста не носит, а не то что к благословению идти.

Аксенов

Да еще к кому? К самому патриарху!

Входят Минин, Поспелов и Роман Пахомов.

Явление второе

Те же, Минин, Поспелов и Роман Пахомов.

Голоса

Роман Пахомыч, здравствуй! — Здравствуй! — Как тебя Бог милует? Здорово ли доехал? — Чай, устал?

Роман Пахомов

Немножко есть. Последние две ночи не ночевал, все ехал.

Аксенов

Где ехал?

Роман Пахомов

От Троицы на Суздаль, оттуда на Балахну.

Аксенов

Чиста дорога?

Роман Пахомов

Ничего, Бог миловал.

Голоса

Что в Москве? — Что в Москве, Роман Пахомыч?

Роман Пахомов

Плохо.

Голоса

А что? — Что такое?

Роман Пахомов

Пожжено, разорено, хлеба мало.

Голос

Ужли и хлеба мало?

Роман Пахомов

Мало. Я стоял у одного посадского, у Яузских ворот, — бедствует.

Голоса

Ах, сердечные! — Эка беда! — Эка причина!

Аксенов

Скажи ты мне на милость, пуще мне всего: к патриарху ходу нет?

Роман Пахомов

Теперь нет, крепко держат.

Аксенов

И все вор Андронов?

Роман Пахомов

Все хороши.

Голоса

А что Трубецкой? — Что Заруцкий с войском?

Роман Пахомов

Какое это войско! Вор на воре! Содом!

Входят Воевода, Биркин, Семенов, Колзаков и несколько народа.

Явление третье

Те же, Алябьев, Биркин, Семенов, Колзаков и другие. Воевода садится за стол; некоторые садятся; некоторые стоят. Роман Пахомов подает грамоту Воеводе.

Воевода

Здорово ли доехал?

Роман Пахомов

Ничего.

Воевода

Ну, молодец же ты, Роман Пахомов!
Хвала и честь тебе! Чай, отдохнуть
С дороги-то захочешь?

Роман Пахомов

Да когда уж!
Велели к вам заехать, да в Казань.
Уж отдохну, вернувшись из Казани.

(Отходит).

Воевода

Все собрались?

Голоса

Все.

Воевода
(отдает грамоту Семенову)

Читай, Василий!

Семенов

Сначала тут, как водится, все власти
Казанские и весь народ помянут:
Татары, черемиса, вотяки
И прочие.

(Читает.)

«Не раз мы вам писали
О нашей гибели и разоренье;
И снова молим вас: не позабудьте,
Что вы родились в православной вере,
Святым крещением знаменовались.
Сего-то ради положите подвиг
Страданья вашего за ваших братий!
Молите всем народом христианским
Людей служилых быть в соединенье
И заодно стоять против врагов

И всех предателей хрестьянской веры.
Вы сами видите, что всем близка
От тех врагов конечная погибель.
В которых городех они владели,
Какое разоренье учинили!
Где Божьи образы и где святыня?
Не все ли разорили до конца
И обругали наглым поруганьем!
Где множество бесчисленное в градех?
Не все ли люто горькими смертями
Скончалися! Где в селах наши чада,
Работные? Не все ли пострадали
И в плен разведены! Не пощадили
И престаревших возрастом. Седин
Не усрамились старцев многолетних
И душ незлобивых младенцев. Все
Испили чашу праведного гнева.
Попомните и смилуйтесь над нами,
Над общей гибелью, чтоб вас самих
Та лютая погибель не постигла!
Не мешкая, идите в сход к Москве!
Вы сами знаете, всему есть время,

Без времени бездельно начинанье
И суетно. А если есть меж вас
Какое недовольство — отложите!
Соединитесь все, забыв обиды,
И положите подвиг пострадать
Для избавленья православной веры!
Незакосненно сотворите дело,
Казною и людями помогите!
Чтоб скудостью и гладным утесненьем
Боярам, воеводам и всем людям
Порухи никакой не учинилось.
О том вас молим много со слезами
И от всего народа бьем челом!»

Воевода

Вели списать ты список слово в слово,
А грамоту отдай свезти в Казань.

Минин

А что ответим?

Семенов

Знают воеводы

Про то, а наше дело будет — слушать.

Минин

Послушаем.

Воевода

Мы рады бы идти,
Да нас походы разорили вовсе.
Давно ль ходил князь Александр Андреич,
И я ходил; без дела не сидели!
Казны да войска просят. Где ж нам взять?

Аксенов

Поищем, так найдем.

Семенов

А где найдешь ты?

Аксенов

Промеж себя найдем; сберем, что можем.

Семенов

Да много ль денег?

Минин

Сколько ни на есть!
Уж это наше дело.

Воевода

Доброй воли
Я не снимаю с вас. Сбирайте с Богом!

Семенов

Ну, может быть, кой-что и соберете;
Что ж делать будете?

Аксенов

Тебя не спросим.

Минин

Наймем людей служилых да стрельцов,
Да и пошлем к Москве.

Семенов

Без воеводы?

Минин

Как преж того водил Андрей Семеныч,
Так и теперь ему челом ударим.

Воевода

Я не пойду, устал.

Минин

Андрей Семеныч!
Ты вздумай, если нашим нераденьем
Московскому крещеному народу
Конечная погибель учинится,
Иссякнет корень христианской веры,
И благолепие церквей господних
В Московском государстве упразднится
—
Какой ответ дадим мы в оный день,
В день страшного суда?

Воевода

А кто порукой.
Что наше войско враг не одолеет,
Что врозь оно не разбежится, прежде
Чем мы Москву перед собой увидим?
Не хуже нас ходили воеводы!
Со всех концов бесчисленное войско
Шло под Москву громовой черной ту-

чей.

Рязанцы шли с Прокопом Ляпуновым,

Из Мурома с окольничим Масальским,

Из Суздаля с Андреем Просовецким,

Из городов поморских шел Нащокин,

С Романова, с татарами-мурзами

И с русскими, шли Пронский да Козловский,

С Коломны и с Зарайска князь Пожарский,

Петр Мансуров вел галицких людей,

Из Костромы пошли с Волконским-князем,

Из Нижнего князь Александр Андреич.

Да не дал Бог; все розно разошлись.

Так как же хочешь ты, чтоб с горстью войска

Я шел к Москве? Мне с Господом не спорить!

Минин

Мы все на Бога. Сами виноваты,

А говорим: «Бог не дал». Да за что

Ему и дать-то нам! Такое дело
Великое как делалось, сам знаешь.
Когда-то соберутся да пойдут,
Как точно через пень колоду валят.
А соберутся, — споры да раздоры:
Да не о том, кто первый помереть
За Русь святую хочет, — разбирают,
Кто старший, набольший, кто чином больше,
Кто стольник, видишь ты, а кто боярин.
Другой боярин-то, гляди, в Калуге
Боярство-то от вора получил.
Поспорят, покричат, дойдет до драки;
До смертного убивства доходило!
Потом и разойдутся нас же грабить,
Врагу на радость, царству на погибель.
Да ты не осердись, Андрей Семеныч!

Воевода

За что сердиться! Правду говоришь.

Минин

А там и говорят, что не дал Бог.

Что за корысть великим воеводам

За нас, за маленьких людей, сражаться,

За дело земское стоять до смерти!

Им хочется пожить да погулять!

Им хорошо везде. С царем повздорил,

Так в Тушино, — там чин дадут боярский;

Повздорил там, опять к царю с повинной:

Царь милостив, простит; а то так в Польшу.

Да и целуют крест кому попало,

Не разбирая; на году раз пять

Господне имя всуе призывают.

И все они, прости меня Господь,

Для временные сладости забыли

О муке вечной. Им ли нас спасать!

Такими ли руками Русь очистить

И в ней Господне царство обновить!

Голоса

Что правда — правда. — Что греха та-

ить!

Воевода

Кому ж стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьев?

Минин

Тем, кто больше терпит,
Кто перед Богом не кривил душой.
Когда народ за Русь святую встанет —
И даст Господь победу над врагом.
Нам дороги родные пепелища,
Мы их не променяем ни на что.
Нам вера православная да церковь
Дороже всех сокровищ на земле.
Мы волею креста не целовали
Губителям. А где и огрешились,
С веревкою на шее присягали,
Да и не знают, как и замолить.
Вот Кинешма, и Лух, и Балахна,
И Юрьевец омылися в крови,
Свою вину сторицей искупили.
Сам рассуди: по деревням, по селам

Что терпят! Враг внезапу набегает,
Дома разграбит, да сожжет и церковь,
Что обыдёнкой сложена всем миром
За избавленье Божие от мора
Иль от другой напасти. Что тогда?
Куда податься? Лучше умереть
В честном бою, всем разом, с глазу на глаз
С врагом, чем гибнуть всем поодиночке,
В плетнях да в рощах зверем укрываясь.

Воевода

За умножение грехов Господь
Нас наказал. Мы знаем все и терпим,
Так не грешно ли против Божьей воли
Нам восставать? Не лучше ли смириться?
Подумай! Тяжело бороться с Богом!

Минин

Господь не век враждует против нас
И грешнику погибели не хочет.

Придет пора, молитвой и слезами
Святителей и праведных людей
Разящий гнев Господень утолится
И нам, смиренным, снидет благодать.
Господь смиряет и Господь возносит,
Введет в беду и изведет из бед,
Враг одолел, творя его веленье,
Смирились мы, и нам Господь пошлет
Победу на врага и одоленье!

Воевода

Мне следу нет идти, пускай другие.

Минин

Ты не пойдешь, мы без тебя пойдем.
Позволь мне завтра кликнуть клич к народу;
Что соберем, с тем и пойдем к Москве.
По деньгам глядя, принаймем казаков.

Биркин

Не знаю, что Андрей Семеныч скажет,
А я б тебе и думать не позволил
Сбивать казаков своевольных в город.

В Казани их пущают понемногу,
Так человек десятка два, не больше,
Бояся смуты. Да и хорошо.
В тебя не влезешь. Говорят, чужая
Душа потемки. Может, ты затеял
Какую смуту аль измену всчать!
Твой замысел лукав, Кузьма! Ты хочешь
Опутать красным словом черный люд
И властвовать.

Минин

Постой, Иван Иваныч!
Чего не знаешь, ты б не говорил.
Я вот и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрел бы на себя, а не корил
Поклепом злым людей, себя честнее.
Тебя с собой я не зову к Москве;
Тебе и в Тушине тепло бывало.
Живи себе да бражничай здесь, в Нижнем!
Я не мешаю, не мешай и ты!
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты язык прикусишь.

Семенов

При тебе,
Андрей Семенович, такие речи
Он говорит. Возможно ли терпеть!

Минин
(показывая на Биркина)

Ты видишь, терпит.

Воевода

Замолчи, Кузьма!

Минин

Я замолчу, да уж и он не скажет
Ни слова больше, головой отвечу,

Семенов

Так я скажу. Я замысел твой вижу.
Не смуту — нет! — ты смуты не затеешь,
Ты от казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вот что!
Вы все барышники!

Минин

Очнись, Василий
Семенович! Ты старый человек!
По дурости ты это говоришь
Или по злобе на меня — не знаю.
Нет, я души своей не продавал
И не продам. Душа дороже денег,
Мы знаем твердо, ты не позабыл ли?
Мы тем живем, что Бог в торгу пошлет;
К поборам да к посулам не привыкли;
Добро чужое честно бережем,
А истеряем, так своим заплатим.
Ты будь покоен, я и не возьмуся
Ни собирать, ни соблюдать казну:
Мы старикам дадим на сбереженье,
Уж только не тебе, ты не взыщи!
Вот Петр Аксеныч, человек бывалый!
Найдутся и другие послужить
Для дела земского.

Аксенов

Бог даст, послужим.
Не в тягость служба, коли дело Божье

Да земское.

Воевода

А много ли собрать
Мекаете? Вам это дело ближе,
Виднее.

Минин

Прикажи нам кликнуть клич,
Тогда увидим.

Семенов

Много не сберете.

Аксенов

Что Бог пошлет, и тем довольны будем.
Ты прикажи, Андрей Семеныч, кликнуть!

Воевода

Все просите?

Голоса

Все, все, Андрей Семеныч!

Воевода

Ну, кличьте, с Богом!

Семенов
(Минину)

Соберешь алтын
За гордость за свою.

Минин

Не ошибись!

Аксенов

Благодарим тебя, Андрей Семеныч,
Что ты позволил нам к народу кликнуть
И собирать казну на Божье дело!
За что бы, кажется, благодарить!
Свои мы деньги соберем, положим
Свои труды; да ведь другой, пожалуй,
И помешал бы нам, а ты велишь.
Так уж тебе спасибо и за это!

Минин

Князья, и воеводы, и бояре,
И все честные люди, посудите
Своим умом и разумом великим

Мою простую речь! Не обессудьте,
Что я, помимо старших, затеваю
Такое дело! Не своя гордыня
Ведет меня. Гордыня — вражье дело;
А я слуга, я раб велений Божьих.
Сегодня ночью преподобный Сергий
Мне, грешному, явился, и велел он
Будить народ и поспешать к Москве.
Когда я близким стал про это чудо
Рассказывать, в тот самый час гонцы
Явились с грамотой архимандрита.
И мнится мне, что сам угодник Сергий
Ее прислал. Бояре, воеводы!
Я чудо Божье утаить не смел
И вам поведал все как перед Богом,
И слушать и не слушать ваша воля;
А мне одно: служить я буду Богу.
Я раб, пославшего творю веленья,
Пока исполнится завет Господень,
Пока кремлевские увижу стены.

Голоса

Иди, иди к Москве, Кузьма Захарьич!

Тебя Господь поддержит, укрепит!

Воевода

И мы по силе, по́ мочи поможем.

Голоса

Поможем все тебе! — Поможем все!

Воевода

А грамоту снесите к протопопу,
Чтоб завтра за обедней прочитал.
Велите в колокол большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

Семенов

А где свинцу да пороху возьмете?
Без огненного бою как соваться!

Минин

Займем в Казани, там в остаче много.

Семенов

А не сберешь ты войска, что тогда?

Минин

Один пойду.

Семенов

Один — не ратник в поле.

Поспелов

Ты не один пойдешь, и мы пойдем.
Посадские, торговые помогут
Вам деньгами, а мы все головами.

Дети боярские

Мы все идем с тобой, Кузьма Захарьич!

Поспелов

Никто меня здесь, в Нижнем, не удержит!
Служилые, воинские мы люди,
Мы по приказу шли и умирали.
Велят — иди и голову клади;
Теперь без зова я иду, охотой!
Уж умирать, так за святое дело!

Колзаков

Тебя Господь своим сподобил чудом;
Иди же смело в бой, избранник Божий!
И нас возьми! Авось вернется время,
Когда царям мы царства покоряли,
В незнаемые страны заходили,

Край видели земли, перед глазами
Земля морским отоком завершалась
И выл сердито море-окиян.
Довольно бражничать! Теперь есть дело:
Точить оружие, в поход сбираться!

Воевода

И с Богом! Только жаль, что вас не много.

Минин

Да разве враг нас одолел числом?
Он одолел нас Божьим попущеньем.
Не силой силен враг, а Божьим гневом,
Да нашей слабостью, да нашими грехами.

Аксенов

Не войска нужно нам, а благодати.

Минин

Велик Господь, владыко херувимский!
Прибежище и сила наша в нем!
Его рука дала врагам победу,

Его рука притупит их мечи.

Аксенов

Давид и мал, да сильного свергает.

Поспелов

Не много храбрых вывел Гедеон.

Минин

Самсон все войско костью побивает.

Аксенов

От гласа труб валится Ерихон.

Колзаков

С большой ордой побить врага не диво.

Минин

Во мнозе Бог! И в мале Бог!

Аксенов

Аминь!

Действие четвертое

ЛИЦА:
Воевода Алябьев.
Биркин.
Семенов.
Поспелов.
Колзаков.
Минин.
Аксенов.
Темкин.
Губанин.
Лыткин.
Нефед Минин
Татьяна Юрьевна.
Марфа Борисовна.
Всякие люди Нижнего Новгорода, обоего пола.
Слепые.

Площадь в Кремле недалеко от собора. Начинает рассветать.

Явление первое

Часть народа толпится на паперти у собора,

между ними Губанин. Вбегает Лыткин.

Лыткин

Ах, отцы мои, вот страсти-то! (*Увидав Губанина.*) Сема! Сема! Родимый ты мой, что за напасть такая?

Губанин

Какая напасть?

Лыткин

Да как же, Сема! Зачем в большой колокол-то били? Слышу я, зачали в колокол бить, народ бросился в город, так и обмер. Ну, думаю, всполох от воровских людей.

Губанин

Какой всполох? Что ты!

Лыткин

Так зачем же в большой-то? Ноне праздника нету.

Губанин

Затем и в большой, чтоб больше народу набралось. Грамоту из Сергиева монастыря читать будут.

Лыткин

Ишь ты! А ведь мне сдуру-то втемяшилось, что всполох. Велел домашним всю рухлядь, что есть, волочь в город наспех. Тут у ворот под горой и складывают.

Губанин

Кто о душе, а ты все о рухляди. Как тебе не стыдно!

Лыткин

Молод еще ты учить-то! Я уж страсти-то видывал. Как тогда князь Вяземский подходил, натерпелись тоже немало. Оно точно, Бог сохранил, а добра-то что распропало.

Губанин

На Москве больше нашего распропало.

Лыткин

Такое определение. Значит, терпи! Ну, а нам, пока Бог милует, свое добро беречь надо. Отошла обедня-то?

В народе

Грамоту читают! — Грамоту читают!

Губанин

Уж как хочется послушать! Кажись, ничего бы не пожалел.

Лыткин

Уж и я бы послушал. Протеснимся как-нибудь. Посторонитесь, почтенные!

Проходят. Народ мало-помалу протесняется в собор. У паперти открывается кучка слепых, которые были скрыты народом.

Слепые

(запевают)

Живал себе славен на вольном свету,
Пивал, едал сладко, носил хорошо,
Золотые одежи богат надевал,
Про милость про Божью богат не давал,
Про нищую братью богат забывал,
А был у богатого убогий братец:
Восползет убогий к богату на двор.
Закричит убогий громким голосом.

Заря занимается. Народ выходит из собора. Все утирают слезы. Слышны голоса: «Подайте слепому, убогому! Сотворите святую милостыню!» Мальчики уродят слепых на паперть.

Явление второе

Проходят двое.

1-й

Экой плач! Эко рыдание во всем соборе!

2-й

Да и было отчего. Все тебе как на ладонке видно, как Москва гибнет, как веру православную попирают. Как же тут не заплакать! Что мы, ка-

менные, что ли!

(Проходят.)

Старик и женщина.

Старик

Гибнет, говорит, все наше государство! гибнет вера православная! Легко сказать — гибнет вера православная! Каково это слово! Скажи ты мне, каково слышать?

Женщина

Тяжко-то оно слышать, тяжко, я хорошо, кабы почаще нам эти слова напоминать! А то живем тут, беды большой над собой не видим, никакой муки не терпим; не то что своих ближних, и Бога-то забудешь.

(Проходят.)

Проходят четверо.

1-й

Мы за веру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й

А кто же прочь? Да хоть сейчас умирать!

3-й

Потому, коли ты за веру пострадал, небесное царствие наследуешь.

4-й

Беспременно.

(Проходят.)

Две женщины.

1-я

Ни в жизнь столько слез не видала! Ни на одних похоронах того не бывает.

2-я

Уж и не говори! Так рекой и разливались. Ангелы-то с небеси, чай, смотрят да радуются. (*Проходят.*)

Выходит народ и становится стенами, образуя улицы для выходящих из собора. Выходят Воевода, Биркин и Семенов.

Явление третье

Воевода, Биркин и Семенов.

Воевода

(утирая слезы)

Вы видели, как плакал весь народ,
Вы слышали тяжелые рыданья!
Какие слезы! Боже! Прав Кузьма:
С таким народом можно дело делать
Великое. Он кроток, как дитя,
Он плачет. Но, взгляните, эти слезы —
Не хныканье старух и стариков;

В них сила страшная; омывшись ими,
Он чист и тверд, как камень самоцветный;
Он сбросил тяжесть помыслов житейских,
И суеты, и будничных забот,
И вышел непорочен: хоть на битву
Веди его, хоть в монастырь честной,
Хоть на небо.

Семенов
(со слезами)

Великую ты правду,
Андрей Семеныч, говоришь. Я стар,
Заматерел в грехах; а Божье слово,
В час утренней молитвы, возвышает
Мне душу грешную, и рвутся цепи,
К земле гнетущие; хочу подняться,
Как утопающий, ищу спасенья;
Цветущий берег райский вижу ясно,
И плыть готов, и силу обретаю.

Воевода

Страдал народ; теперь конец страда-

нью,

Заметно по всему. И страшно будет

Отмщение за пролитую кровь.

Биркин

Потерпит и еще.

Воевода

Вот ты увидишь,

Что этот день начало избавленья

От всех напастей, обстоящих нас.

Народ проснулся. Даром так не плачут.

Поверь ты мне: заря освобожденья

Здесь, в Нижнем, занялась на всю Россию.

Взойдет и солнце.

Семенов

Кабы нам твоими

Устами мед пить.

Воевода

Даст ли Бог дожить?

А доживем, увидим. Эко чудо!

Все из ума нейдет. Какие слезы!
Все плакали, от мала до велика.

(Уходит.)

Входят Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткин и несколько народа.

Явление четвертое

Биркин, Семенов, Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткнн и народ.

Поспелов

Выходишь от обедни, помолясь
С усердием и досыта поплакав,
И так тебе легко на сердце станет;
И под ногами ты земли не чуешь,
И ног не слышишь; и заря-то ярче
Горит на небе, точно сладкий мед,
Пьешь воздух утренний. Такое диво!
Какая легость для души молитва!
Взялся бы с места, да и полетел!
А день придет — забота за заботой
Навалятся, опять отяжелеешь.

Аксенов

Вестимо, утром человек помягче,
Пока не заболтался в суете;
И разум крепче, да и воля тверже,
И особливо помолясь усердно.
Сейчас наказывал Кузьма Захарьич
Сказать народу, чтоб не расходился.
Пожалуй, после всех и не сберешь,
Да и сердца-то огрубеть успеют.
Теперь в соборе заказал молебен
Он ангелу-хранителю Косьме
Бессребренику. Вы поговорите
С народом-то, пока молебен кончат.

Темкин и Губанин отходят к народу: один в одну сторону, другой в другую.

Темкин

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьич хочет говорить.

Губанин

Коли не в труд, повремените малость:
Кузьма Захарьич приказал просить.

Минин выходит из собора.

Явление пятое

Те же и Минин.

Минин

(с лобного места)

Друзья и братья! Русь святая гибнет!
Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоит.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взывают, молят слезно.
Вы слышали их слезное прошенье!
Поможем, братья, родине святой!
Что ж! Разве в нас сердца окаменели?
Не все ль мы дети матери одной?
Не все ль мы братья от одной купели?

Голоса

Мы все, Кузьма Захарьич, все хотим
Помочь Москве и вере православной!

Минин

И аще, братья, похотим помочь,

Не пожалеем наших достояний!

Не пощадим казны и животов!

Мы продадим дворы свои и домы!

А будет мало: жен, детей заложим!

Голоса

Заложим жен! — Детей своих заложим!

Минин

Что мешкать даром, время нас не ждет!

Нет дела ратного без воеводы:

Изыщем, братия, честного мужа,

Которому то дело за обычай,

Вести к Москве и земским делом править.

Кто воеводой будет?

Голоса

Князь Димитрий

Михайлович Пожарский! — Князь Пожарский!

Другого нам не надо!

Минин

Воля Божья!
Пожарского избрали мы всем миром,
Ему и править нами. Глас народа —
Глас Божий. Выборных людей пошлем.
Просить и кланяться, чтоб шел к нам наспех.
Теперь, друзья, несите, кто что может,
На дело земское, на помощь ратным.
Я — Господи благослови начало! —
Свои, копленые и трудовые,
Все, до последнего рубля, кладу.

Несколько голосов

И мы, и мы все за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Другие голоса

Что деньги! Деньги дело наживное;
Как живы будем, наживем опять.

Минин

Да из собора я послал Нефеда,

Чтоб из дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи[4] и серьги,
Весь жемчуг, перстни, ферязи[5] цветные,
Камку[6] и бархат, соболь и лисицу;
Да взяли б у святых икон взаймы,
На время только, ризы золотые.
Пошлет Господь, оправим их опять.

Голоса

Всё отдадим! — Теперь не до нарядов!
В нарядах суета мирская ходит!

Начинаются приношения.

Минин

Ты, Петр Аксеныч, стань, блюди казну!
Ты, дедушка, не знаю, как назвать-то,
Постой у денег! Принимайте вместе!

---

[4] Примечания: 4
Поднизи — нити или сетки с нанизанным жемчугом или бисером на головном уборе женщины.

[5] Примечания: 5
Ферязь — старинная русская одежда (мужская и женская) с длинными рукавами, без воротника и перехвата.

[6] Примечания: 6
Камка — шелковая китайская ткань с разводами.

Аксенов и старик всходят на лобное место и принимают приношения. Минин сходит.

Биркин

Нет, в Нижнем принялись за дело крепко.
Здесь делать нечего; а подобру
Да поздорову лучше убираться.

Семенов
(подходит к Минину)

Обидел я тебя, Кузьма Захарьич,
Прости меня!

Минин

Господь тебя простит.

Семенов

Я мнил, смущаем дьявольским прельщеньем,
Что грубый ты и гордый человек,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества над равными тебе
И временной корысти. Просвещает
Господь мне очи ныне. Зрю в тебе
Поборника по вере православной,

Ясносиятельной и непорочной,
И кланяюсь тебе, прости меня!
Я стар, душе моей приспело время
Сводить расчет дел правых и неправых.
И так грехов довольно на душе;
Ты отпусти мне этот грех последний,
Все легче будет хоть одним грехом.

Минин

Не у меня, у Господа прощенья
Проси! А я обид твоих не помню.

Семенов

Ну, и спаси тебя Господь за это!
Не откажите малый вклад принять
От многогрешного раба Василья.

(Отходит с Мининым.)

Народ более и более теснится у лобного места. Начинают приносить даже вещи, что и продолжается до конца действия.

Губанин

(Темкину)

Пойти домой, принесть свое хобо-

тье![7]

Оставлю чашку щей да хлеба на день —
С меня и будет.

Темкин

Погоди, успеешь!
Мы первые пошли на это дело,
Не спятимся. Что, Лыткин замолчал?

Губанин

Ты знаешь, Лыткина именье близко:
Он в город перенес, боясь всполоху;
Как давеча к обедне зазвонили
В большое било, он и испугался.

Темкин

Ну, ладно ж! Погоди, Василий Лыткин!

(Лыткину.)

Ай, Вася! Вот хвалю! Так, брат, и надо!

Лыткин

А что?

Темкин

---

[7] Примечания: 7
Хоботье — здесь: домашняя рухлядь.

Да как же! Ты свои пожитки
Все приволок. Чего-нибудь да стоит.

Лыткин

Да нешто я про вас?

Темкин

А про кого же?

Лыткин

Я для сохранности принес.

Темкин

Ну, полно
Шутить-то с нами.

Лыткин

Да какие шутки!
А вот возьму да и пошлю домой.

Темкин

Покойников с погосту в дом не носят.

Лыткин

Так что же вы хотите?

Темкин

Вот покличем
Мы молодцов, перетаскают мигом.
А из мирской казны не отдадут.

Губанин

Да и просить-то стыдно.

Лыткин

Что ж вы, грабить
Меня хотите?

Темкин

Как же быть с тобой?
Неволя заставляет, сам доводишь!

Губанин

Ты скупостью своей и нас позоришь!
Паршивая овца все стадо портит.

Лыткин

Уж вы меня пустите!

Темкин

Нет, уйдешь!

Лыткин

Не погубите!

Темкин

Вот что, брат Василий!
Дай деньгами! Пожитков мы не тронем.

Губанин

Ведь деньги все с тобой. Боясь всполоху,
Все до копейки из дому унес.

Лыткин

А много ль?

Темкин

Все отдай!

Губанин

Ну, половину!

Лыткин

Ой, много!

Темкин

А заспоришь, хуже будет.

Губанин

Ну, третью деньгу дай!

Темкин

С лихой собаки

Хоть шерсти клок.

Губанин

Как на миру решили?

Темкин

Развязывай кошель-то, сосчитаем!

Все трое садятся на землю и считают деньги.

Три доли ровно, видишь. Две тебе,

Сбирай в мошну, завязывай потуже!

А третью часть сыпь в шапку, да и с Богом!

Пойдем все вместе, отдадим с поклоном.

Подходят к Аксенову.

Примай-ка, Петр Аксеныч!

Лыткин подает шапку.

Аксенов

(высыпает деньги и возвращает шапку)

Вот спасибо!

Не ожидал я от тебя, Василий.

Лыткин

Я на мирскую нужду не жалею.

(Отходит.)

Уж только знает грудь да подоплёка,
Как мне легко. Убраться поскорее!

(Уходит.)
Входит Колзаков.

Явление шестое

Те же и Колзаков.
Колзаков
(Минину)

А я что дам? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людям завидно.
Не то завидно, милый человек,
Что хорошо живут да чисто ходят;
А то завидно, что добро несут,
А мне вот нечего. И одежонка

Вся тут. Да! Погоди! Тельник[8] *на шее,*
Серебряный, большой. Ну, слава Богу!
Нашлось-таки, что Господу отдать.

(Снимает.)

Возьми! Возьми! Пускай хоть раз-то в жизни
Пойдет на дело и моя копейка.

Входят Татьяна Юрьевна и Нефед. За ними несут сундуки и ларцы.

Явление седьмое

Те же, Татьяна Юрьевна и Нефед.

Нефед

Как, батюшка, изволил приказать,
Так точно мы, по твоему приказу,
И сделали — всё принесли сюда.

Минин

Вон, видишь, Петр Аксеныч собирает!
Кладите в кучу, после разберут.

Татьяна Юрьевна

---

[8] Примечания: 8
Тельник — нательный крест.

Вот, государь ты мой, Кузьма Захарьич,
Ты приказал жене твоей, Татьяне,
Прислать тебе жемчуг и ожерелья,
И с камешками перстеньки, и всю
Забаву нашу бабью. Я не знаю,
На что тебе! Я все в ларец поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крепкая, Кузьма Захарьич,
Ты слово твердое, так что нам думать.

Минин

Сама Петру Аксенычу отдай!

Татьяна Юрьевна

Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Отдает.)

Входит Марфа Борисовна; за ней несут сундуки и ларцы.

Явление восьмое

Те же и Марфа Борисовна.

Марфа Борисовна

Богатое наследство мне осталось
От мужа моего и господина.
Отцы и деды прежде накопили,
А он, своим умом и счастьем, много
К отцовскому наследию прибавил,
И умер в ранних летах; не судил
Ему Господь плоды трудов увидеть.
Покрасоваться нажитым добром.
Благословенья не было от Бога
Мне на детей, — одним-одна осталась
Хозяйкою несчетного добра.
Добра чужого: я с собою мало
В дом принесла. Искала я родных;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мне стало, что заботу
Такую дорогую Бог послал.
И вот, благословясь, я раздавала
По храмам Божьим на помин души,
И нищей братье по рукам, в раздачу,

Убогим, и слепым, и прокаженным,

Сиротам и в убогие дома,

Колодникам и в тюрьмах заключенным,

В обители: и в Киев, и в Ростов,

В Москву и Углич, в Суздаль и Владимир,

На Бело-озеро, и в Галич, и в Поморье,

И в Грецию, и на святую Гору,

И не могла раздать. Все прибавлялось —

То долг несут, то кортому[9] *с угодий,*

И, не внуши вам Бог такого дела,

Ни в жизнь бы мне не рассчитаться с долгом.

Тут много тысяч! Сыпьте, не считайте!

На добрые дела, на обиход

Еще немного у меня осталось.

Коли нужда вам будет, так возьмете.

А мне на что? С меня и так довольно

---

[9] Примечания: 9
Кортома — аренда, оброк, налог.

—

Одних угодий хватит на прожиток.

(Отходит к стороне.)

Поспелов

Ты мне теперь еще дороже стала,

Жена моя любезная!

Марфа Борисовна

Ах, что ты?

Я не жена еще!

Поспелов

Не все ль равно!

Не рано — поздно, будешь же женою.

Да долго ль ждать-то? Скоро пост начнется:

Сама ты знаешь, свадьбы не венчают.

Марфа Борисовна

Какой ты скорый! Разве мало дела?

Все не управлюся.

Поспелов

Вот вы какие!

Вам только мучить человека! Знаю

Я ваш обычай. Что же за порядок!
Тут пост, а там к Москве пора идти;
Нам и пожить-то вместе не удастся.

Марфа Борисовна

Ах, милый мой, так ты к Москве пойдешь?

Поспелов

Еще бы не пойти! Само собою.

Марфа Борисовна

Ах, мой сердечный! Экой ты хороший!
Бог даст, вернешься!

Поспелов

Как же, дожидайся!
Скорее голову свою положишь.

Марфа Борисовна

А голову положишь, нешто худо!
Что мученик, что на войне убитый,
Ведь все равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Нам не бывать там, где ты будешь.

Поспелов

Да я не прочь и голову сложить,
А все-таки, пока живешь здесь в Нижнем,
Жениться бы.

Марфа Борисовна

Об деле меньше будешь
Женатый думать. Вот что, друг любезный!
Ты знаешь ли: женатый о жене,
А холостой о Боге.

Поспелов

Наше дело,
А не твое. Про то мы сами знаем.
Ты обещала, так назад не пяться!

Марфа Борисовна

Зачем мне пятиться! Какая стать!
Ну, чем ты не жених? Собой красавец,
И развеселый, и такой удалый!
Других таких не сыщешь. Из-под ручки
На женихов таких невесты смотрят.

Поспелов

Да, только смотрят.

Марфа Борисовна

А тебе все мало.

Поспелов

Всё шутки у тебя. Мне не до шуток!
Тебе забава — мне кручина злая.
Я, точно подкошенная трава,
Без ветра-вихоря, без солнца вяну.
Ложись да умирай!

Марфа Борисовна

Дай Бог пожить!
Повеселиться да детей понянчить!
Ты не кручинься! Бог даст, будем живы,
Еще успеем и намиловаться
И надоесть друг другу.

Поспелов

Бог с тобой!
Хотел браниться, что не держишь слова.
Язык не слушает. Махнуть рукой

Приходится да ждать себе решенья.

Хоть милуй, хоть казни меня — я твой!

И приказать и отказать вольна ты;

Прикажешь — ладно; нет — так Бог накажет.

(Отходит.)

Татьяна Юрьевна

Ты не зайдешь ли к нам отсюда, Марфа Борисовна, на пирожок?

Марфа Борисовна

Не знаю,

Как и сказать тебе! Не обмануть бы!

Вот видишь ты: мое желанье было —

Снести казну, избавиться заботы,

Да в монастырь, на тихое житье,

Пройти отсюда прямо, уж домой

Не заходить; да после рассудила,

Что надо будет Богу послужить

Еще в миру пока. Сберется войско,

Постои да кормы им нужны будут;

Дом у меня большой, народу много

Поставить можно. Надо приглядеть
Да присмотреть самой. Свой глаз все лучше;
Заглазно — беспокойно.

Татьяна Юрьевна

Ну, еще бы! Марфа Борисовна
Вот, рассудивши так-то, я отсюда
И думала пробраться в Воскресенский,
Себе хотелось келью присмотреть.

Татьяна Юрьевна

Вот уж не думала. Да что ты, Марфа
Борисовна! Ушам своим не верю.
Такая ты веселая, все шутишь,
Смеешься с нами, парней молодых
Не обегаешь…

Марфа Борисовна

Что же их бояться?
Подумают, горда. Греха-то больше!
А пусть болтают да смеются вдоволь,
От ихних слов меня ведь не убудет:
Побалагурим, да и разойдемся.

Татьяна Юрьевна

Да как же это? Алексей Михайлыч
Мне сказывал, что он тебя засватал,
И ты не прочь, и будто по рукам
Ударили. Он ждет и не дождется.

Марфа Борисовна

Не говори ему, пускай он ждет.

Татьяна Юрьевна

Обманывать грешно!

Марфа Борисовна

Да что же делать!
Ты рассуди сама: идти мне замуж
Уж не приходится: я обещала
Вдовой остаться, божьей сиротой.
А Алексей Михайлыч ласков очень,
Меня он любит; откажи ему —
Рассердишь. Кроток он теперь и смирен;
Пожалуй, в гнев его введешь и в злобу,
И будет только грех один. Уж лучше
Хоть обману, да в мире поживем.

Пусть думает, что я его невеста.
Теперь к Москве сбираться скоро будет,
Дорога дальняя — меня забудет.
Не до любви, — там горе ждет его,
А я молиться буду за него.

Уходят. Народу все больше прибывает на площадь.

Один из толпы

Вот шесть алтын, две деньги!

Другой

Зипунишко!

Подают. К лобному месту подходит толпами.

Голоса

Вот наши деньги из квасного ряду! —
Из рукавичного! — От ярославцев! —
Костромичи собрали — принимайте! —
Стрельцы Колзакова Баима сотни.

Поспелов

Вот праздник так уж праздник! Ну, веселье!

Минин

И я смотрю; душа во мне растет.
Не явно ли благословенье Божье!
Теперь у нас и войско, и казна,
И полководец. Недалеко время,
Когда, вооружась и окрылатев,
Как непоборные орлы, помчимся
И грянем на врагов. Пусть лютый враг,
Как лев, зияет, бесом воружаем;
Не страшен нам злохитрый ков его!
За нас молитвы целого народа,
Детей, и жен, и старцев многолетних,
И пенье иноков, и клир церковный,
Елей лампад, курение кадил!
За нас угодники и чудотворцы,
И легионы грозных сил небесных,
Полк ангелов и Божья благодать!

Вбегает юродивый.

Явление девятое

Те же и юродивый.

Голоса

Бежит убогий! — Гриша! — Пропустите!

Юродивый
(на лобном месте)

Вот денежки! Копеечки! Возьмите!

Их, много, много!

(Высыпает деньги.)

Голоса

Вот он собирал

Все на дорогу-то! — Выходит, правда. —

Уж эти деньги, братцы, всех дороже.

Юродивый

Темно! темно! Не вижу ничего!

Где люди? Где земля? Все вниз уходит.

Повыше бы подняться! Выше! Выше!

Его поднимают.

Я вижу, вижу!..

Голоса

Что ты видишь, Гриша?

Всем сказывай! — Всем говори, что ви-

дишь!

Юродивый

Обители, соборы, много храмов,
Стена высокая, дворцы, палаты,
Кругом стены посады протянулись,
Далеко в поле слободы легли,
Всё по горам сады, на церквах главы
Всё золотые. Вот одна всех выше
На солнышке играет голова,
Река, как лента, вьется… Кремль!.. Москва!.

Действие пятое

ЛИЦА:
Минин.
Татьяна Юрьевна.
Нефед.
Аксенов.
Поспелов.
Семенов.
Площадной подьячий.
Выборные.
Народ.

Горница в доме Минина. Налево дверь в другой покой, прямо — в сени.

Явление первое

Татьяна Юрьевна сидит у стола, пригорюнясь; Нефед стоит у притолоки. Входит Аксенов.

Аксенов

Мир дому и живущим в нем! Здорово ль Вы здесь живете?

Татьяна Юрьевна

Чьи-нибудь молитвы

Доходят к Богу: живы и здоровы!

Аксенов

(садясь)

Так что ж вы приуныли, осовели?

Нефед

Да батюшка…

Аксенов

Ну, что ж?

Нефед

Тоскует очень.

Татьяна Юрьевна

И не глядит на свет, сидит горюет.

Аксенов

Что за беда такая! Отчего бы?

Нефед

Кто ж знает!

Татьяна Юрьевна

Нешто скажет!

Аксенов

Вы б спросили!

Нефед

Не смеем.

Аксенов

Ну, так я поговорю,

Татьяна Юрьевна

Поговори-ка, Петр Аксеныч, толком!

Авось уймется.

Нефед

Батюшка идет.

Татьяна Юрьевна и Нефед уходят в среднюю дверь. Минин выходит из боковой.

Явление второе

Аксенов и Минин.

Аксенов

Здорово, друг, Кузьма Захарьич!

Минин

Здравствуй!

(Садится на лавку и молча смотрит в окно.)

Аксенов

Опомнись! Что ты! Как тебе не грех!

Минин

Тоска меня загрызла; иссосала
Мне сердце, как змея.

Аксенов

О чем скорбишь?
Ты мне скажи, на сердце легче будет.

Минин

Ты не поможешь. Горько мне до смерти!
Скорбь лютая! Душа захолонула,
Упало сердце ретивое, кровь
По жилам холодеет!

Аксенов

Ты в уме ли?
Не ты бы говорил, не я бы слушал!
Какое время, вспомни, греховодник!
Какое дело на плечах твоих!
Будь тверд, как камень! Суетному го-

рю
И малодушеству не предавайся!
Грехом уныния грешишь пред Богом!
Противна Богу суетная скорбь.

Минин

Нет суеты во мне. Коришь напрасно.
Земные страсти надо мной не властны.
Рассыпься дом и погреби семью,
Возьмись пожар и разнеси по ветру
Все нажитое, до последней нитки —
Я буду тверд; хвалить и славить Бога
Не перестану; проронить слезу
Сочту грехом. Я наг на свет родился
И наг в могилу лягу. Страшно молвить!
Аксеныч, страшно молвить! Наше дело,
Великое святое начинанье,
Как сельный цвет в сухое лето, вянет.
Выводим стены, крышу крыть хотим,
А храмина некрытая валится.

Вот отчего лицо мое мертвеет,
И зимним холодом ведет по телу,
И дыбом подбирает волоса.
Народ волна — прихлынет и отхлынет.
Давно ль тот день, когда бежал толпами
Народ на площадь, отдавал копейки
Последние и медные кресты?
А что теперь! Хоть плачь, хоть распинайся —
И денежки не вымолишь; забыли,
Что жен, детей хотели заложить.
Все приуныли. Только бедняки
И веселы; а те, что побогаче,
Как туча черная, все почернели.
Расстаться жаль с добром. Они не видят,
Что дьявол их тенетами опутал
И в бездну тащит золотым арканом.
А много ль мы собрали, Петр Аксеныч?
С чем начинать? Подумай, посуди!
А разве ты не видишь тайной злобы

Ко мне? Не все, я не хочу грешить,
А есть такие, разорвать бы рады
Меня на части. Точно о себе
Радею я, а не о земском деле.
Да ты послушай, что еще скажу!
Послали выборных, просить велели
На воеводство князя. Князь Димитрий
Михайлович их спросит: «Кто блюсти
И ратным раздавать казну приставлен?»
Меня не назовут, гляди, другого
Кого-нибудь. Все прахом и пойдет!

Аксенов

Не гордость ли, Кузьма?

Минин

Нет, Петр Аксеныч!
Да разве гордость, не жалея силы
И день и ночь, не покладая рук,
Без устали, без отдыха работать!
Один для всех слуга я поминутный;
Да и вперед вам послужить хочу.

Ведь я не почести прошу, а службы.
Горячее-то время подойдет,
Тут только поспевай, ведь с ног собьешься;
И не доевши вскочишь из обеда,
И ночи недоспишь, да не придется
И лба себе перекрестить порядком.
Вот я чего хочу. Пускай другие
За дело примутся, тогда увидишь,
Что заварится! Брань да перекоры,
Бездельные, пустые разговоры;
Казны собрать алтына не сумеют;
А что собрали, растрясут, развеют.
А делу-то поруха! Нам бесчестье!
И перед Богом грех незамолимый!

Аксенов

Не дай Бог слышать, а не то что видеть
Греха такого!

Минин

Чай, тебе случалось
Видать не раз, как тонет человек;

А может, сам тонул?

Аксенов

Всего бывало.

Минин

Перекрестясь, да с берега крутого
Ты бросишься, на силу-то надеясь;
Плывешь так весело; на полдороге
Вдруг страшно станет, ищешь ты глазами,
Где ближе берег. Смотришь ты вперед,
Там столько же, как с берега казалась
И вся река; назад — там вдвое шире.
Кричать нет пользы, берега пустые.
Ответа не дадут; а кто услышит,
Так скоро ль добежит да сыщет лодку!
Вдруг смертная тоска одолевает;
Глазами водишь: мать сыра-земля
Цветет по-прежнему, проходит стадо
Вдали, чуть видно; пролетели чайки
С зловещим криком; облачко нашло
На солнышко, и плёсо зарябилось

И потемнел тальник по берегам;
И, сотворив молитву, тонешь, бедный,
Без помощи. Вот так и я тону.
Да не один я, все мы, все мы тонем.

(Задумывается.)

Аксенов

Ты был у князя?

Минин

Одному тебе
Покаюсь, был.

Аксенов

На чем же порешили?

Минин

Князь добрый человек. Меня он слушал
Приветливо и долго; обласкал
И сам расспрашивал про все по ряду:
«Да что? Да как? Да правду ль говоришь?»
Сам понимаешь, княжеское дело.
«Скажи-ка, говорю, ты мне, князь Дмитрий

Михайлович, кто больше сработает —
Голодный али сытый? Подневольный
Али за деньги нанятой? Скажи-ка,
Не оттого ли нашим воеводам
И дело ратное не удавалось,
Что только силу ратную считали,
А про кормы да про казну забыли?
Без корму да без денег что за ратник!
Ни силы нет, ни духу! Ты возьми
От человека до скота — все то же!
Ведь сытый конь побольше и свезет
И в гору вытянет; на чахлом много ль
Наездишь? Самого тянуть придется».
Да так вот все ему как на ладони
И выложил. Подумал князь, подумал
И говорит: «Ты прав, Кузьма Захарьев!
С такой оравой в дальнюю дорогу
Мне без тебя сряжаться, что без рук.
Давай уж вместе Господу послужим!»
Поцеловались. С тем и отпустил.

Аксенов

Так ты чего ж боишься, маловерный?

Минин

Да разве князь не может передумать!
Наскажут на меня, а он поверит:
Ты знаешь сам, как я богатым солон!
А их-то и послали с челобитьем.
Душа из тела рвется, полетел бы
Одним глазком взглянуть, что там творится.

Аксенов

А вот приедет Алексей Михайлыч —
Расскажет все. Сегодня надо ждать.

Поспелов входит.

Явление третье

Те же и Поспелов.

Аксенов

А он и тут. Легок же на помине.
Здорово ль съездили?

Поспелов

Благополучно.
Дорога гладкая, морозец легкий!

По первопутью, ровно как по маслу,
Шутя доехали. Да и назад
Вернулись подобру да поздорову.

Минин

Садись! В ногах нет правды! Говори!
Душа не терпит, сердце не на месте.

Аксенов

Все сказывай, как было, по порядку!

Поспелов

Вот, перво-наперво, мы духовенство
Пустили в горницу, а там, честь честью.
Вошли и мы; кто старше, впереди.
Все помолились, низко поклонились.
Князь подошел к благословенью, отдал
Нам всем поклон и начал говорить,
Что рад гостям и что желает слышать,
Какую нужду до него имеют.
Тут все заговорили. Дьяк Василий
Большую речь держал хитро и складно

И приводил слова святых писаний.

Князь слезно плакал. Видно, что по сердцу

Ему пришел наш земский приговор.

«Ступайте в Нижний, говорит, скажите,

Что я за веру пострадать готов

До самой смерти. Только подобает

Между собою из людей посадских

Вам выбрать мужа, чтобы вместе быть

Нам у великого такого дела,

Казну сбирать и ратных оделять

И все дела нам делать заедино».

И стали наши князю говорить:

«Не знаем мы такого человека!»

Минин

Они не знают! Слышишь, Петр Аксеныч?

Меня от службы земской оттирают,

Иду в холопы к ним — не принимают!

Аксенов

Постой! Возьми терпенье! Дай дослушать!

Поспелов

А князь им говорит: «У вас Кузьма
Захарьев, Сухорук, то дело знает;
Он человек бывалый и служилый,
Ему такое дело за обычай!
Его просите! Буде согласится,
И я, не мешкая, сбираться буду».
Нас накормили, брагой напоили
И с миром отпустили. Вот и все.

Аксенов

Где ж выборные?

Поспелов

Всех оповещают
На площади. И копится народ,
И сходится со всех сторон толпами;
Хотят всем миром двинуться к тебе
Просить и кланяться, Кузьма Захарьич.

Минин

Они придут. О Господи, дай силы!
Дай твердости! Окамени мне сердце!
О! загради мой слух! Да не смущаюсь
Коварными и льстивыми словами!
Печатью огражденья запечатай
Уста мои! Да не отдамся весь
В чужую волю скорыми речами!
Они придут!

(Решительно.)

Ну что ж! Пускай! Мы примем.

Аксенов

Крепись, Кузьма!

Минин

Да будет воля Божья!

Входит Нефед.

Нефед

К нам гости, батюшка!

Минин

Встречай с поклоном!
Широко распахните ворота!

Все двери отворите и зовите!

Поспелов

Теперь я лишнее бревно в избе.

(Уходит в боковую дверь.)
Входят Семенов, выборные и народ.

Явление четвертое

Минин, Аксенов, Семенов и выборные.
Семенов

Кузьма Захарьич! ведомо тебе,
Что мы всем миром посылали к князю
Димитрию Михайловичу в Пурех
Нижегородцев, выборных людей
Из всех чинов, с великим челобитьем.
Да будет ведомо тебе, что стольник
Князь Дмитрий наше челобитье принял
И приказал сказать всему народу
Нижегородскому свое решенье:
Что ради веры пострадать готов
И собирается к нам в Нижний наспех.
У сбора же казны и у раздачи

На жалованье ратным людям денег
Князь приказал приставить человека
Бывалого, из лучших из посадских.
Да будет ведомо, Кузьма Захарьич,
Что мы, поговорив между собою,
С посадскими и всякими людьми,
Приговорили кланяться тебе
И звать к мирскому делу неотступно.

Один из выборных

Уж не впервой тебе, Кузьма Захарьич,
За дело земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.
И в этом разе ты нас не покинь.

Все кланяются.

Другой выборный

Кузьма Захарьич! мы к тебе с поклоном,
С великим челобитьем прибегаем.
Ты нашей просьбы не оставь! Всем миром
Тебя мы просим: послужи ты нам!

Все кланяются.

Голоса

Кузьма Захарьич, послужи! — Кому же,
Опричь тебя и некому у нас! —
Все просим: послужи, Кузьма Захарьич!

Кланяются.

Татьяна Юрьевна, Нефед и Поспелов смотрят из боковой двери.

Минин

Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!

(Кланяется.)

Есть поумней меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тех просите!

Голоса

Нам никого не надо! — Не хотим
Другого! Ты нам люб! — Тебя мы просим!

Минин

Не бегал я от службы никогда,
Для дела земского бросал заботы
Свои домашние, семью, торговлю,

Радел, чтоб застоять да не обидеть
Молодших братий...

Голоса

Мы тобой довольны,
Кузьма Захарьич, ты об нас радел.

Минин

Вот и недавно подняли мы дело,
И малое начало положили
Великому. Жалел ли я себя?
И деньги и добро принес я первый.
По-моему-то, всем так подобает;
А может, кто жалеет. Как тут быть!
Как тут орудовать! Один и душу
Рад заложить; другому жаль копейку.
Стань принуждать, его обидишь кровно.
И только грех, да брань, да уреканье!
Послужишь Богу, так людей обидишь!
Людям служить, так Богу согрешить!
Кому служить-то: людям или правде?

Голоса

Ты правде послужи, Кузьма Захарьич!

Минин

Служил бы правде, силы не хватает,
Последнюю на службе истерял.
Работал много, наработал мало!
Хлопот по горло, дела на алтын!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотели волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, так впору.
Что ж, мне стоять с ножом у горла, что ли?
Что было силы, послужил народу —
Уж не взыщите, утрудился больно.

(Кланяется.)

Задние
(передним)

Просите! Кланяйтесь! Что так стоите!

Передние
(кланяются)

Кузьма Захарьич! Пожалей ты нас!
Мы без тебя — без рук. Все дело прахом

Рассыплется. Не совладать другому,
Напортит только. — Где другому сделать!

Минин

И не просите лучше, не могу.

Выборный

Кузьма Захарьич, может, ты серчаешь
На нас за что? Так гнева не держи!
Вину и виноватого поведай!
В чем проступились, в том и повинимся.

Минин

Другому кланяйтесь, я не слуга вам!
Последнее вам слово говорю.

(Садится к столу и закрывает лицо руками.)

Голоса

Татьяна Юрьевна! ты, Петр Аксеныч,
Покланяйтесь да попросите с нами!

Татьяна Юрьевна
(с поклоном)

Не наше дело, батюшка; не смеем.

Аксенов

Не все ж ему плясать по вашей дудке!
Не в час пришли, так лучше воротиться,
Да сызнова прийти, да поклониться.

Все кланяются.

Татьяна Юрьевна

Прощенья просим!

Голоса

С Богом оставаться!

(Уходят.)

Явление пятое

Минин, Аксенов, Поспелов и Нефед (смотрят в окно), Татьяна Юрьевна (у боковой двери).

Минин

Ушли! Ну, слава Богу! легче стало!
Душа моя открыта перед Богом,
Я рад служить, рад душу положить!
Я к делу земскому рожден. Я вырос
На площади, между народных сходок.

Я рано плакал о народном горе,
И, не по летам, тяжесть земской служ-
бы
Я на плечах носил своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И как наседка бережет цыплят,
Так я берег от властных и богатых
Молодшую, обидимую братыо.
Теперь зовут меня, а я нейду;
Я не пойду служить, пока весь Нижний
В моих руках не будет поголовно
Со всем народом и со всем добром.

Нефед

Вернулись, батюшка.

Минин

Заприте двери!
Заткните окна!

Аксенов

Что ты! Бог с тобой!
Пусти меня, я расскажу им толком,
Чтоб написали земский приговор.

Идет к двери, дверь растворяется. Видна толпа.

Голоса

Кузьма Захарьич, мы опять к тебе.

Минин

Сказал, что не пойду, чего ж хотите?
Я и в другой раз то же говорю;
Придете в третий, в третий то же будет.

Аксенов уходит и затворяет дверь.

Явление шестое

Те же без Аксенова.

Поспелов

(у окна)

Идут нейдут, едва переступают,
Как словно что забыли. Меж собою
Все шепчут что-то, плачут. Погляди!
Вот как ты дорог им, Кузьма Захарьич!

Минин

Что ж, плачут! Я и сам заплачу с ни-

ми;

Да делу-то какая польза будет!

Довольно слез, теперь нужна нам твердость!

Чем плакать, написали б приговор.

А и напишут, я сейчас же к князю

Пошлю его. Нефед, седлай коней!

И сам сбирайся наскоро в дорогу!

Ты, Алексей Михайлыч, с ним поедешь.

Везите, пуще глазу берегите,

И прямо к князю в руки передайте!

А дома-то держать боюсь, отымут,

Назад возьмут, коль в чем не угодишь.

Нефед

Я мигом, батюшка!

(Уходит.)

Поспелов

Да не напрасно ль

Ты опасаешься, Кузьма Захарьич?

Минин

Да разве ты не видишь, как мне горько

Хитрить с народом, кабалить его?
Кабы не божье дело, приговора
Я не просил бы. Я в огонь и в воду
По воле земской брошусь без оглядки.
И головой начальным, и слугою
Готов служить по первому их слову.
Мириться, ссориться не привыкать стать;
И поругаемся, и помиримся,
Друг на друге обиды не считаем.
Брань не страшна, на вороту не виснет.
То наше дело, дело поправное.
А это дело Божье, за оплошку
За каждую ответишь перед Богом.
Привел Господь начать благое дело,
И надо честно совершить его.
Я не свое хотенье исполняю,
А волю, заповеданную свыше.
Мне больше дал Господь и больше спросит.

Поспелов

Идут опять, и Петр Аксеныч с ними,
Подьячего ведут со всем припасом.

Входят Аксенов, подьячий, выборные и народ.

Явление седьмое

Те же, Аксенов, подьячий и выборные.

Один из выборных

Вели писать, а мы вперед согласны
На всякий твой приказ, Кузьма Захарьич.

Минин
(подьячему)

Садись, пиши!
Подьячий садится.
Всех помяни вначале!
Дворян, детей боярских и голов,
Всех по порядку напиши, как знаешь.

(Помолчав.)

Пиши, что выбрали меня всем миром
У сбора денег ратным людям быти.

(Помолчав.)

Пиши! И быти нам Кузьме послушным
И не противиться ему ни в чем!
На жалованье ратным людям деньги
Имать у нас у всех беспрекословно!
А недостанет денег — животы;
А животов не станет-жен с детями
Имать у нас и отдавать в заклад.

(Помолчав.)

Готово?

Подьячий

Написал.

Минин
(народу)

Ну, ладно ль будет?

Голоса

Пусть будет так! — Прикладывайте руки!

(Прикладывают руки.)
Минин

Не премину радеть о земском деле,
А за любовь за вашу бью челом.

(Кланяется.)

Теперь у Господа молить я буду,
Чтоб даровал мне силу мышц, и мудрость
Змеиную, и кротость голубину.

Нефед входит.

Один из выборных

Готово. Принимай, Кузьма Захарьич!

(Подает приговор.)

Минин передает Нефеду и Поспелову; они уходят.

Минин

О Господи, благодарю тебя!

(Падает на колени.)

Аксенов

Давно стоит земля, а не бывало
Такого дела на святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.
Прими ж такое звание от нас,
Какого деды наши не слыхали
И внуки не услышат, и зовись
Ты Выборным всей Русскою Землею!

Голоса

Ты выборный от всей земли великой!

Эпилог
(Выход ополчения из Нижнего Новгорода. 1612 год, март)

ЛИЦА:

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, воевода.

Минин, Выборный от всей Земли Русской.

Аксенов.

Поспелов.

Марфа Борисовна.

Татьяна Юрьевна.

Лапша.

Юродивый.

Весь народ нижегородский и многих других городов.

Войско.

Часть Нижнего посада, та же, что в первом действии.

Явление первое

Посадские; впереди Аксенов, за ним двое держат хлеб-соль. Подле них Лапша. Толпы народа. Неко-

торые проходят в Кремль и из Кремля.

Голоса

Напутственный молебен поют. — Отпели, ратных людей благословляют да кропят. — Ишь ты, наши нижнепосадские хотят с хлебом-солью проводить. — Уж эго как и водится. На Нижнем посаде все и дело-то началось, с гостиного двора пошло. Здесь кашу-то заварили, а гляди, что вышло.

Аксенов

(Лапше)

Честь честью, мы проводим с хлебом с солью
И доброго пути им пожелаем.

Лапша

Я слышал, что по нашей стороне,
Нагорным берегом пойдут по Волге,
На Балахну, на Юрьевец, на Решму.

Аксенов

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братец, будет посмотреть!
Как есть, река польется. Ваши села
И города, что мелкие ручьи

Воды прикопят, взбухнет, пополнеет,
И вдруг широким половодьем хлынет
На супостатов веры православной,
Снесет и смоет их с лица земли.

Лапша

Я с решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а все помога.
Хлопот-то вам куда, чай, много было
Собрать такую силу?

Аксенов

Ну, нельзя же!
Вот перво-наперво пришли смоляне,
Потом из Дорогобужа да из Вязьмы.
Бродили бедные; везде их гнали;
Как домы-то у них поразорили,
И в Ярополч и в Арзамас садились;
Вот к нам пришли и с нами заедино
Хотят идти отмстить за кровь свою.
Потом коломенцы пришли, рязанцы,
За ними ополченье из Украйны,
Казаки и стрельцы, что при Василье

В Москве сидели. И своих довольно.
Охотой шли, никак не остановишь!
И чудо, брат, откуда что бралось!
Так и плывет, так и плывет богатство;
Со всех сторон казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратным
Сам раздавал. И, Божьей благодатью,
Так и спорилось все в его руках.
Другие нищие пришли, босые,
Без одежонки; посмотри теперь!
Разбогатели, раскормились живо,
Все молодцами смотрят-загляденье!
Поверишь ли, коня сегодня купит,
Дня через три его и не узнаешь;
Хозяин не узнает, хоть божись,
Так раздобреет. Смотрим да дивимся.
Уж истинно что Бог избрал Кузьму!
Умен и счастлив, да при всем при этом
Благословенье Божье помогает.

Голос из толпы

Никак, коней ведут воеводам.

Другой голос

Здесь не сядут, пеши пойдут.

Из ворот выходит Марфа Борисовна, за ней бежит Поспелов. Останавливаются поодаль от народа, у лавки Лыткина.

Явление второе

Те же, Марфа Борисовна и Поспелов.

Марфа Борисовна

Москву увидишь, Алексей Михайлыч,
И от меня ей земно поклонись!
Дай Бог счастливо! Отправляйся с Богом!
Об нас не забывай!

Поспелов

О чем же помнить!
Мне больше не о ком, как о тебе!
Припомню все, как я тебя увидел,
Как полюбил, спознал тоску-злодейку!
Как за тобой по улицам широким,
По мелким переулочкам ходил,
Чтоб только в очи заглянуть украд-

кой!

Припомню, как сидели, говорили!

Как в липовом покойчике твоем

Светло и чисто, как в раю небесном.

Припомню, как сулила, обещала

Любить меня и быть моей женой,

Как только время даром протянула,

Как провела меня — и обманула!

Припомню все! Суди тебя Господь!

Марфа Борисовна

Вернешься ты, и вся твоя невзгода

Пройдет, как сон. И не о чем жалеть!

Настанет время тишины и мира,

И мы с тобой любовно заживем.

Поспелов

Как знать, что будет! Лучше и не думать!

Прощай! Увидимся ль на этом свете?

А не придется, свидимся на том.

Целуются.

Марфа Борисовна

Прощай, мой милый! Зла на мне не помни!

Я не женою, матерью родной

Хотела б проводить тебя в дорогу

Святым напутствием, благословеньем.

Поди ко мне, тебя я поцелую

В последний раз. Храни тебя Господь!

Целуются. Поспелов убегает. Подходит Татьяна Юрьевна.

Явление третье

Те же и Татьяна Юрьевна.

Татьяна Юрьевна

Кузьма Захарьич только до Оки,

До переправы, воевод проводит,

Потом домой зайдет, проститься с нами.

У нас и стол накрыт. Зайди и ты!

Марфа Борисовна

Уж я простилась. Только бы взглянуть

Теперь на Божьих воинов. Из дома

Сегодня вышла я в последний раз.
Вот постою с народом и глазами
Своими посмотрю, как избавленье
Пойдет на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и в келью, прочь от мира.

Татьяна Юрьевна

Я стану заходить к тебе. Без мужа
Ведь скучно будет, стану навещать.

(Уходит.)

Голоса

Идут. — Воеводы идут!

Выходят князь Пожарский, Минин и за ними войско.

Явление четвертое

Те же, Пожарский и Минин.

Аксенов

Нижегородцы Нижнего посада
Тебя, наш воевода, князь Димитрий
Михайлович, и с выборным с Кузьмою
Захарьичем, в дорогу с хлебом с солью

Желаем проводить.

(Подает хлеб-соль.)

Пожарский

Спасибо вам!

Аксенов

Челом вам бьем, не брезгайте, примите!

Пожарский принимает хлеб-соль и передает Минину. Минин передает войску.

Пожарский

Нижегородцы! Мы за вас идем
С врагами биться, жизни не жалея;
А вы всещедрого молите Бога,
Чтобы Московское нам государство
В соединенье видеть, как и прежде,
Как при великих государях было;
Кровопролитье б в людях перестало;
А видеть бы покой и тишину,
Как и доселе было в государстве.

Минин

Друзья нижегородцы! Ваше войско

Пошло к Москве! Его вы снарядили
И проводили. Буде Бог пошлет,
И нашим подвигом мы Русь избавим,
Великую от Бога примем милость
За избавленье христианских душ;
И во вся роды, в будущие веки,
К навечной похвале нам учинится,
На славу нам, и на помин душ наших.

Пожарский

Пойдемте с Богом!

Войско трогается.

Народ

Прощайте, Божьи воины! — Помоги вам Господь! — Вы за нас страдальцы; а мы за вас богомольцы!

Выбегает юродивый вооруженный.

Юродивый

(кланяясь на все стороны)

Прощайте! Прощайте!

Трубы, колокольный звон; войско, отряд за отрядом, из Кремля проходит через сцену.

Козьма Захарьич Минин, Сухорук (2-я редакция)*

Драматическая хроника в пяти действиях, с эпилогом, в стихах

Действие первое
(25 августа 1611 года)

ЛИЦА:

Козьма Захарьич Минин, Сухорук, земский староста Нижнего посада.

Иван Иванович Биркин, стряпчий, присланный в Нижний Ляпуновым для совету.

Василий Семенов, дьяк, старый человек.

Алексей Михайлович Поспелов, боярский сын.

Петр Аксенов, старик, богатый торговый человек.

Баим Колзаков, стрелецкий сотник.

Роман Пахомов, боярский сын,

Родион Мосеев, посадский, гонцы из Москвы.

Василий Лыткин (лет пятидесяти), богатый вдовый купец.

Павел Темкин (лет тридцати пяти),

Семен Губанин (лет двадцати), торговые люди.

Нефед, сын Минина.

Гриша, юродивый мальчик.

Павлик (писчик), писарь Биркина.

Марфа Борисовна, богатая вдова.

Всякие люди нижегородские обоего пола.

Часть Нижнего посада, близ Кремля; направо и налево деревянные лавки, на заднем плане деревянный гостиный двор, за ним видна гора и стены Кремля; налево, в заднем углу на пригорке, башня и ворота в Кремль, направо продолжение Нижнего посада. Вдоль лавок деревянные мостки с навесом для пешеходов, у растворов скамьи и раздвижные стулья.

Явление первое

В гостином дворе торговцы в лавках и у лавок; проходит народ, некоторые останавливаются и покупают разные вещи. Слышны голоса: «Здесь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди, зипун! Из Решмы, с оторочкой». Петр Аксенов сидит на скамье у своей лавки (крайней справа). Василий Лыткин входит, отпирает крайнюю лавку с противоположной стороны; заставляет ее скамьей и подходит к Аксенову.

Аксенов

Здорово ль, кум?

Лыткин

Здорово, Петр Аксеныч.

Тебя как милует Господь?

Аксенов

Спасибо!
Живем-таки. Что Господа гневить!
Откуда, Вася?

Лыткин

С низу, из Казани;
Да позамешкался в дороге малость.
Домашние здоровы ль?

Аксенов

Все здоровы.

Лыткин

А что Кузьма Захарьич?

Лыткин

Земским делом
Печалится один за всех.

Лыткин

Здоров ли?

Лыткин

Бог милует. За здравие его
Все молимся. Он твердо, неослабно

За веру православную стоит;
Разумными речами утверждает
В народе крепость!

Лыткин

Что и говорить!
Радетель!

Аксенов

Диво это, брат Василий,
Как умудрил его Господь речами!
Вот так тебя слеза и прошибает,
Все слушал бы, кажись, и не ушел бы.
Вот какова его беседа!

Лыткин

Что же
Он говорит такое?

Аксенов

Эх, брат Вася,
Уж очень это дело-то велико!
Ну, слушай, да язык-то за зубами
Подерживай! Затеи-то велики,
А что-то Бог пошлет, увидим после.

Вот мы толкуем, как бы ополчиться
Да либо помереть уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить.

Лыткин

В разор нас разорят и животишки
Ограбят все; куда с детьми деваться!
Не трогают, так и сидеть бы смирно.
Куда уж лезть!

Аксенов

Да ты крещен аль нет?
Аль животы тебе дороже веры?
А братия? А слезные писанья
Из-под Москвы? И это ничего!

Лыткин

Не обижай! Я от миру не прочь.
Уж коли все, и я.

Аксенов

Смотри ж, Василий!
Не пятиться.

Лыткин

А я к тебе с поклоном,
Челом тебе!

Аксенов

Я слушаю. Что надо?

Лыткин

Ты знаешь сам, семья моя велика,
Детей больших и малых целый дом,
А я один, четвертый год вдовею.
Хозяйки нет. Не откажись посватать.

Аксенов

Не откажусь. Тебе немолодую
Уж надобно?

Лыткин

Нет, я и помоложе
Не откажусь.

Аксенов

Найду тебе из бедных.

Лыткин

Богатую бы мне.

Аксенов

За старика-то
За вдового, да с кучею детей,
Какая же нужда идти богатой!

Лыткин

Ты Марфу мне Борисовну посватай.

Аксенов

Да не пойдет, — она богата очень
И молода, — красавица собою.
Ее и князь любой возьмет с охотой,
Не то что ты.

Лыткин

И я богат, Аксеныч.

Аксенов

Давно ли ты разбогател?

Лыткин

Давненько.
Да время-то, Аксеныч, нынче смутно,
Так я и жмусь.

Аксенов

Ты правду говори!

Посватаю, изволь. Ну, много ль денег
Ты накопил?

Лыткин

Да тысяча найдется.

Аксенов

Да верно ли?

Лыткин

Я лгать тебе не стану.

Аксенов

Так первое: ты от миру не прочь,
Второе дело: тысяча найдется.
Не отопрись, смотри.

Лыткин

Не отопрусь.

Аксенов

Ну, хорошо. Посватаю.

Лыткин

Спасибо.
Пойду-ка я да с лавкой разберусь.

(отходит)

К нему подходят Темкин и Губанин.

Явление второе

Аксенов, [Лыткин,] Темкин и Губанин.

Темкин

(Лыткину)

Здорово, друг! Счастливо ль воротился?

Поторговал, наколотил мошну?

Лыткин

Наколотил! Спроси: свои-то целы ль?

Один разор, в убыток торговал.

Губанин

Кривишь душой. Не бойся, не ограбим.

Темкин

Его ограбить и греха не будет.

Богаче всех, а сиротой глядит.

Лыткин

Да тише ты, как раз беду накличешь!

Подслушают, тут всякого народу

Довольно есть. Свою казну считай,

А до чужой тебе нет дела вовсе.

(Уходит в лавку.)
Входит юродивый, его окружает толпа.

Явление третье

Те же, юродивый и толпа.

Аксенов

Откуда, Гриша?

Юродивый

Ась?

Аксенов

Откуда, мол?

Юродивый

В монастыре обеденку стоял,
И панихиду пели, поминали
Раба Прокофья.

Аксенов

Упокой, Господь!
Какой Прокофий, ты не знаешь, Гриша?

Юродивый

Он, говорят, был добрый. Я поплакал
И помянул. Подайте на дорогу!

Лыткин

Аль ты куда собрался, Гриша?

Юродивый

Далеко. Длинная дорога; встанет —
Так до неба достанет. Все песками
Сыпучими да темными лесами
Дремучими.

Лыткин

Куда ж дорога, Гриша?

Юродивый

К честным обителям.

Лыткин

Один пойдешь?

Юродивый

Нет, много, много.

Лыткин

Что он говорит?
Сулит дорогу, а куда? Известно,

Одна дорога; значит, все помрем;
И надо полагать, что это вскоре.

Губанин

Нет, надо быть, что о другой дороге
Он говорит.

Темкин

Его не разберешь;
Убогий он у нас и малоумный.

Юродивый
(со слезами)

Нет, вот что: храмы там без богомольцев,
Без пения. Подайте на дорогу!

Бежит по сцене. Все расходятся по лайкам. Входят Биркин и Семенов.

Явление четвертое

Биркин и Семенов.
Биркин
(оглядываясь)

Ты в Нижнем шатости не замечаешь?

Семенов

Господь хранит пока.

Биркин

А знаешь что?

Ведь Нижний — ключ всей Волги; за него бы

Король Жигмонт иль Владислав-царевич

Нам дорогую цену заплатили,

Кабы привесть к присяге. Мне — боярство

Иль в думные, тебя — в Москву, в дьяки,

В любой приказ.

Семенов

Ты шутишь аль смеешься?

Биркин

Как хочешь понимай!

Семенов

Как понимать!

Изменником я не был и не буду,

И с дьяволом быть в доле не хочу.

Биркин

Я пошутил с тобой.

Семенов

Иван Иваныч,
Шути с кем помоложе. Этих шуток
Я не люблю, они подвохом пахнут.

Биркин

Ну, не сердись! не любишь, так не стану
Шутить с тобой; нам ссориться не след:
Неладно в Нижнем.

Семенов

Полно, что пугаешь,
Иван Иваныч; как тебе не грех!

Биркин

И знаешь, кто у нас заводит смуту?

Семенов

Кому же заводить?

Биркин

Кузьма Захарьев.

Семенов

Не верю, быть не может.

Биркин

Погоди,
Дай срок, увидишь сам. Всегда толпою
За ним народ валит, все шепчут что-то
И по ночам сбираются к нему.

Семенов

Не верю.

Биркин

Ты не спорь со мной; разведай.

Семенов

Да нет же, говорю.

Биркин

Не ошибись!

Семенов

Не ошибусь я в этом человеке.

Кузьму я знаю вдоль и поперек:
Он боек на язык, упрям и дерзок;
В дела мешается, за всех заступник;
А все-таки души он не продаст;
Сгрубить — сгрубит, а смуты не затеет.

Биркин

От грубости до мятежа далеко ль!
Я не люблю, кто бойко говорит!

Семенов

Да у меня ведь горлом не возьмешь!
Я не ему чета, молчать заставлю.
Я при царе Иване начал службу,
В дьяках состарился и поседел.
Уж мы с Кузьмой не первый год воюем;

Биркин

Наскочит на меня, так будет помнить.

Семенов

Ну, и тебя таки честит изрядно,
И за глаза все Тушиным корит,

А тушинцам у нас почету мало;
На Волге их не любят.

Биркин

Не беда!
Насильно мил не будешь! Уж народец
У вас на Волге! Нечего сказать!
Некстати говорливы! Вот ты здешний,
Не тушинский; а тоже говорят,
Что ты берешь посулы, что с живого
И с мертвого дерешь, не разбираешь.

Семенов

Да кто же говорит?

Биркин

А все Кузьма.

Семенов

Не верь, Иван Иваныч! Все напрасно;
Посулов не беру. Он злым поклепом
Меня обносит. Да ты сам ли слышал?

Биркин

Сам слышал.

Семенов

Не снесу такой обиды,
Пойду челом ударю воеводе.

Биркин

Я говорю тебе, что он мятежник;
С народом шепчет, а властей ругает;
Небось без умыслу? Да кто ж поверит!

Семенов

Его теперь и знать я не хочу,
Ругателя.

Биркин

А ты пока молчи,
Умей скрывать обиду; дожидайся.
Он не уйдет никак от наших рук.
Я сторожа к нему приставил, знаешь,
Павлушку; он хоть зайца сследит;
Волк травленый, от петли увернулся.
Он из дьячков из беглых, был в подьячих,
Проворовался в чем-то; присудили
Его повесить, он и задал тягу.

Теперь веревки как огня боится.
Хоть висельник, да только бы служил.
Ну, и писать горазд, мне то и нужно.
Да мы еще с тобою потолкуем.
Куда пойдешь отсюда?

Семенов

На Оку,
Стерлядок искупить недорогих бы.

Биркин

Так вместе и пойдем! И я туда же.

Уходят.
Из Кремля выходит Нефед Минин, за ним [Аксенов] и несколько посадских.

Явление пятое

[Аксенов и Нефед]
Аксенов
(Нефеду)

А где отец?

Нефед

За мной идет сюда.

Из-под Москвы сегодня прибежали
Бесстрашные гонцы: Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич. Отдохнувши,
Пойдут с отцом на воеводский двор.
Украдкою у патриарха были
И привезли нам грамоты его.
Из шапок достают, зашиты были.

Входит Минин, за ним [Поспелов,] несколько человек народа и Павлик. Все окружают [Минина].

Явление шестое

Те же, Минин, [Поспелов,] несколько человек народа и Павлик.

Аксенов

Какую весть несешь?

Минин

Дурные вести.
Прокоп Петрович Ляпунов убит
Казаками.

Аксенов

Бедам конца не видно.

Голоса

Убит! — Убит! — О Господи, помилуй!

Поспелов

Ведь под Москвой еще два воеводы:
Князь Трубецкой да атаман Заруцкий.
Ну, что ж они?

Минин

Они-то? Целовали
Псковскому ведомому вору крест.

Павлик
(Лыткину)

Несдобровать и Нижнему теперь.

Аксенов

Что ж делать нам?

Минин

Пойдемте к воеводе,
В приказную избу, пусть он рассудит.
Пусть грамоту прочтет от патриарха,
Он из темницы пишет.

Голоса

Из темницы?

Минин

Его цепями, голодом томят,
А он предателей Москвы бесстрашно,
Как Божий гром, проклятием громит.
Теперь лететь бы к матушке Москве!
Подняться нечем. Спросим воеводу,
Подумаем с ним вместе, а покуда
Сберемтеся всем Нижним панихиду
Соборную отслужим, будем плакать,
Молиться будем, плакать и молиться.

С Нижнего посада выходит Колзаков и трое стрельцов.

[Явление седьмое]

[Те же, Колзаков и стрельцы.]
Колзаков и стрельцы
(поют)

Нам на Волге жить,
Все ворами слыть.
На Яик идти,

Переход велик;
Под Казань идти,
Грозен царь стоит.

Колзаков
(увидя Минина)

А! Бог тебя люби, Кузьма Захарьич!

Минин

Ступай своей дорогой!

Колзаков

Аз есмь бражник!

Минин

Я вижу.

Колзаков

Видишь, а не осуждай!
Я старый человек.

Минин

Тебе же хуже!

Колзаков

Нельзя не пить: такое время! Вот что!
Ты думаешь, я с радости; я с горя!

Как помоложе был, так дело делал;

Царю Ивану царства покоряли.

А что теперь! В глаза-то людям стыдно

Глядеть. Какой я воин, братец! Срам!

(Отходит со стрельцами на другую сторону.)

Стрельцы

(поют)

Нам идти ль, не идти ль

На Иртыш на реку.

На Иртыш на реку.

Под Тобол-городок.

Скрываются. Выходит Марфа Борисовна, за ней две женщины. Оделяют деньгами нищих. Минин идет к ней навстречу.

Явление восьмое

[Те же и Марфа Борисовна.]

Марфа Борисовна

А я тебя ищу, Кузьма Захарьич!

Вот горе-то на нас! Прокоп Петрович

Казаками убит! А что-то скучно

Все было мне, сижу да заливаюсь
Горючими, а вот к беде и вышло.
Я всех людей из дому разослала
По бедным, оделить хоть понемногу
За упокой да звать обедать завтра.
Для нищей братии обед готовлю.
Зайди, Кузьма Захарьич, да зови,
Кого увидишь; вместе помянули б,
Чем Бог послал.

Минин

Благодарю за ласку.
А уж не знаю, как тебе сказать.
Есть дело земское.

Марфа Борисовна

Так ты попозже!
Уж очень скучно; хоть поговорить бы.

Минин

Да у меня у самого-то гости.

Марфа Борисовна

Покорно просим и с гостями.

Минин

Ладно!

Марфа Борисовна

Я очень рада буду, буду ждать.
Пока прощай!

Минин

Прощенья просим, Марфа
Борисовна! Благодарю за память!

Марфа Борисовна уходит. Аксенов и Поспелов выходят к Минину.

Явление девятое

[Минин, Поспелов, Аксенов.]
Поспелов

Об чем это, Кузьма Захарьич, Марфа
Борисовна с тобою говорила?

Минин

К себе звала. Спаси ее Господь!
Задумала на весь народ поминки
Прокофию Петровичу.

Поспелов

Пойдешь?

Минин

Ее грешно обидеть! Приходите
И вы, друзья!

Аксенов

Я, может, и приду,
Коль удосужусь да не разнедужусь.
Недужится, уж стар я становлюсь.

(Уходит в лавку.)

Поспелов

Кузьма Захарьич! я к тебе с поклоном,
Заместо батюшки родного будь!
Мне жизнь не в жизнь: с утра до поздней ночи
И с вечера до утренней зари
Все об одном я думаю-гадаю,
Одно мне сна-покою не дает.
Ты наведи меня на ум — на разум.
Прямую путь-дорогу покажи!

Минин

О чем тоскуешь?

Поспелов

Как бы это молвить?
Такое дело, и сказать-то стыдно,
И утаить-то грех перед тобой.
Иль бес мутит, иль уж судьба такая,
Такой предел на долю вышел. Марфа
Борисовна все из ума нейдет.

Минин

Такое ль время, Алексей Михайлыч!

Поспелов

Да что мне время! Жить и умирать
Уж лучше вместе. Годы подошли,
Кузьма Захарьич, мне нужна хозяйка.
Мы ровни по годам и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навечно Богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Еще честней в дому благочестивом.

Минин

Придется к слову — я поговорю.

Уходят. Павлик, видя, что Минин ушел, выхо-

дит из лавки с Лыткиным; к ним постепенно подходят из других лавок и проходящие.

Явление десятое

[Павлик, Лыткин, народ.]

Павлик

Вы слушайте, что вам Кузьма толкует,
Он вас в беду такую заведет,
Что плакать вам кровавыми слезами.
Дела, дела!

Лыткин

Да верно ли ты знаешь,
Что Владислава скоро ждут в Москву?

Павлик

Чего не знаю, говорить не стану.
Я грамотный, не то что ваш Кузьма.

Лыткин

А что же будет, если королевич
В Москву придет?

Павлик

Не больно хорошо.
Великую пошлет он рать и силу
И камня здесь на камне не оставит.
Голос из толпы
И Вяземский под Нижний приходил,
Да много ль взял?

Павлик

Придут с большим нарядом,
Не с голыми руками.

Лыткин

Братцы, смерть!
Разор, разор!

Павлик

Москва зовет на царство
И ждет к себе из Польши Владислава,
А мужики кричат у нас по Волге:
«Мы не хотим на царство иноземцев
И выбранных казаками царей».

Подходят к толпе Минин и Поспелов. Павлик что-то шепчет Лыткину.

Явление одиннадцатое

[Те же, Минин и Поспелов]

Минин

Послушаем, о чем народ толкует?
Того и жди что смута заведется,
Из воровских полков с подсылом много
Народу набегает; не усмотришь,
Проезжий город. А, да это наш,
Из биркинских людей, Павлушка, писчик.
Негодный человечишка, за ним
Глядеть да и глядеть! Что за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!

Голос из толпы

Ну, что ж молчишь? Язык-то прикусил?

Павлик

Я живу с краю, ничего не знаю.

(*Убегает.*)

Минин

Что он молол?

Голоса из толпы

Да много говорил,
Про королевича. — Да разореньем
Все нам грозит.

Лыткин

Такие страсти
Наговорил, не знаешь, что и делать.

Минин

Как только вам не грех воришек слушать,
Бездельных, шлющихся! Развесьте уши,
Им на руку, они тому и рады.

Голоса из толпы

Да кто ж ему поверит! — Зря болтает! —
Учи нас, вразумляй, Кузьма Захарьич!

Минин

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не целовать
Ни Владиславу, ни кому другому

Из иноземцев, — ждать, кого на царство

Пошлет Господь и выберет земля.

Нам государь — великий патриарх,

Другого нет у нас. Что скажет — свято.

Сегодня от него пришли гонцы.

Мы грамоту прочтем и вам объявим

Его приказ и земское решенье.

Вбегают несколько человек.

[Явление двенадцатое]

[Те же и вновь пришедшие.]

Один из них

Отписки из Москвы! Гонцы с вестями!

Голоса из лавок

Куда идут?

Один из вновь пришедших

На воеводский двор.

Другой

Письмо от патриарха Ермогена.

Площадь наполняется. Входят Роман Пахомов и Родион Мосеев.

[Явление тринадцатое]

[Те же, Роман Пахомов и Родион Мосеев.]

Родион Мосеев

Честным нижегородцам из Москвы
От разоренных и плененных братий
Поклон мы правим низкий, до земли.

(Кланяется.)
Все кланяются.

Роман Пахомов

Честному духовенству, воеводам
И всем — и старшим и молодшим людям
Благословение от патриарха.

Действие второе
Сцена первая

ЛИЦА:
Марфа Борисовна.
Домна, старуха.
Минин.
Аксенов.
Поспелов.
Иван Кувшиннник, сотник из Балахны, и Григорий Лапша, крестьянин из Решмы — предводители восстания на Волге.

Просторная бревенчатая светлица.

Явление первое

Марфа Борисовна сидит на скамье. Домна на низенькой скамейке у ног ее.

Марфа Борисовна
(поет)

Пустыня прекрасная!
Меня многогрешную,
Как чадо свое, приими.

Любимая мать моя,
В пристанище тихое,
В безмолвные недра свои!

Домна

Стучится некто.

Марфа Борисовна

Отопри поди!

Домна уходит и скоро возвращается с Аксеновым.

Явление второе

[Те же и Аксенов.]

Аксенов

Здорова ли ты здесь?

Марфа Борисовна

Кажись, здорова.

Аксенов

Я прежде всех, и ладно; мы покуда
Поговорим с тобой да потолкуем.
Об чем бы нам? Давай о женихах.

Марфа Борисовна

Поговорим. Спасибо за заботу.

Аксенов

Пришел к тебе я сватом.

Марфа Борисовна

От кого же?

Аксенов

От Лыткина, у нас в ряду торгует,
Он пожилой и четверо ребят.

Марфа Борисовна

Ну, хорошо, мне пожилой-то лучше.

Аксенов
(смеется)

Да полно, так ли?

Марфа Борисовна

Только, Петр Аксеныч,
Ты попроси, чтоб он пообождал,
А отказать не откажи.

Аксенов

Ну, ладно.

(Смеется.)

Марфа Борисовна

Да чему же ты смеешься, Петр Аксеныч?

Аксенов

Я больно рад, что ты не отказала
Совсем ему; он человек нам нужный.
Вот видишь ли: деньжонки у него
В запасе есть, а на мирскую нужду
Он больно скуп, теперь в надежде будет,
Что за тобой приданое большое,
Так и для миру будет торопатей.

Марфа Борисовна

Какой шутник ты, Петр Аксеныч! право!

Аксенов

Ты шутишь-то! Ну, разве ты пойдешь
За Лыткина?

Марфа Борисовна

Кому судьба какая.
Как знать вперед, что будет.

Аксенов

А другого
Не хочешь ли? Велел Кузьма Захарьич
Поговорить с тобой о человеке,
Приятеле своем.

Марфа Борисовна

Кузьма Захарьич?
Ахти, беда!

Аксенов

Чего ты испугалась?

Марфа Борисовна

А кто таков?

Аксенов

Поспелов.

Марфа Борисовна

Эко горе!

Аксенов

Ни горя я не вижу, ни беды.

Марфа Борисовна

Покаяться уж разве, Петр Аксеныч!

Вот видишь ты: мое желанье было
Раздать казну, избавиться заботы
По мужниной душе — его добро,
Пусть за него и молятся сироты —
Да в келейку, на тихое житье.

Аксенов

Не думал я, ушам своим не верю.
Такая ты веселая, все шутишь,
Смеешься с нами, парней молодых
Не обегаешь…

Марфа Борисовна

Что же их бояться?
Подумают — горда. Греха-то больше;
А пусть болтают да смеются вдоволь,
Побалагурим, да и разойдемся,
Вот и беда и горе: обещала
Вдовой остаться, Божьей сиротой.
А отказать боюсь: Кузьма Захарьич
Рассердится, и Алексей Михайлыч
Во гнев взойдет и будет злобу мыслить,

И выйдет только грех один. Уж лучше
Скажи ему, что я душевно рада,
Пусть думает, что я его невеста,
Хоть обману, да в мире поживем.

Аксенов

А Лыткину?

Марфа Борисовна

Я не хочу обидеть
И Лыткина. Скажи, чтоб подождал,
Обману нет, вперед нельзя ручаться.

Домна входит.

Явление третье

[Те же и Домна.]

Домна

Гостей веду. Идет Кузьма Захарьич.

Марфа Борисовна

Один или ведет кого-нибудь?

Домна

Какие-то незнаемые люди.

Входят Минин, Кувшинников, Лапша и Поспелов.

Явление четвертое

[Те же, Минин, Кувшин инков, Лапша и Поспелов.]

Марфа Борисовна

Покорно просим, гости дорогие.

(*Домне.*)

А ты поди да принеси медку!

Домна уходит.

Минин

С гостями, уж не осуди!

Марфа Борисовна

И, что ты!

Минин

Иван Кувшинников, из Балахны,
Начальный человек; а это Гриша
Лапша, из Решмы, тоже воевода.

Марфа Борисовна

Ну, вот спасибо за таких гостей!

Прошу садиться!

Кувшинников

Ты, Кузьма Захарьич,
Садись вперед.

Минин

Вы гости, я здесь свой.
Лапша, садись.

Лапша

Нет, мне не подобает.
Садись, я за тобой.

Садятся.

Минин

Ну, вот и ладно.

Поспелов

Тебе вперед.

Минин

Не местом, человеком.

Домна приносит мед в жбане и стопку на оловянной тарелке. Марфа Борисовна берет стопку. Домна наливает.

Явление пятое

[Те же и Домна]

Марфа Борисовна

(поднося Кувшинникову)

Медку пожалуйте, честные гости!

Кувшинников

У нас так все с хозяйки начинают.

Марфа Борисовна

Нет, батюшка, уволь! Пила довольно.

Кувшинников

Неволить не могу, я не указчик
В чужом дому.

(Кланяется, пьет и хочет поставить стопку.)

Марфа Борисовна

Уж просим обо всей!

Кувшинников допивает. Домна наливает, Марфа Борисовна подносит Лапше.

Григорий… Как по отчеству, не знаю…

Лапша

Петрович был.

Марфа Борисовна

Покорнейше прошу!

Лапша

Уж мне-то пить ли?

Минин

Пей!

Лапша

Оно как будто
Нескладно мужику-то?

Минин

Не осудим!

Лапша
(берет и кланяется)

Желаю здравствовать на многи лета!

Пьет. Домна наливает.
Марфа Борисовна
(поднося Минину)

Кузьма Захарьич!

Минин

(отпив немного, ставит стопку)

Больше не просите!

Марфа Борисовна

Ну, как угодно.

(Поднося Аксенову.)

Кушай, Петр Аксеныч.

Аксенов пьет.

К тебе с поклоном, Алексей Михайлыч!

Поспелов

Не откажусь, до сладкого охоч.

(Пьет.)

Все садятся. Марфа Борисовна ставит жбан на стол, подвигает скамеечку и садится.

Марфа Борисовна

Послушать бы теперь, Кузьма Захарьич,

Твоих речей. Сладка твоя беседа.

Минин

Да речь-то у меня одна все, Марфа Борисовна.

Марфа Борисовна

Ее-то нам и нужно.

Минин

Ну, так начнем! Москва разорена?

Аксенов

Разорена.

Минин

Так ей и оставаться?

Кувшинников

Как можно!

Лапша

Что ты!

Марфа Борисовна

Сохрани Господь!

Минин

Москва нам корень, прочим городам?

Аксенов

Известно, корень. Что и говорить!

Минин

А если корнем основанье крепко,
Тогда стоит и древо неподвижно;
А корени не будет — прилепиться
К чему?

Лапша

Ну, что уж!

Марфа Борисовна

Господи помилуй!

Минин

Москва — кормилица, Москва нам мать!

Кувшинников

Кормилица и мать.

Лапша

Родная мать.

Минин

А разве дети могут мать покинуть
В беде и горе?

Поспелов

Мы не покидали.

Ты сам ходил с Алябьевым по Волге
И по Оке, и воры вас боялись.
Мы с Репниным ходили и к Москве,
Да воротились оттого, что ладу
Бог не дал воеводам. Грех на них!

Аксенов

А вот теперь и воевод-то нету:
Пожарский ранен, Ляпунов убит.

Минин

Осиротела Русь! Ни воеводы,
Печальника о нас, сиротах бедных,
Ни патриарха, ни царя. Как стадо
Без пастыря, мы бродим, злому волку —
Губителю добыча.

Поспелов

Бить волков!
Кувшинников
Известно, бить! Уж будет, потерпели!

Лапша

Мы топоры и косы отточили,

Которые об них же притупили.

Поспелов

Душа кипит, давно простору просит,
И руки чешутся.

Марфа Борисовна

Зачем же дело
Откладывать? Благословясь, да с Богом,
Не мешкая!

Аксенов

Отложишь поневоле.
Что скоро, то не споро, говорят.

Минин

Ты правду молвил. Не такое дело,
Чтоб торопиться.

Аксенов

Надо рассудить
Да поразмыслить.

Поспелов

Думать — ваше дело.

Минин

Что есть у нас? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберем казну, и люди соберутся,
Стрельцы, казаки. Всякого народу
По свету белому довольно бродит
Без дела и без хлеба; рады будут
Трудом себе копейку заработать.
Не все же грабить! Надо душу вспомнить!
А воеводу миром изберем.

Аксенов

Кого излюбим, тот у нас и будет.

Минин

Казна всего нужнее.

Аксенов

Верно слово.

Минин

Где взять казны?

Поспелов

Собрать, Кузьма Захарьич.

Минин

Да много ли сберешь! На разговоры
Все тороваты, а коснись до дела,
Так и попрячутся. Не то что денег,
И тех, что посулили, не найдешь.

Поспелов

А ты не обижай, Кузьма Захарьич!

Аксенов

Не обижает, дело говорит.

Марфа Борисовна

Вот все, что есть, возьмите, коли нужно.

Минин

Душа святая! О тебе нет речи!
Твои достатки и тебя мы знаем.
Ты все отдашь, и я отдам, и он, —
Все будет мало. С чем тут приниматься!
И только что обидим мы без пользы
Самих себя, а делу не поможем.

Кто нас послушает! В бедах и в горе
Сердца окаменели. О себе
Печется каждый, ближних забывая.

Марфа Борисовна

Так что же делать нам, Кузьма Захарьич?

Минин
(встает)

Себя забудь и дел своих не делай!
Проси у Бога разума и слова,
Сухим очам проси источник слез!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
Высокая апостольская доля —
Будить от сна своих уснувших братий
И Божьим словом зажигать сердца!
Когда увидишь, что сердца и народе
Затеплятся, как свечи пред иконой,
Тогда сбирать казну на помощь ратным!
Сбирать людей на выручку Москвы!

Марфа Борисовна

Пошли, Господь, в моем дому начаться
Великому и праведному делу.

Минин

Хозяюшка, прощай! Пойдем, Аксеныч!
Пора идти на воеводский двор,
Сбирают нас и выборных старост
О грамоте подумать патриарха
И рассудить, что делать, что начать.

Аксенов

Ступай вперед, я мигом за тобою.

Минин

Хозяюшка, прости.

Марфа Борисовна

Прощенья просим.

Кувшинников

За угощенье!

Марфа Борисовна

Ну, уж не взыщите!
Чем Бог послал.

Лапша

За ласковое слово!

Марфа Борисовна

Напредки не забудьте!

Минин

Ваши гости!

Уходят, кроме Аксенова и Поспелова.

Явление шестое

Марфа Борисовна, Аксенов и Поспелов.

Марфа Борисовна

Ты, Алексей Михайлыч, на дорожку
Медку не хочешь ли?

Поспелов

Пожалуй, выпью,
Да не об меде речь! Мне слаще меда
Твой разговор.

Марфа Борисовна

Какой проказник! Право!

(Подносит мед.)
Поспелов пьет.

Аксенов

Я говорил.

Поспелов

Ну, что ж она сказала?

Аксенов

Сказала-то? Она сказала: люб.

Поспелов

Ну, люб, так ладно! Вот спасибо, Марфа

Борисовна! Сказал бы я словечко

Еще тебе; боюсь — не прогневить бы.

Марфа Борисовна

Как не грешно тебе! Да чем же можешь

Ты прогневить меня!

Поспелов

Своей любовью.

Марфа Борисовна

Ах!.. Нет... я, право... Что тебе смотреть

На гнев мой! Что же, разве что дурное

Ты говоришь! В любви обиды нет!
Благодарить тебя за это надо.

Поспелов

А по рукам когда?

Марфа Борисовна

Да вот что, милый:
То нездоровится, то дела много
По дому, знаешь. Как-то все не время…
Поверишь ли, с ног сбилась от заботы.
Мы лучше уж немного подождем.
Ты не печалься, Алексей Михайлыч!

Поспелов

Голубушка! Зачем себя ты губишь?
В твоей поре тебе бы только ласку!
Тебя бы целовать, да миловать,
Да крепко к сердцу прижимать!

Марфа Борисовна

Ну, будет!
Мы после как-нибудь поговорим.
Не до того мне, Алексей Михайлыч!
Так голова с чего-то разболелась,

Уж и не знаю. Лучше не тревожь.

Поспелов

Прощенья просим!

Марфа Борисовна

И меня прости.

Аксенов

Господь с тобой!

Поспелов

Бог даст, коль живы будем,
Увидимся.

Марфа Борисовна

Ну, как не увидаться!

Поспелов и Аксенов уходят.

[Явление седьмое]

Марфа Борисовна [*одна*]

Какие речи! Господи, помилуй!
Не слушать бы! А как же их не слушать!
В миру живешь, с людями; по-мирски

И надо жить, — все видеть и все слышать.

Куда бежать от суеты мирской?

О юность, юность, молодое время!

Куда бежать мне! Господи, помилуй!

(Уходит.)

Сцена вторая

ЛИЦА:
Биркин.
Семенов.
Минин.
Аксенов.
Несколько дворян, боярских детей и посадских.

Место в Кремле, близ воеводского дома.

Аксенов, несколько дворян, боярских детей и посадских выходят из воеводского дома.

Явление первое

[Аксенов, дворяне, боярские дети и посадские.]

Аксенов

Вот грамоту прочли от патриарха,
А толку что! О деле позабыли,
Про земскую беду помину нет,
И что у них на Минина за злоба!
Кузьме и рта разинуть не дают.
Ругательски ругали. Дьяк Семенов
Озлобился, и не уймешь, а Биркин,
Кажись, его зубами бы загрыз.
Наместо дела, ссоры да отписки:
Пошлем в Казань, казанцы к пермичам.
Гонцы гоняют, дело не спорится.

Из воеводского дома выходят Биркин, Семенов и Минин.

Явление второе

[Те же, Биркин, Семенов и Минин.]

Семенов

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сыт ли ты, Иван Иваныч?

Биркин

По горло сыт. От ваших разговоров
Завяли уши.

Семенов

Ну, Кузьма Захарьев,
Спасибо за науку! Угостил
Нас, дураков, разумными речами,
Так и сидели все, развеся уши,
Да слушали.

Биркин

Ну, как его не слушать,
Он всех умней! Ишь краснобай какой!

Минин

Не помню я, что говорил; быть может,
Кого обидел словом. Не вините;
Не сам я говорил, кровь говорила.

Семенов

Обидеть не обидел, грех сказать;
А насказал довольно, не уложишь
В большой мешок.

Биркин

Да кто же виноват?
Мы сами дали волю, так и слушай!

А он и рад.

Минин

Да кто же запретит
Мне говорить?

Семенов

Да всякий, кто постарше.

Минин

За веру православную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мне.

Семенов

Ведь ты еще не воевода! Скажут,
Чтоб говорил — так говори что хочешь;
А скажут: замолчи! — так замолчишь!

Минин

Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе,
И пробуждать, как колокол воскресный,
Уснувшие сердца. Вы подождите,

Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вам речи говорил:
Великий господин наш, патриарх,
Велит нам быть в любви, соединенье
И промышлять, как душу положить
За веру. Нас с тобой Господь рассудит,
Кто прав, кто виноват. Вы не хотели
Послушаться; смотрите, не пришлось бы
Вам каяться.

Семенов

Послушаться тебя!
Чего ты захотел! Ты будь доволен,
Что слушали, молчать не заставляли.

Биркин

Да из избы не выгнали тебя.

Уходят, и за ними все, исключая Минина и Аксенова.

Явление третье

Минин и Аксенов.

Минин

Знать, им не жаль ни крови христианской,
Ни душ своих. Какая им корысть!
Самим тепло, а братию меньшую
Пусть враг сечет и рубит, да и души
Насильным крестным целованьем губит.
Просил я их со многими слезами,
Какую ни на есть, придумать помощь, —
И слышать не хотят. Не их, вишь, дело!
Так чье же?

Аксенов

Не надейтеся на князи!

(Уходит.)

Минин

И вправду. Нам теперь одна надежда —

На Бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чист пред Богом? Только чистый может
Святое дело честно совершить.
Народ страдает, кровь отмщенья просит,
На небо вопиет. А кто подымет,
Кто поведет народ? Он без вождя,
Как стадо робкое, рассеян розно.
Нет помощи земной — попросим чуда;
И сотворит Господь по нашей вере.
Молиться надо! В старину бывало,
Что в годы тяжкие народных бедствий
Бог воздвигал вождей и из народа.
Возможно ли, чтоб попустил погибнуть
Такому царству праведный Господь!
Вон огоньки зажглись по берегам.
Бурлаки, труд тяжелый забывая,
Убогую себе готовят пищу.
Вон песню затянули. Нет, не радость

Сложила эту песню, а неволя,
Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житье без кровли, ночи без ночлега,
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Все слезы с матушки широкой Руси,
Новогородские, псковские слезы,
С Оки и с Клязьмы, с Дона и с Москвы,
От Волхова и до широкой Камы.
Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнем
И слабый дух на подвиг утверждают.
О Господи! Благослови меня!
Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братий
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.

А если Бог отступит от меня
И за гордыню покарать захочет,
Успеха гордым замыслам не даст,
Чтоб я не мнил, что я его избранник, —
Тогда я к вам приду, бурлаки-братья,
И с вами запою по Волге песню,
Печальную и длинную затянем,
И зашумят ракитовы кусты,
По берегам песчаным нагибаясь;
И позабудет бросить сеть рыбак
И в тихом плёсе на челне заплачет;
И девка с ведрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется с горы и станет слушать
И, рукавами слезы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурлаки запоют ее под лямкой
И балахонцы за своей работой
Над новою расшивой, с топорами.
И понесется песня, и прольется
Из века в век, пока стоит земля.

О Господи! Грешу я; мал я духом,
Смел усомниться в благости твоей!
Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.
Со всех сторон мне шепчут голоса:
«Восстань за Русь, на то есть воля Божья!»

(Уходит.)

Действие третье
(Октябрь 1611 года)
Сцена первая

ЛИЦА:
Биркин.
Минин.
Поспелов.
Аксенов.
Темкин.
Губанин.
Лыткин.
Нефед, сын Минина.
Павлик.
Марфа Борисовна.
Немец.
Всякие люди Нижнего Новгорода.

Небольшая площадь в Кремле, недалеко от собора. К концу, в пятом явлении, начинает смеркаться.

Выходит Лыткин; Павлик крадется к нему из-за угла.

Явление первое

[Павлик и Лыткин.]

Павлик

Спаси меня! Я влез в беду такую,
Того и жди в застенок поведут.
Ты не бывал, так страсти-то не знаешь,
Я раз висел на дыбе под кнутом
И с той поры застенок обегаю.
Не дай Господь и недругу и другу.

Лыткин

За что ж висел?

Павлик

За добрые дела.
Ты приюти меня к себе до ночи,
А ночью я за Волгу убегу.
О, горе мне! Велико окаянство
Беспутного Павлушки!

Лыткин

Провинился

Ты в чем же, друг?

Павлик

И вымолвить боюсь.
Послал меня Иван Иваныч наспех,
Куда, к кому, тебе не надо знать.
Проездил я без мала три недели
И с грамоткой вернулся нынче утром,
Да хмелен был, идти к нему боялся.
На грех стрелец-приятель подвернулся,
В царев кабак мы с ним и завернули,
Винца купили, разговор пошел.
Я хвастать-то горазд, язык мой — враг мой.
Болтаю я, что в голову придет,
И грамотку кажу — мол, вот где сила!
Откуда ни возьмись Кузьма Захарьич,
Хвать за ворот и грамотку из рук.
Ударюсь я бежать, давай Бог ноги.
Хоть в грамоте не писано, откуда,
К кому и от кого, да сам расскажешь.
Как приведут на исповедь в застенок.

Входит Биркин

Никак, Иван Иваныч? Схорониться!

(Прячется за Лыткина.)

Явление второе

Те же и Биркин.

Биркин

(один)

Заметно мне, что в Нижнем что-то зреет.
Все замолчало, как постом великим;
На всем какое-то говенье видно;
Бледнеют лица, а глаза сияют.
Но что же может сделать этот люд?
Пойти к Москве нестройною оравой
И умирать иль разбегаться розно
От польских латников. Пускай идут,
Попробуют, а нам просторней будет.
А если здесь не тяга, я в Казань;
Там Никанор Шульгин — большой приятель.
Да что ж он держит моего холопа,
Павлушку!

(Заметив Павлика.)

Вот он! Как же ты посмел,

Не показавшись, по городу шляться?

Все пьянствуешь! Когда домой вернулся?

Павлик

Сегодня утром.

Биркин

Что ж ты не явился?

Об двух ты, что ли, головах, бездельник!

Ну, мы сочтемся дома. Подавай

Мне грамоту скорей.

Павлик

Она пропала.

Биркин

Не может быть?

Павлик

Кузьма Захарьич отнял.

Биркин

Повешу я тебя без разговору

Лыткин уходит.

За воровство твое! Скрывайся лучше!
Хоть Никанор и пишет осторожно,
Без имени, а приведут на пытку,
Расскажешь все, к кому и от кого.
Беги скорей, покуда не схватили,
Исчезни ты и с потрохом, бездельник!
Замешкаешь, так прикажу холопам
Поймать тебя и в Волге утопить.
Не побоюсь: своя рубашка ближе.
Тебя убить греха большого нет.

Павлик убегает за Лыткиным. Биркин уходит. Из собора проходит народ. [Входят] Марфа Борисовна и Поспелов.

Явление третье

[Марфа Борисовна и Поспелов.]

Марфа Борисовна

Давненько не видались.

Поспелов

Шесть недель.

Марфа Борисовна

Как время-то идет!

Поспелов

А что?

Марфа Борисовна

Да скоро.

Поспелов

Не больно-то! Мне эти шесть недель
Не за год, не солгу, а за полгода
Никак не меньше показались.

Марфа Борисовна

Что так?

Поспелов

Да разве ты не знаешь?

Марфа Борисовна

Ах, голубчик!
Я думала, что ты уж позабыл!

Поспелов

А ты б и рада?

Марфа Борисовна

Да не то что рада,
А все не время, некогда подумать.

Поспелов

Об чем тут думать, голову ломать!

Марфа Борисовна

Кто ж за меня подумает?

Поспелов

Все я же,
И за себя и за тебя.

Марфа Борисовна

Какой ты
Догадливый! Спасибо, что избавил
Меня от тяжкой думы, от заботы!

Поспелов

Сиротским делом сходим на могилку
Родителям почившим поклониться,
А там, как водится, честным пирком
Да и за свадебку.

Марфа Борисовна

Не долго думал,
А хорошо сказал.

Поспелов

А нешто худо?

Марфа Борисовна

Ты лучше знаешь.

Поспелов

Значит, так и быть,
По-моему?

Марфа Борисовна

Да ну уж, ладно, ладно.
Ты помолчи пока, мой друг сердечный!

Поспелов

Зачем молчать? Кого же мы боимся!

Марфа Борисовна

Что прежде времени молву пускать!
Не к спеху дело, погодим немного.

Поспелов

Да я боюсь, ты спятишься назад.

Марфа Борисовна

Зачем мне пятиться! Какая стать!
Ну, чем ты не жених? Собой красавец,
И развеселый, и такой удалый!
Других таких не сыщешь. Из-под ручки
На женихов таких невесты смотрят.

Поспелов

Все шутки у тебя. Мне не до шуток!
Тебе забава — мне кручина злая.
Я, точно подкошенная трава,
Без ветра-вихоря, без солнца вяну.

Марфа Борисовна

Ну что на улице за разговоры!
Немало дней у Бога; потолкуем
И после, без помехи, на досуге.
Ступай себе! Вон, видишь, из собора
Татьяна Юрьевна идет. Прощай!

(Уходит.)

Выходят Аксенов, Темкин, Губанин, Лыткин и разные торговые и посадские люди.

Явление четвертое

[Аксенов, Темкин, Губанин, Лыткин, народ.]

Аксенов

Ну, так как же, ребятушки, а? Ну вот теперь нас много сошлось, давайте поговорим толком!

Лыткин

И то надо толком. А то что это! Господи Боже мой! Тот говорит: «Давай денег!» Другой говорит: «Давай денег!» А для чего — никто толком не скажет.

Темкин

Тебе только все разговаривать, лясы точить, а дела-то делать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорок дней со днем сходимся да толкуем.

Губанин

Уж и не говори! Срам! То есть, кажется, не глядел бы людям в глаза от стыда, особливо Кузьме Захарьичу. Он о земском деле печалится, а мы… Ах, стыдобушка!

Аксенов

Значит, ребята, как в последний раз говорили, так и быть: третью деньгу.

Голоса

Третью деньгу. — Что ж, мы не прочь! — Так

тому и быть! — Что сказано, то свято!

Губанин

Все, дедушка, согласны, все. (*К народу*.) Не стыдите, братцы! (*Аксенову*.) Дедушка! Спорщиков нет.

Аксенов

Постой ты, погоди! От трех денег — деньгу, от рубля — десять алтын, от трех рублей — рубль.

Голоса

Ладно! Ладно! (*Разговор в толпе*.) С десяти рублев выходит — три рубля да десять алтын. — А от сорока? Долго ль счесть! — С пятидесяти рублев — пятнадцать рублев. — Не пятнадцать, а шестнадцать рублев двадцать два алтына. — Ишь ты, счетчик! Да уж ладно, ладно!

Лыткин

Стойте! Как же это? Значит, все одно, что семейный, что одинокий?

Губанин

Как тебе не грех рот-то разевать! Ужли один против всех пойдешь?

Аксенов

Тебе что за дело до одиноких! Одинокий-то, может, все отдаст, да и сам своей головой пойдет!

Темкин

Ах ты, жила! Прости Господи!

Лыткин

Да что жила! Кому ж своего не жаль!

Губанин

На земское-то дело? Экой срам! Ну уж…

Аксенов

Стало быть, и делу конец. Отслужить молебен, да и собирать.

Губанин

У нас в рукавичном ряду уж и деньги готовы.

Голоса

В железном ряду хотят собирать. — Толкуют и в хлебном. — И в горшечном. — И в мясном. — И рыбаки.

Лыткин

А как же теперь товар?

Темкин

Прикинем.

Голоса

Известно, прикинем, что чего стоит. — Долго ль прикинуть. — В цену поставим.

Лыткин

А кто приценивать будет?

Темкин

Все мы же.

Голоса

Промеж себя выберем. — Всякий в своем ря-

ду. — Свой суд короче.

Лыткин

Да как же я поверю чужому человеку свое добро ценить?

Аксенов

Мы не без креста ходим.

Темкин

Самому тебе не счесть, как мы сочтем.

Голос из толпы

Мы торговые люди, друг у дружки каждую деньгу насквозь видим.

Лыткин

Что ж такое! Лучше ложись да умирай!

Темкин

Ну и умирай! Ну, умирай!

Аксенов

Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь? Так ступай в лес, да и живи себе. С людьми живешь, так и слушай, что мир говорит. Больше миру не будешь! Велит мир, так и всё отнимут.

Темкин

Да и отнимем, силой отнимем.

Лыткин

Да ведь это разор!

Темкин

Ну, да что на него смотреть, Петр Аксеныч! Как

сказано, так и будет. На том все и станем.

Голоса

Все! — Все!

Темкин

Есть тут кто-нибудь из немцев?

Немец

Я.

Темкин

Ты согласен?

Немец

Да!

Темкин

Вот видишь ты, Василий! Ну скажи ты мне теперь, есть в тебе душа али нет?

Губанин

Брось ты его!

Темкин

Зреть не могу таких людей; вся душа во мне поворачивается.

Аксенов

(Лыткину тихо)

Что тебе жалеть-то! Какое ты приданое возьмешь! У ней, говорят, тысяч до двенадцати. Некуда будет тебе и деньги-то девать.

Лыткин

Да верно ли?

Аксенов

Вчера мы с ней о тебе говорили. Лучше, говорит, мне жениха и не надо.

Лыткин

Ну, хорошо, я согласен из своих. Только чтобы из жениных не трогать.

Голоса

Кузьма Захарьич идет! — Кузьма Захарьич!

Входит Минин. Все кланяются.

Явление пятое

[Те же и Минин]

Аксенов

Мы положили третью деньгу брать
От денег, и с товару тоже.

Минин

Мало.

Аксенов

И те с трудом, а больше не сберешь.

Минин

Я знаю.

Аксенов

Тяжело одним. Помогут
Другие города.

Минин

Плохая помощь!
Мне ждать нельзя. Мне Бог велел идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божий. Не пойдет никто, один
Пойду. На перепутьях буду кликать
Товарищей. В себе не волен я.
Послушайте!

Все обступают его.

Сегодня поздней ночью,
Уж к утру близко, сном я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спал я
Или не спал. Вдруг вижу: образница
Вся облилася светом; в изголовье
Перед иконами явился муж
В одежде схимника, весь в херувимах,
Благословляющую поднял руку
И рек: «Кузьма! иди спасать Москву!
*Буди уснувших!» Я вскочил от ложа,

Виденья дивного как не бывало;
Соборный благовест волной несется,
Ночная темь колышется от звона,
Оконницы чуть слышно дребезжат,
Лампадки, догорая, чуть трепещут
Неясным блеском, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоям
Благоуханье.

Аксенов

Слава в вышних Богу!
Но кто же старец? Рассмотрел ли ты?
Угодников ты подлинники знаешь.

Входит Нефед.

[Явление шестое]

[Те же и Нефед.]

Нефед

Где батюшка?

Минин

Что надо? Что случилось?

Нефед

Гонцы от Троицы живоначальной,
От Сергия-угодника пришли.

Минин

От Сергия-угодника? И старец,
Явившийся мне, грешному, был Сергий.

Голоса

Перст Божий! — Божья воля! — Чудеса!
Еще от нас Господь не отступился.

Нефед

У них письмо отца архимандрита
И келаря.

Минин

На воеводский двор
Ступай, Поспелов, прямо к воеводе!
Оповести его!

Поспелов уходит.

А вы сбирайте
Дворян, детей боярских, и голов,
И сотников стрелецких и казацких,

И земских старост, и гостей, и всяких
Людей служилых к воеводе в дом.
А ты, Нефед, домой! Веди гонцов!
Как есть с дороги, так пускай и идут.
Теперь в последний раз, друзья, пойду я
Боярам, воеводам поклониться.

Голоса

Господь поможет. — Он тебе поможет. —
Молиться будем! Господа умолим.

Все уходят.

Сцена вторая

ЛИЦА:
Воевода.
Андрей Семенович Алябьев.
Биркин.
Семенов.
Минин.
Аксенов.
Поспелов.
Колзаков.

Роман Пахомов.

Дворяне, дети боярские, головы, старосты, богатые посадские люди.

Большая богатая изба в воеводском доме.

Явление первое

В избу входят постепенно разные лица, всё более пожилые и зажиточные, Аксенов, Минин, Поспелов, Роман Пахомов. Вновь пришедшие кланяются молча с теми, которые пришли прежде. Говорят шепотом. Потом входят Воевода, Алябьев, Биркин, Семенов, Колзаков и несколько народу.

Воевода

(Пахомову)

Здорово ли доехал?

Роман Пахомов

Ничего.

Воевода

Ну, молодец же ты, Роман Пахомов!
Хвала и честь тебе! Чай, отдохнуть
С дороги-то захочешь?

Роман Пахомов

Да когда уж!
Велели к вам заехать, да в Казань.
Уж отдохну, вернувшись из Казани.

(Отходит).

Воевода

Все собрались?

Голоса

Все.

Воевода
(отдает грамоту Семенову)

Читай, Василий!

Семенов

Сначала тут, как водится, все власти
Казанские и весь народ помянут:
Татары, черемиса, вотяки
И прочие.

(Читает.)

«Не раз мы вам писали
О нашей гибели и разоренье;
И снова молим вас: не позабудьте,
Что вы родились в православной вере,

Святым крещением знаменовались.
Сего-то ради положите подвиг
Страданья вашего за ваших братий!
Молите всем народом христианским
Людей служилых быть в соединенье
И заодно стоять против врагов
И всех предателей хрестьянской веры.
Вы сами видите, что всем близка
От тех врагов конечная погибель.
В которых городех они владели,
Какое разоренье учинили!
Где Божьи образы и где святыня?
Не все ли разорили до конца
И обругали наглым поруганьем!
Попомните и смилуйтесь над нами,
Не мешкая, идите в сход к Москве!
И положите подвиг пострадать
Для избавленья православной веры!
Казною и людями помогите!
О том вас молим много со слезами
И от всего народа бьем челом!»

Воевода

Вели списать ты список слово в слово,
А грамоту отдай свезти в Казань.

Минин

А что ответим?

Семенов

Знают воеводы
Про то, а наше дело будет — слушать.

Минин

Послушаем.

Воевода

Мы рады бы идти,
Да нас походы разорили вовсе.
Давно ль ходил князь Александр Андреич.

Алябьев

И я ходил; без дела не сидели!
Казны да войска просят. Где ж нам взять?

Аксенов

Поищем, так найдем.

Семенов

А где найдешь ты?

Аксенов

Промеж себя найдем; сберем, что можем.

Семенов

Да много ль денег?

Минин

Сколько ни на есть!
Уж это наше дело.

Воевода

Доброй воли
Я не снимаю с вас. Сбирайте с Богом!

Семенов

Ну, может быть, кой-что и соберете;
Что ж делать будете?

Аксенов

Тебя не спросим.

Минин

Наймем людей служилых да стрель-

цов,
Да и пошлем к Москве.

Семенов

Без воеводы?

Минин

Как преж того водил Андрей Семеныч,
Так и теперь ему челом ударим.

Алябьев

Я не пойду, устал.

Минин

Андрей Семеныч!
Ты вздумай, если нашим нераденьем
Московскому крещеному народу
Конечная погибель учинится,
Иссякнет корень христианской веры,
И благолепие церквей Господних
В Московском государстве упразднится,
Какой ответ дадим мы в оный день,
В день страшного суда?

Алябьев

А кто порукой.
Что наше войско враг не одолеет,
Что врозь оно не разбежится, прежде
Чем мы Москву перед собой увидим?
Не хуже нас ходили воеводы!
Со всех концов бесчисленное войско
Шло под Москву громовой черной тучей.
Да не дал Бог; все розно разошлись.
Так как же хочешь ты, чтоб с горстью войска
Я шел к Москве! Мне с Господом не спорить!

Минин

Мы все на Бога. Сами виноваты,
А говорим: «Бог не дал». Да за что
Ему и дать-то нам! Такое дело
Великое как делалось, сам знаешь.
Когда-то соберутся да пойдут,
Как точно через пень колоду валят.
А соберутся, — споры да раздоры:
Да не о том, кто первый помереть

За Русь святую хочет, — разбирают,

Кто старший, набольший, кто чином больше,

Кто стольник, видишь ты, а кто боярин.

Другой боярин-то, гляди, в Калуге

Боярство-то от вора получил.

Да ты не осердись, Андрей Семеныч!

Воевода

За что сердиться! Правду говоришь.

Минин

А там и говорят, что не дал Бог.

Что за корысть великим воеводам

За дело земское стоять до смерти!

Им хорошо везде. С царем повздорил,

Так в Тушино, — там чин дадут боярский;

Повздорил там, опять к царю с повинной.

И все они, прости меня Господь,

Для временные сладости забыли

О муке вечной. Им ли нас спасать!

Голоса

Что правда — правда. — Что греха таить!

Воевода

Кому ж стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьев?

Минин

Тем, кто больше терпит,
Кто перед Богом не кривил душой.
Когда народ за Русь святую встанет —
И даст Господь победу над врагом.
Нам дороги родные пепелища,
Мы их не променяем ни на что.
Нам вера православная да церковь
Дороже всех сокровищ на земле.

Воевода

За умножение наших прегрешений
Господь казнит. Мы знаем все и терпим,
Так не грешно ли против Божьей воли
Нам восставать? Не лучше ли сми-

риться?

Минин

Господь не век враждует против нас
И грешнику погибели не хочет.
Враг одолел, творя его веленье,
Смирились мы, и нам Господь пошлет
Победу на врага и одоленье!

Алябьев

Мне следу нет идти, пускай другие.

Минин

Ты не пойдешь, мы без тебя пойдем.
Позволь мне завтра кликнуть клич к народу;
Что соберем, с тем и пойдем к Москве.
По деньгам глядя, принаймем казаков.

Биркин

Не знаю, что Андрей Семеныч скажет,
А я б тебе и думать не позволил
Сбивать казаков своевольных в город.
В Казани их пущают понемногу,
Так человек десятка два, не больше,

В тебя не влезешь. Говорят, чужая
Душа — потемки. Может, ты затеял
Какую смуту аль измену всчать!

Минин

Чего не знаешь, ты б не говорил.
Я вот и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрел бы на себя, а не корил
Поклепом злым людей, себя честнее.
Тебя с собой я не зову к Москве;
Тебе и в Тушине тепло бывало.
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты язык прикусишь.

Семенов
(Воеводе)

Князь Василий
Андреевич, при нас такие речи
Он говорит. Возможно ли терпеть!

Минин
(показывая на Биркина)

Ты видишь, терпит.

Воевода

Замолчи, Кузьма.

Минин

Я замолчу, да уж и он не скажет
Ни слова больше, головой отвечу,

Семенов

Так я скажу. Я замысел твой вижу.
Не смуту — нет! — ты смуты не затеешь,
Ты от казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вот что!
Вы все барышники!

Минин

Очнись, Василий
Семенович! Ты старый человек!
По дурости ты это говоришь
Или по злобе на меня — не знаю.
Нет, я души своей не продавал
И не продам. Душа дороже денег,
Мы знаем твердо, ты не позабыл ли?
Мы тем живем, что Бог в торгу пошлет;

К поборам да к посулам не привыкли;
Ты будь покоен, сам я не возьмусь
Ни собирать, ни соблюдать казну:
Мы старикам дадим на сбереженье,
Уж только не тебе, ты не взыщи!

Аксенов

Не в тягость служба, коли дело Божье
Да земское.

Воевода

А много ли собрать
Мекаете? Вам это дело ближе,
Виднее.

Минин

Прикажи нам кликнуть клич,
Тогда увидим.

Семенов

Много не сберете.

Аксенов

Что Бог пошлет, и тем довольны будем.

Василий княж Андреич, прикажи!

Воевода

Все просите?

Голоса

Все просим. — Все как есть.

Воевода

Ну, кличьте, с Богом!

Семенов
(Минину)

Соберешь алтын
За гордость за свою.

Минин

Не ошибись!

Аксенов

Благодарим тебя, Василий княж Андреич,
Что ты позволил нам к народу кликнуть
И собирать казну на Божье дело!
За что бы, кажется, благодарить!

Свои мы деньги соберем, положим
Свои труды; да ведь другой, пожалуй,
И помешал бы нам, а ты велишь.
Так уж тебе спасибо и за это!

Минин

Князья, и воеводы, и бояре,
И все честные люди, посудите
Своим умом и разумом великим
Мою простую речь! Не обессудьте,
Что я, помимо старших, затеваю
Такое дело! Я слуга Господень.
Сегодня ночью преподобный Сергий
Мне, грешному, явился, и велел он
Будить народ и поспешать к Москве.
Когда я близким стал про это чудо
Рассказывать, в тот самый час гонцы
Явились с грамотой архимандрита.
И мнится мне, что сам угодник Сергий
Ее прислал. Бояре, воеводы!
Я чудо Божье утаить не смел
И вам поведал все как перед Богом,
И слушать и не слушать ваша воля;

А мне одно: служить я буду Богу.
Пока исполнится завет Господень,
Пока кремлевские увижу стены.

Голоса

Иди, иди к Москве, Кузьма Захарьич!
Тебя Господь поддержит, укрепит…

Воевода

И мы по силе, по́ мочи поможем.

Голоса

Поможем все тебе! — Поможем все!

Воевода

А грамоту снесите к протопопу,
Чтоб завтра за обедней прочитал.
Велите в колокол большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

Семенов

А где свинцу да пороху возьмете?
Без огненного бою как соваться!

Минин

Займем в Казани, там в остаче много.

Семенов

А не сберешь ты войска, что тогда?

Минин

Один пойду.

Семенов

Один — не ратник в поле.

Поспелов

Ты не один пойдешь, и мы пойдем.
Посадские, торговые помогут
Вам деньгами, а мы все головами.

Дети боярские

Мы все идем с тобой, Кузьма Захарьич.

Поспелов

Служилые, воинские мы люди,
Мы по приказу шли и умирали.
Велят — иди и голову клади;
Теперь без зова я иду, охотой!
Уж умирать, так за святое дело!

Колзаков

Тебя Господь своим сподобил чудом;

Иди же смело в бой, избранник Божий!
И нас возьми! Авось вернется время,
Когда царям мы царства покоряли,
В незнаемые страны заходили,
Край видели земли, перед глазами
Земля морским отоком завершалась
И выл сердито море-окиян.
Довольно бражничать! Теперь есть дело:
Точить оружие, в поход сбираться!

Воевода

И с Богом! Только жаль, что вас не много.

Минин

Да разве враг нас одолел числом?
Он одолел нас Божьим попущеньем.
Не силой силен враг, а Божьим гневом,

Аксенов

Не войска нужно нам, а благодати.

Минин

Велик Господь, владыко херувимский!

Прибежище и сила наша в нем!
Его рука дала врагам победу,
Его рука притупит их мечи.

Аксенов

Давид и мал, да сильного свергает.

Поспелов

Не много храбрых вывел Гедеон.

Минин

Самсон все войско костью побивает.

Аксенов

От гласа труб валится Ерихон.

Колзаков

С большой ордой побить врага не диво.

Минин

Во мнозе Бог! И в мале Бог!

Аксенов

Аминь!

Действие четвертое

ЛИЦА:
Воевода.
Биркин.
Семенов.
Поспелов.
Колзаков.
Минин.
Аксенов.
Темкин.
Губанин.
Лыткин.
Нефед Минин
Татьяна Юрьевна.
Марфа Борисовна.
Гриша, юродивый.
Всякие люди Нижнего Новгорода, обоего пола.
Слепые.

Площадь в Кремле недалеко от собора. Начинает рассветать.

Часть народа толпится на паперти у собора, между ними Губанин. Вбегает Лыткин.

Явление первое

[Губанин, Лыткин, народ.]

Лыткин

Отцы мои! Вот страсти-то!

(Увидав Губанина.)

Родимый!

Что за напасть, скажи?

Губанин

Кака напасть?

Лыткин

Зачем в большой-то колокол звонили?

Как начали звонить, я так и обмер,

Ну, думаю, беда, опять всполох

От воровских людей.

Губанин

Да ты опомнись!

Перекрестись!

Лыткин

Зачем в большой-то били?

Нет праздника.

Губанин

Чтобы народу больше
Понабралось. От Сергия прислали
К нам грамоту, теперь ее читают.

Лыткин

Я сдуру-то подумал, что всполох,
Велел домашним собирать всю рухлядь
Да поскорей за каменную стену.
Тут у ворот под горкой и сложили.

Губанин

Кто о душе, а ты о суете.

Лыткин

Ну, ты еще меня учить-то молод.

Губанин

Нельзя пройти, а хочется послушать,
Уж ничего б, кажись, не пожалел.

Лыткин

Послушал бы и я. Посторонитесь,
Почтенные! Попробуем пройти.

Проходят. Народ мало-помалу протесняется в собор. У паперти открывается кучка слепых, которые были скрыты народом.

Явление второе

Слепые
(запевают)

Живал себе славен на вольном свету,
Пивал, едал сладко, носил хорошо,
Золотые одежи богат надевал,
Про милость про Божью богат не давал,
Про нищую братью богат забывал.

Заря занимается. Народ выходит из собора. Все утирают слезы Слышны голоса: «Подайте слепому, убогому! Сотворите святую милостыню». Мальчики уводят слепых на паперть. Народ становится стенами, образуя улицы для выходящих из собора. Выходят Воевода, Биркин и Семенов.

Явление третье

[Воевода, Биркин, Семенов и народ.]
Воевода

(утирая слезы)

Вы видели, как плакал весь народ,
Вы слышали тяжелые рыданья!
Какие слезы! Боже! Прав Кузьма:
С таким народом можно дело делать
Великое. Взгляните, эти слезы —
Не хныканье старух и стариков;
В них сила страшная; омывшись ими,
Народ готов на подвиг. Хоть на битву
Веди его, хоть в монастырь честной,
Хоть на небо.

Семенов
(со слезами)

Великую ты правду,
[Василь Андреич], говоришь. Я стар,
Заматерел в грехах; а Божье слово
В час утренней молитвы возвышает
Мне душу грешную, и рвутся цепи,
К земле гнетущие!

Воевода

Конец страданью,

Заметно по всему. И страшно будет
Отмщение за пролитую кровь.

Биркин

Потерпят и еще.

Воевода

Вот ты увидишь,
Что этот день начало избавленья.
Народ проснулся. Даром так не плачут.
Поверь ты мне: заря освобожденья
Здесь, в Нижнем, занялась на всю Россию.

(Уходит.)
Входят Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткин и несколько народу.

Явление четвертое

[Биркин, Семенов, Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткнн и народ.]

Аксенов

Сейчас наказывал Кузьма Захарьич
Сказать народу, чтоб не расходился.

Пожалуй, после всех и не сберешь.
Теперь в соборе заказал молебен
Он ангелу-хранителю Косьме —
Бессребренику. Вы поговорите
С народом-то, пока молебен кончат.

Темкин и Губанин отходят к народу: один в одну сторону, другой в другую.

Темкин

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьич хочет говорить.

Губанин

Коли не в труд, повремените малость:
Кузьма Захарьич приказал просить.
Минин выходит из собора.

Явление пятое

[Те же и Минин.]

Минин

(с лобного места)

Друзья и братья! Русь святая гибнет!
Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,

Конечная погибель предстоит.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взывают, молят слезно.
Вы слышали их слезное прошенье!
Поможем, братья, родине святой!
Что ж! Разве в нас сердца окаменели?
Не все ль мы дети матери одной?
Не все ль мы братья от одной купели?

Голоса

Мы все, Кузьма Захарьич, все хотим
Помочь Москве и вере православной.

Минин

И аще, братья, похотим помочь,
Не пожалеем наших достояний!
Не пощадим казны и животов!
Мы продадим дворы свои и домы!
А будет мало — жен, детей заложим!

Голоса

Заложим жен! — Детей своих заложим!

Минин

Что мешкать даром, время нас не ждет!

Нет дела ратного без воеводы:

Изыщем, братия, честного мужа,

Которому то дело за обычай,

Вести к Москве и земским делом править.

Кто воеводой будет?

Голоса

Князь Димитрий

Михайлович Пожарский! — Князь Пожарский!

Другого нам не надо!

Минин

Воля Божья!

Пожарского избрали мы всем миром,

Ему и править нами. Глас народа —

Глас Божий. Выборных людей пошлем.

Просить и кланяться, чтоб шел к нам наспех.

Теперь, друзья, несите, кто что может,

На дело земское, на помощь ратным.
Я — Господи, благослови начало —
Свои, копленые и трудовые,
Все, до последнего рубля, кладу.

Несколько голосов

И мы, и мы все за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Другие голоса

Что деньги! Деньги дело наживное;
Как живы будем, наживем опять.

Минин

Да из собора я послал Нефеда,
Чтоб из дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи и серьги,
Весь жемчуг, перстни, ферязи цветные,
Камку и бархат, соболь и лисицу;
Да взяли б у святых икон взаймы,
На время только, ризы золотые.
Пошлет Господь, оправим их опять.

Голоса

Всё отдадим! — Теперь не до нарядов!

В нарядах суета мирская ходит!

Начинаются приношения.

Явление шестое

[Те же и народ.]

Минин

Ты, Петр Аксеныч, стань, блюди казну!
Ты, дедушка, не знаю, как назвать-то, —
Постой у денег! Принимайте вместе!

Аксенов и старик всходят на лобное место и принимают приношения. Минин сходит.

Биркин

Нет, в Нижнем принялись за дело крепко.
Здесь делать нечего, а подобру
Да поздорову лучше убираться.

Семенов
(подходит к Минину)

Обидел я тебя, Кузьма Захарьич,
Прости меня!

Минин

Господь тебя простит.

Семенов

Я мнил, смущаем дьявольским прельщеньем,
Что грубый ты и гордый человек,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества над равными тебе
И временной корысти. Просвещает
Господь мне очи ныне. Зрю в тебе
Поборника по вере православной,
Ясносиятельной и непорочной,
И кланяюсь тебе, прости меня!

Минин

Не у меня, у Господа прощенья
Проси! А я обид твоих не помню.

Семенов

Ну, и спаси тебя Господь за это!
Не откажите малый вклад принять
От многогрешного раба Василья.

(Отходит с Мининым.)
Народ более и более теснится у лобного места.

Начинают приносить даже вещи, что и продолжается до конца действия.

Явление седьмое

[Те же, без Семенова.]

Губанин

(Темкину)

Пойти домой, принесть свое хоботье!
Оставлю чашку щей да хлеба на день —
С меня и будет.

Темкин

Погоди, успеешь!
Мы первые пошли на это дело,
Не спятимся. Что, Лыткин замолчал?

Губанин

Ты знаешь, Лыткина именье близко:
Он в город перенес, боясь всполоху;
Как давеча к обедне зазвонили
В большое било, он и испугался.

Темкин

Ну, ладно ж! Погоди, Василий Лыткин!

(Лыткину.)

Ай, Вася! Вот хвалю! Так, брат, и надо!

Лыткин

А что?

Темкин

Да как же! Ты свои пожитки
Все приволок. Чего-нибудь да стоит.

Лыткин

Да нешто я про вас?

Темкин

А про кого же?

Лыткин

Я для сохранности принес.

Темкин

Ну, полно
Шутить-то с нами.

Лыткин

Да какие шутки!
А вот возьму да и пошлю домой.

Темкин

Покойников с погосту в дом не носят.

Лыткин

Так что же вы хотите?

Темкин

Вот покличем
Мы молодцов, перетаскают мигом.
А из мирской казны не отдадут.

Губанин

Да и просить-то стыдно.

Лыткин

Что ж вы, грабить
Меня хотите?

Темкин

Как же быть с тобой?
Неволя заставляет, сам доводишь!

Лыткин

Не погубите!

Темкин

Вот что, брат Василий!

Дай деньгами! Пожитков мы не тронем.

Губанин

Ведь деньги все с тобой. Боясь всполоху,
Все до копейки из дому унес.

Лыткин

А много ль?

Темкин

Все отдай!

Губанин

Ну, половину!

Лыткин

Ой, много!

Темкин

А заспоришь, хуже будет.

Губанин

Ну, третью деньгу дай!

Темкин

С лихой собаки
Хоть шерсти клок.

Губанин

Как на миру решили?

Темкин

Развязывай кошель-то, сосчитаем!

Все трое садятся на землю и считают деньги.

Три доли ровно, видишь. Две тебе,

Сбирай в мошну, завязывай потуже!

А третью часть сыпь в шапку, да и с Богом

Пойдем все вместе, отдадим с поклоном.

Подходят к Аксенову.

Примай-ка, Петр Аксеныч!

Лыткин подает шапку.

Аксенов

(высыпает деньги и возвращает шапку)

Вот спасибо!

Не ожидал я от тебя, Василий.

Лыткин

Я на мирскую нужду не жалею.

(Отходит.)

Уж только знает грудь да подоплёка,
Как мне легко. Одна теперь надежда —
Богатое приданое мне взять.

Входит Колзаков.

Явление восьмое

[Те же и Колзаков.]
Колзаков
(Минину)

А я что дам? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людям завидно.
Не то завидно, милый человек,
Что хорошо живут да чисто ходят,
А то завидно, что добро несут,
А мне вот нечего. И одежонка
Вся тут. Да! Погоди! Тельник на шее,
Серебряный, большой. Ну, слава Богу!
Нашлось-таки, что Господу отдать.

(Снимает.)

Возьми! Возьми! Пускай хоть раз-то в жизни

Пойдет на дело и моя копейка.

Входят Татьяна Юрьевна и Нефед. За ними несут сундуки и ларцы.

Явление девятое

[Те же, Татьяна Юрьевна и Нефед.]

Нефед

Как, батюшка, изволил приказать,

Так точно мы, по твоему приказу,

И сделали — всё принесли сюда.

Минин

Вон, видишь, Петр Аксеныч собирает!

Кладите в кучу, после разберут.

Татьяна Юрьевна

Вот, государь ты мой, Кузьма Захарьич,

Ты приказал жене твоей, Татьяне,

Прислать тебе жемчуг и ожерелья,

И с камешками перстеньки, и всю

Забаву нашу бабью. Я не знаю,

На что тебе! Я все в ларец поклала,

Не думавши, взяла и принесла.

Ты дума крепкая, Кузьма Захарьич,

Ты слово твердое, так что нам думать.

Минин

Сама Петру Аксенычу отдай!

Татьяна Юрьевна

Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Отдает.)

Входит Марфа Борисовна; за ней несут сундуки и ларцы.

Явление десятое

[Те же и Марфа Борисовна]

Лыткин

Никак, весь дом несет! Прощай, невеста,

Приданое! Останусь ни при чем.

Марфа Борисовна

Богатое наследство мне осталось

От мужа моего и господина.
Отцы и деды прежде накопили,
А он, своим умом и счастьем, много
К отцовскому наследию прибавил,
И умер в ранних летах; не судил
Ему Господь плоды трудов увидеть.
Покрасоваться нажитым добром.
Благословенья не было от Бога
Мне на детей, — одним-одна осталась
Хозяйкою несчетного добра.
Добра чужого: я с собою мало
В дом принесла. Искала я родных;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мне стало, что заботу
Такую дорогую Бог послал.
И вот, благословясь, я раздавала
По храмам Божьим на помин души,
И нищей братье по рукам, в раздачу,
Убогим, и слепым, и прокаженным,
Сиротам и в убогие дома,

Колодникам и в тюрьмах заключенным,

В обители: и в Киев, и в Ростов,

В Москву и Углич, в Суздаль и Владимир,

На Бело-озеро, и в Галич, и в Поморье,

И в Грецию, и на святую Гору,

И не могла раздать. Все прибавлялось —

То долг несут, то кортому с угодий,

И, не внуши вам Бог такого дела,

Ни в жизнь бы мне не рассчитаться с долгом.

(Отходит к стороне.)
Народу все больше прибывает на площадь.

Явление одиннадцатое

Один из толпы

Вот шесть алтын, две деньги!

Другой

Зипунишко!

Подают. К лобному месту подходит толпами.

Голоса

Вот наши деньги из квасного ряду! —
Из рукавичного! — От ярославцев! —
Костромичи собрали — принимайте! —
Стрельцы Колзакова Баима сотни!

Поспелов

Вот праздник так уж праздник! Ну, веселье!

Минин

Не явно ли благословенье Божье!
Теперь у нас и войско, и казна,
И полководец. Недалеко время,
Когда, вооружась и окрылатев,
Как непоборные орлы, помчимся.
За нас молитвы целого народа,
Детей, и жен, и старцев многолетних,
И пенье иноков, и клир церковный,
Елей лампад, курение кадил!
За нас угодники и чудотворцы,
И легионы грозных сил небесных,

Полк ангелов и Божья благодать!

Вбегает юродивый.

Явление двенадцатое

[Те же и юродивый.]

Голоса

Бежит убогий! — Гриша! — Пропустите!

Юродивый

(на лобном месте)

Вот денежки! Копеечки! Возьмите!

Их, много, много!

(Высыпает деньги.)

Голоса

Вот он собирал

Все на дорогу-то! — Выходит, правда.

Уж эти деньги, братцы, всех дороже.

Юродивый

Темно! Темно! Не вижу ничего!

Где люди? Где земля? Все вниз уходит.

Повыше бы подняться! Выше! Выше!

Его поднимают.

Я вижу, вижу!..

Голоса

Что ты видишь, Гриша?

Всем сказывай! — Всем говори, что видишь!

Юродивый

Обители, соборы, много храмов,

Стена высокая, дворцы, палаты,

Кругом стены посады протянулись,

Далеко в поле слободы легли,

Всё по горам сады, на церквах главы

Всё золотые. Вот одна всех выше

На солнышке играет голова,

Река, как лента, вьется… Кремль!.. Москва!.

Действие пятое

Сцена первая

ЛИЦА:
Минин.
Татьяна Юрьевна.
Нефед.
Аксенов.
Поспелов.
Семенов.
Площадной подьячий.
Выборные (1 и 2).
Народ.

Горница в доме Минина. Налево дверь в другой покой, прямо — в сени.

Явление первое

Минин, Татьяна Юрьевна и Нефед. Входят выборные, Семенов.

Семенов

Кузьма Захарьич! ведомо тебе,
Что мы всем миром посылали к князю
Димитрию Михайловичу в Пурех
Нижегородцев, выборных людей

Из всех чинов, с великим челобитьем.

Князь Дмитрий наше челобитье принял

И приказал сказать всему народу,

Что ради веры пострадать готов.

У сбора же казны и у раздачи

На жалованье ратным людям денег

Приговорили кланяться тебе

И звать к мирскому делу неотступно.

Один из выборных

Уж не впервой тебе, Кузьма Захарьич,

За дело земское руками браться.

Мы много милостью твоей довольны.

И в этом разе ты нас не покинь.

Все кланяются.

Другой выборный

Кузьма Захарьич! мы к тебе с поклоном,

С великим челобитьем прибегаем.

Все кланяются.

Голоса

Кузьма Захарьич, послужи! — Кому же,

Опричь тебя и некому у нас! —
Все просим: послужи, Кузьма Захарьич!

Кланяются.

Минин

Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!

(Кланяется.)

Есть поумней меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тех просите!

Голоса

Нам никого не надо. — Не хотим.

Минин

Не бегал я от службы никогда,
Для дела земского бросал заботы
Свои домашние, семью, торговлю.
Вот и недавно подняли мы дело,
И малое начало положили
Великому. Жалел ли я себя?
И деньги и добро принес я первый.
По-моему-то, всем так подобает;
А может, кто жалеет. Как тут быть!

Как тут орудовать! Один и душу
Рад заложить — другому жаль копейку.
Стань принуждать, его обидишь кровно.
И только грех, да брань, да уреканье!
Послужишь Богу, так людей обидишь!
Людям служить, так Богу согрешить!
Кому служить-то: людям или правде?

Голоса

Ты правде послужи, Кузьма Захарьич!

Минин

Служил бы правде, силы не хватает,
Последнюю на службе истерял.
Работал много, наработал мало!
Хлопот по горло, дела на алтын!
Любовью начали — свели на ссору!
Хотели волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, так впору.
Что было силы, послужил народу —
Уж не взыщите, утрудился больно.

(Кланяется.)

Другому кланяйтесь, я не слуга вам!
Последнее вам слово говорю.

Выборные

Прощенья просим!

Минин

С Богом оставаться!

Уходят выборные. Входят Аксенов и Поспелов.

Явление второе

[Минин. Аксенов, Поспелов, Нефед, Татьяна Юрьевна.]

Минин

Душа моя открыта перед Богом,
Я рад служить, рад душу положить!
Я к делу земскому рожден. Я вырос
На площади, между народных сходок.
Я рано плакал о народном горе,
И, не по летам, тяжесть земской служ-бы
Я на плечах носил своей охотой.

Теперь зовут меня, а я нейду;
И не пойду служить, пока весь Нижний
В моих руках не будет поголовно
Со всем народом и со всем добром.

Входят двое выборных.

Явление третье

[Те же и выборные.]

Выборные

Кузьма Захарьич, мы опять к тебе.

Минин

Сказал, что не пойду — чего ж хотите!
Я и в другой раз то же говорю,
Придете в третий, в третий то же будет.

[Выборные уходят.]

Аксенов

Постой-ка, я пойду скажу им толком,
Чтоб отдались тебе совсем на волю
И написали земский приговор,
Как ты велишь.

(Уходит.)

Минин

Тогда — другое дело,
И разговор пойдет другой у нас.

Татьяна Юрьевна

Ты рассказал бы, Алексей Михайлыч,
Как принял вас и выборных князь Дмитрий
Михайлович и что он говорил,
А я послушаю.

Поспелов

Изволь, послушай!
Вот, перво-наперво, мы духовенство
Пустили в горницу, а там, честь честью.
Вошли и мы; кто старше, впереди.
Все помолились, низко поклонились.
Князь подошел к благословенью, отдал
Нам всем поклон и начал говорить,
Что рад гостям и что желает слышать,
Какую нужду до него имеют.

Тут все заговорили. Дьяк Василий

Большую речь держал хитро и складно

И приводил слова святых писаний.

Князь слезно плакал. Видно, что по сердцу

Ему пришел наш земский приговор.

«Ступайте в Нижний, говорит, скажите,

Что я за веру пострадать готов

До самой смерти. Только подобает

Между собою из людей посадских

Вам выбрать мужа, чтобы вместе быть

Нам у великого такого дела,

Казну сбирать и ратных оделять

И все дела нам делать заедино!».

И стали наши князю говорить:

«Не знаем мы такого человека!»

Минин
(жене)

Они не знают! Слышишь ты, не знают!

Меня от службы земской оттирают,

Иду в холопы к ним — не принимают.

Поспелов

А князь им говорит: «У вас Кузьма
Захарьев, Сухорук, то дело знает;
Он человек бывалый и служилый,
Ему такое дело за обычай!
Его просите! Буде согласится,
И я, не мешкая, сбираться буду».
Нас накормили, брагой напоили
И с миром отпустили. Вот и все.

Нефед

Вернулись, батюшка, идут опять,
Подьячего ведут со всем припасом.

Входят Аксенов, подьячий, выборные и народ.

Явление четвертое

[Те же, Аксенов, подьячий, выборные и народ.]
Один из выборных

Вели писать, а мы вперед согласны
На всякий твой приказ, Кузьма Захарьич.

Минин
(подьячему)

Садись, пиши!

Подьячий садится.

Всех помяни вначале!
Дворян, детей боярских и голов,
Всех по порядку напиши, как знаешь.

(Помолчав.)

Пиши, что выбрали меня всем миром
У сбора денег ратным людям быти.

(Помолчав.)

Пиши! И быти нам Кузьме послушным
И не противиться ему ни в чем!
На жалованье ратным людям деньги
Имать у нас у всех беспрекословно!
А недостанет денег — животы;
А животов не станет — жен с детями
Имать у нас и отдавать в заклад.

(Помолчав.)

Готово?

Подьячий

Написал.

Минин
(народу)

Ну, ладно ль будет?

Голоса

Пусть будет так! — Прикладывайте руки!

Прикладывают руки.
Минин

Не премину радеть о земском деле,
А за любовь за вашу бью челом.

(Кланяется.)

Теперь у Господа молить я буду,
Чтоб даровал мне силу мышц, и мудрость
Змеиную, и кротость голубину.

Один из выборных

Готово. Принимай, Кузьма Захарьич!

(Подает приговор.)
Минин

Сбирайтесь в путь, везите с береженьем

И князю Дмитрию отдайте в руки.

Передает Нефеду и Поспелову. Они уходят.

О Господи, благодарю тебя!

(Падает на колени.)

Аксенов

Давно стоит земля, а не бывало
Такого дела на святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.
Прими ж такое звание от нас,
Какого деды наши не слыхали
И внуки не услышат, и зовись
Ты Выборным всей Русскою Землею!

Голоса

Ты выборный от всей Земли великой!

Сцена вторая
(24 августа 1612 года)

ЛИЦА:

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, воевода Нижегородской рати.

Минин.

Поспелов.

Баим Колзаков.

Афанасий Коломна, казацкий атаман из полков князя Трубецкого.

Павлик.

Старик, странник.

Первый стрелец.

Второй стрелец.

Первый казак.

Второй казак.

Дворяне, дети боярские, стрельцы, казаки, поляки, венгры и запорожцы.

За Москвой-рекой, против Кремля. Направо тын Климентовского острога с бойницами и воротами, налево деревянная церковь св. Климента, прямо земляной вал, за валом, вдали, виден Кремль.

Явление первое

Несколько поляков, венгров, запорожцев, столпившись у церкви, стреляют по острогу. Казаки отстреливаются со стен, делают вылазку и наступают на неприятеля. Подле острога и у церкви несколько убитых и раненых.

Первый казак
(на стене)

Из таборов к нам помощь. Вот Коломна

С своим полком.

Второй казак
(на стене)

А вот еще подмога!

С дворянами спешит сюда Пожарский.

Коломна с казаками показывается на валу.

Явление второе

[Те же и Коломна с казаками]
Коломна

Кричите: «Сергиев!» Святое слово

На помощь нам и на беду врагу.

Казаки

За Сергиев! За Сергиев! Дружней!

(Бросаются на неприятелей, те бегут, они их преследуют; некоторые остаются у острога.)

На валу показываются Пожарский, Минин, Колзаков, Поспелов, дворяне, боярские дети и стрельцы.

Явление третье

[Те же, Пожарский, Минин, Колзаков, Поспелов, дворяне, боярские дети и стрельцы.]

Князь Пожарский

(оборотясь назад)

Пусть пешие залягут по дорогам,

А конные держитесь у острога.

Казак

Мы Климентов острог опять отбили.

Минин

И молодцы!

Все сходят с вала.

Казак

А вы-то что такое!
Богаты вы пришли из Ярославля
И помогать казакам не хотите!
И наги мы, и голодны, и босы,
И умирать все нам же!

Пожарский
(садясь на бревно)

Полно, друг!
Грешно тебе! Ты видишь, я не прячусь.
С утра дерусь, кольчуги не скидая,
Москву-реку переходил два раза
На помощь вам. Вы сами-то недружно
Встречаете врага. Вы здесь, в остроге,
С поляками деретесь целый день,
А половина в таборах за пьянством,
Играют в зернь у Яузских ворот.

Минин

Безбожные! Вас келарь Авраамий
Из таборов погнал святой иконой.

Казак

Он был и здесь с иконой.

Минин

Мы послали.
Он нам служил молебен у Ильи,
Как вы бежать хотели от острожка
И гетмана с запасом пропустить.

Казаки

Да, правда! Он-то нас и удержал.

Поспелов

Ну, воины! Монахи вас храбрее!

Пожарский
(строго)

Не ссориться! Не храбростью считаться
Сошлись мы здесь, а помогать друг другу.

(Колзакову.)

Поди, Баим, по сторонам дороги
Расставь своих в крапиве и в кустах.
И бейте из пищалей по обозу,
Коль повезут. По ямам и оврагам
Ты положи засаду!

Колзаков

Эй, за мной!

(Уходит с стрельцами.)
Слышны выстрелы.

Казак

Рассыпаны и наши по дорогам.
Лежат во рвах, проезды берегут.

Казаки
(со стены)

Никак, бегут? Чужие или наши,
Не разберешь.

Казак

Коломна с казаками
Назад бежат.

Минин

Погони не видать.

Казак

Другие атаманы подоспели
На выручку. Вот драка заварилась.

Входят Коломна и казаки.

Явление четвертое

[Те же, Коломна и казаки]

Коломна

Эх, горячо! Робята, отдохните!
Умаялись. Челом тебе, князь Дмитрий
Михайлович. Спасибо, что пришли.
Горячий бой кипит. Боюсь, чтоб наши
Не побежали в таборы опять.

(Садится.)

Минин

(Пожарскому)

Прости меня, надежа, князь Димитрий
Михайлович, за речь мою! Ты храбрый,
Искусный вождь, а я простой мужик.
Вот речь моя какая: с поляками
Мы бьемся целый день с утра до ночи
Лицом к лицу; они ловчее нас,
Привычнее, и нам не состоять
От напусков черкасов, угров, немцев.
Мы попусту людей лишь только тратим

И к ночи вовсе выбьемся из сил,
А той порой они с запасом в город
И подойдут — и нам Кремля не взять.
Затянется опять осада на год.
Пусти меня, я счастья попытаю,
Попробую их сзади обойти,
Отрезать им обратную дорогу,
От Крымского двора зайти. Увидишь,
Что гетман бросит сам свои обозы,
В свой старый стан, к монастырю Донскому,
Покинув все, спасаться побежит,
А в ту пору всей ратью вы и гряньте.
Коль силы нет, нам ум дает Господь.

Пожарский

Ступай, Кузьма, бери кого ты хочешь.

Минин

Хмелевского возьму, Поспелов с сотней
Пойдет со мной, охотники найдутся.
У Крымского двора всего две роты.

Поспелов

Мои готовы, мигом соберутся.

Дети боярские

И нас возьми с собой, Кузьма Захарьич.

Минин

Мне сотни три, а больше и не надо.

Пожарский

Ступай, Кузьма, дай Бог тебе счастливо!

Минин

Простимся, князь.

Целуются.

Охота есть большая

Служить земле родной. Господь поможет,

Вернуся жив, так ладно; не вернуся,

Так лихом ты меня не помяни.

(Уходит, за ним Поспелов и несколько боярских детей.)

Пожарский

Благая мысль пришла Кузьме; я верю,

Что Бог ему поможет. Он задумал

Такое дело, что вождям искусным
И в голову не приходило прежде.

Коломна

Все дело-то задумали вы ладно.
Простой мужик, а сколько войска набрал,
Богатого и платьем и казной.
Не то что мы, голодная голутва.
Не надивлюсь, где денег вы набрали,
Кажись, уж Русь разорена дотла.

Пожарский

Пора бы вам увидеть, догадаться,
Что в честном деле помогает Бог.

Коломна

Вам хорошо — сполагоря живется,
У вас кормы и жалованье ратным,
А мы живем день за день, точно птицы,
Сегодня сыт и пьян, и слава Богу,
А завтра сам как хочешь промышляй.
Не грабил бы, неволя заставляет.

За что теперь мы бьемся?

Пожарский

За Москву.

Коломна

Кому она нужнее? Нам, казакам,
Москва не мать, а мачеха. Для вас же
Стараемся, так вы и заплатите
За службу нам.

Пожарский

Мне келарь Авраамий
Уж сказывал, что вы просили денег.
Он хочет вам от Сергия прислать
Оклад с икон и ризы дорогие
В залог за службу в тысячи рублях.
Оклад пропейте, ризы износите!
Довольны ль вы?

Коломна

Греха не побоятся,
Возьмут залог, а лучше бы не брать.
Эх, горе нам! Ты, князь, за что серчаешь?

И в казаках не все равны. Не мы ли
Третьёводни на выручку пришли,
Как гетман вас погнал с Девичья поля?

Пожарский

Да разве ты?

Коломна

Я в первых был, за мною
Другие атаманы. За спасибо,
Не за корысть, мы выручили вас.

Пожарский

Как звать тебя?

Коломна

Коломна, Афанасий.

Пожарский

Прости меня, Коломна, ты в обиду
Не ставь моих речей! Тебе спасибо!
Не для меня, для Бога ты старался,
И Бог тебе заплатит. Вы, как братья,
Спешили к нам на выручку, другие ж
Ругали нас из-за Москвы-реки.

Про них и речь, а о тебе ни слова.

К хорошему дурное не пристанет,

А про воров нельзя не говорить.

(Дворянам.)

Пойдемте-ка, с острога мы посмотрим,

Не видно ли, что делает Кузьма?

Уходят в ворота острожка, Коломна за ними. Двое стрельцов приводят раненого Колзакова.

Явление пятое

[Колзаков, первый и второй стрельцы и раненые.]

Колзаков

Куда еще? Довольно! Здесь, у храма.

На паперти меня и положите!

(Садится на паперть.)

Я здесь умру. Попа теперь не сыщешь.

Я во грехах своих покаюсь вам.

Грехи мои великие: я бражник!

И умереть я чаял за гульбой.

Но спас меня Господь от смерти греш-

ной.

Великое Кузьма затеял дело,

Я дал ему последний крест с себя;

Пошел за ним, московский Кремль увидел,

С врагами бился так же, как другие,

И умираю за святую Русь.

Скажите всем, как будете вы в Нижнем,

Чтобы меня, как знают, помянули —

Молитвою, винцом иль добрым словом.

Первый стрелец
(утирая слезу)

Ты мученик, тебя Господь простит.

Второй стрелец
(утирая слезу)

А потому ты, ежели за веру,

Сейчас на небеса.

Первый стрелец
(нагибаясь к Колзакову)

И беспременно.

Поверь ты мне, Баим!

Послушай! Помер!

Снимают шапки.

А добрый был, прими его Господь!

Выходят Пожарский, Коломна, дворяне, дети боярские и казаки.

Явление шестое

[Те же,] Пожарский, Коломна, дворяне, дети боярские, сотник и казаки.

Пожарский
(всходит на вал)

Пальба и пыль от нас, а не на нас.

К монастырю Донскому! Гетман дрогнул.

Скорей коня! Теперь настало время

Ударить враз. Не выдадим Кузьму.

Сбирайте сотни! На конь, и за дело!

Сотник
(на валу)

Живее на конь!

Казаки

Мы за вами разом.

Входит раненый Поспелов.

Явление седьмое

[Те же и Поспелов.]

Пожарский

Откуда ты, Поспелов? Ранен?

Поспелов

Ранен.
У Крымского двора мы конных сбили.
С испугу те ударились бежать
И пешую свою стоптали роту.
Ходкевич сам, увидя нас в тылу,
Екатерининский свой стан покинул,
К монастырю бежит со всею силой.
Кузьма Захарьич по пятам за ним,
Лишь я отстал: скакать не стало силы.

Пожарский

Молись! За мной!

(Уходит.)

Входит старик в страннической одежде, через плечо на ремне висит сулея[10], через другое — сумка с травами и корнями. Нагибается к раненым, прикладывает траву и дает пить из сулейки.

Явление восьмое

[Поспелов и старик-странник.]
Поспелов
(садясь)

От родины далеко,
Без помощи, среди чужих людей
Я встречу смерть. Прощайте, золотые
Мечты мои! Хотелось бы пожить
И выслужить себе и честь и место
Почетное. Обзавестись хозяйкой
Любимою, любить ее, как душу,
Семью завесть и вынянчить детей.
Да не дал Бог — судьба не то судила,
Судила мне лежать в земле сырой,
Похоронить и молодость и силу
Вдали от стен родного пепелища!

---

[10] Примечания: 10
Сулея — плоская бутыль, фляжка.

В глазах темно, то ночь ли наступает,

Иль смерть идет, не знаю.

(Шепчет.)

Боже, душу

Прими мою и упокой в селеньях

(падает в изнеможении),

Где праведные...

Старик

(нагибаясь над Колзаковым)

Уж никакое зелье

Поднять тебя не может, Божий воин.

(Подходит к другому воину, прикладывает траву к голове.)

Ты две зари носи ее на ране

(дает корень),

А это жуй поутру, не молясь.

(Подходит к Поспелову, вливает ему несколько капель, тот приходит в чувство.)

Поспелов

Откуда ты? Сам Бог тебя послал.

Ты кто, старик?

Старик

Я странный богомолец.
По таборам хожу; обет я принял
Болящих чад безмездно врачевать.
Открыты мне травы целебной силы,
А кем и как, то знаю я один.

Поспелов

Мне жизнь мила, перед тобой не скрою.

Старик

Ты будешь жив, твоя болезнь не к смерти.
Лицо твое светло, и жилы бьются.
Кому не жить, тот темен, как земля.
Мы все земля, и если наше тело
Темнеть начнет, так, значит, в землю хочет.
Ты ослабел от ран, и много крови
Ты истерял… Произволеньем Божьим
Растет трава, названьем «девесил»,
Недаром ей прозвание такое,
В ком силы нет, — прибавит девять сил,

Настой ее тебе на пользу будет,
Хлебни его! А рану ты завяжешь.
Плечо твое уязвлено железом.

(Завязывает руку.)
Входит Павлик.

Явление девятое

[Те же и Павлик.]
Поспелов

Кто бродит там? Знакомое обличье.

Павлик подходит ближе.

Да это наш, из Нижнего. Ты — Павлик
Из биркинских? Ты был в бегах?

Павлик

На время,
Не ужился с Кузьмой, — мы нравом разны,
От грубости его я убежал.
У вас за малость попадешь в застенок,
А я висеть на дыбе не люблю.
В Казани был у Шульгина, там лучше,

Простей живут. Недавно был и в Нижнем
Не надолго. Вот в таборы попал,
В подьячих я у князя Трубецкого.

Поспелов

Что Нижний наш?

Павлик

Стоит на том же месте.
Ругают вас и Минина Кузьму.
Ограбили народ, наговорили
С три короба: «Идем на Божье дело!» —
А полгода гуляли в Ярославле
И тратили добро мирское даром.

Поспелов

У нас с тобой ума не хватит, Павлик,
Судить бояр и Минина Кузьму.
А в Нижнем ты знакомых не видал ли?

Павлик

А кто твои знакомые? Я знаю
Наперечет весь Нижний, всех собак,
Не только что людей.

Поспелов

Ну, Петр Аксеныч?

Павлик

А что ему! Живет да богатеет
На старости неправым барышом.

Поспелов

Не верю я, он честно жил доселе,
Не стать ему под старость начинать
Неправдой жить.

Павлик

Не верь, тебе же лучше!
Я не свое: что люди, то и мы.

Поспелов

Не слышал ли чего-нибудь о Марфе
Борисовне?

Павлик

Постой-ка, погляжу я,
Да ты, никак, Поспелов Алексей
Михайлыч, Кузьмы благоприятель?

(Нагибаясь к нему.)

Ну, он и есть. Ты сватался за нею?

Поспелов

Не отопрусь.

Павлик

Ну, видно, надоело
Ей ждать тебя иль разлюбила, что ли,
Я ваших дел не знаю. И хотел бы
Порадовать тебя хорошей вестью,
Да нечем, друг. За Лыткина пошла.

Поспелов

За Лыткина Василья?

Павлик

Да, а что же?
С чего же ей за Лыткина нейти?
Не хуже он дворян малопоместных;
И завсегда при ней; а вас гоняют
Из края в край; ты дома-то и году
Не проживешь с женой; нужда какая ж
Ей за тебя идти, подумай сам.
Поспелов опускает голову на грудь.

Старик
(Павлику)

Поди от нас! Недобрыми вестями
Ты скорбь ему навел. Печаль болезни
Помощница. Больному утешенье
На пользу лишь, а скорбь ему во вред.

Павлик

Совсем умрет, потеря не велика.

(Уходит.)
Старик
(вслед ему)

Не пожелай и недругу ты смерти!
Мы все равно у Бога на счету.

(Поспелову.)

На эту боль я зелья не имею.
Она идет от сердца молодого
И помыслов: забвение и время
Врачуют в нас сердечную тревогу.
Садись в седло и в таборы ступай
Теперь тебе покой и отдых нужен.

Поспелов

За все добро Господь тебе заплатит
И за меня, честной отец.

(Кланяется.)

Прости!

Странник уходит.

Уж только б мне до Нижнего добрать-ся
Привел Господь да увидать ее.
Припомню ей, как я ее увидел,
Как полюбил, спознал тоску-злодейку!
Как я за ней по улицам широким,
По мелким переулочкам ходил,
Чтоб только в очи заглянуть украд-кой!
Припомню, как сидели, говорили
Мы в липовом покойчике ее.
Припомню, как сулила, обещала
Любить меня и быть моей женой.
Как только время даром протянула,
Как провела меня — и обманула!
Припомню все! Суди ее Господь!

(Идет к валу.)

Пожарский, Минин, Коломна, дворяне и дети боярские показываются на валу.

Явление десятое

[Те же, Пожарский, Минин, Коломна, дворяне, дети боярские и прочие.]

Пожарский

Враги бегут, покинувши обозы.
Остановить погоню! С нас довольно
На этот день одной победы. Можем
Поспешностью испортить дело наше,
И наша радость обратится в скорбь.
Теперь Москва у нас в руках. С надеждой,
Истомлены трудом, сиденьем долгим,
Болезнями и хлебным оскуденьем,
Голодные враги со стен глядели
На гетмана и чаяли подмоги
И ратными и коренным запасом.
На их глазах мы гетмана разбили.
В Кремле сидеть им долее нельзя,
Иль умирай голодной смертью. Скоро

Увидим мы московские соборы —
И совершится очищенье Руси
От недругов. И начал это дело,
И совершил его не вождь искусный,
Не силою, а смелым дерзновеньем
И замыслом мясник нижегородский
Кузьма Захарьев, Минин, Сухорук.

Минин

И замысел и силу исполненья
Мне дал Господь, ему же подобает
Хваление и присно и вовеки.
Мое одно — одна любовь святая
К родной стране — я сын ее, любовью
Сыновнею горит душа моя!
Услышал я, что кровью и слезами
Исходит Русь, что брат встает на брата,
Что Бог забыт, что гаснет пламень веры,
Оставлен храм, кощунством осквер-
ненный,
Что села жгут и грабят города,

Покинуты дымящиеся домы,
И человек в лесу таится зверем,
Что стон и плач сирот и горьких вдов
Как дымный столб к поднебесью восходит.
И плакал я один за всю Россию,
Всю скорбь ее на сердце износил.
И плакал я, прося в слезах у Бога
Не почести, не власти, нет! Просил я
Сподобиться России быть слугою,
Отдать ей все, отдать ей жизнь свою,
От бед и зол и недругов очистить,
Конец слезам увидеть, успокоить —
И в ней Господне царство обновить.
Нет, мало, нет, любовь моя хотела
Увидеть Русь великою, богатой,
Цветущею привольем на свободе,
Работных чад в поту за тучной жатвой,
И русла рек, покрытые судами,
И правый суд по мирным городам,
И грозный строй несокрушимой рати

На страх врагам, завистливым и гордым,
И на престоле царства милость.
Но жизни срок короток, но дано
Нам в этом мире полного блаженства.
Мы видели начало избавленья,
А остальное пусть увидят внуки.
С утра в ряды мы стали боевые
И кончили победой трудный день.
Заходит солнце, главы золотые
Горят огнем, открытые сердца
Несутся в тишь благодарить Творца,
Из наших душ несется гимн хвалебный,
Идемте в таборы служить молебны!

Уходят.

Сцена третья

ЛИЦА:
[Минин,] думный дворянин.
Татьяна Юрьевна.
Марфа Борисовна.
Поспелов.

Нефед Минин.
Аксенов и посадские.

В доме Минина, в Нижнем Новгороде.
(Июль 1613 года)

Входят Татьяна Юрьевна и Марфа Борисовна (смотрит в окно).

Явление первое

[Татьяна Юрьевна и Марфа Борисовна.]

Татьяна Юрьевна

Что часто ты глядишь в окно-то, Марфа
Борисовна? Тебе кого бы ждать!
Сиротка ты, ты горя не видала,
На смертный бой родимых отпуская
И каждый час болея здесь об них,
И радости за то тебе не будет
Родных своих здоровых увидать.
Хоть тяжело прощанье с милым мужем,
Да ждать его приятно, а дождешься, —
Так радости и счастью меры нет.
А ты у нас отшельница…

Марфа Борисовна

От миру
Не вовсе я отстала. Было время
Тяжелое, не до мирских утех;
Нужна была молитва наша Богу,
И я жила затворницей, из кельи
Не выходя; теперь пора другая,
Теперь грешно печалиться, все рады,
И я опять живу в своем дому.

Татьяна Юрьевна

Одна живешь, что проку?

Марфа Борисовна

Как же быть-то!

Татьяна Юрьевна

Да замуж бы тебе.

Марфа Борисовна

Да за кого же?
Все прежние знакомые ушли
Москву спасать, иные там побиты,
А кто и жив, так слуху нет про тех.

А новым мне знакомством заводиться
Не хочется. Про старое вспомянешь,
Толь хорошо бывало, к новым людям
Мне привыкать уж поздно.

Татьяна Юрьевна

Да, бывала
Веселая беседушка у нас,
И люди-то хорошие все были,
Вот Алексей Михайлыч запропал,
И слуху нет.

Марфа Борисовна

Я слышала недавно,
Да верить ли, не знаю.

Татьяна Юрьевна

Что? А больно
Он тосковал и плакал по тебе.
Ты что ж не шла?

Марфа Борисовна

Дала я обещанье
Великое не думать о мирском,
Пока Господень гнев не утолится.

Татьяна Юрьевна

А ну, теперь?

Марфа Борисовна

Теперь другое дело,
И от тебя скрывать я не хочу,
Ни за кого, кромя его, не выду,
А за него и рада б, да нельзя.
Знать, сиротой и оставаться.

Татьяна Юрьевна

Что же
Ты слышала?

Марфа Борисовна

Вчера в дворе гостином
У Лыткина, — ведь тоже мой жених, —
Я встретила знакомого Павлушу,
Он из дьячков, из беглых, говорят,
У Биркина служил, писать проворен,
Потом в Москве, в стану у Трубецкого.
Так сказывал, что Алексей Михайлыч,
Когда дрались у Крымского двора,
Один из всех поворотил коня

И в таборы назад бежал со страха.
И с той поры и стыд и укоризна
Ему от всех — и стал людей дичиться.
И бражничать, и будто — страшно молвить
По кабакам валяется в ярыжных.
Вот горе-то!

(Плачет.)

А можно ль было думать?

Татьяна Юрьевна

Не верь людям, ни за что оболгут,
А я так жду своих, пришли мне вести,
Что тотчас после царского венчанья
И муж и сын вернутся. Потрудился
Кузьма Захарьич мой, пора на отдых.
Другую ночь во сне его все вижу, —
Так скоро быть ему,

Марфа Борисовна

Дай Бог дождаться,
Порадуюсь я радости чужой,
Коль нет своей.

(Взглянув в окно.)

Ах!

Татьяна Юрьевна

Что ты испугалась?

Марфа Борисовна

Сюда идут.

(Уходит в другой покой.)

Татьяна Юрьевна

Да кто идет, чудная?

Входит Поспелов.

Явление второе

[Татьяна Юрьевна и Поспелов.]

Поспелов

(кланяется и целуется)

Ну, все ли подобру и поздорову
Вы жили здесь? А мы вас поминали.

Татьяна Юрьевна

Здоровы-то здоровы, да тоскуем
Об вас-то больно. А мой-то где ж?

Поспелов

Замешкались в дороге — завтра будут.

Татьяна Юрьевна

За весточку спасибо, буду ждать.

Молчание.

Ну, что же ты не спросишь о знакомых?

Поспелов

Да не о ком.

Татьяна Юрьевна

Уж будто?

Поспелов

Право слово!
Спросил бы я, да что себя тревожить,
Печаль-тоску на сердце наводить!

Татьяна Юрьевна

Ты спрашивай!

Поспелов

Изволь! Здорова ль Марфа
Борисовна живет за новым мужем?

Татьяна Юрьевна

Да ты, никак, рехнулся? Дожидалась
Тебя она. А если мне не веришь,
Спроси у ней, коль хочешь, я покличу,
Она у нас.

Поспелов

Родная ты моя!
Покличь ее, давно-то не видались,
Взглянул бы я хоть глазом на нее.

Татьяна Юрьевна

Поди-ка ты! Что прячешься-то, Марфа
Борисовна, твой суженый приехал.

Марфа Борисовна выходит и кланяется Поспелову.

Явление третье

[Те же и Марфа Борисовна.]

Марфа Борисовна

Здоров ли ты?

Поспелов

Теперь здоров.

Марфа Борисовна

А прежде?

Поспелов

Я ранен был, да Бог помог, а пуще
Все тосковал.

Марфа Борисовна

О чем?

Поспелов

Все по тебе.
О чем же мне? Не заставляй божиться,
Поверь и так.

Марфа Борисовна

Я верю, что божиться,
Голубчик мой!

Татьяна Юрьевна

Ну, вот и дождалась,
А мне так ждать до завтраго, голубка.

Поспелов

Я обманул тебя, сегодня будут.

Татьяна Юрьевна

Чай, к вечеру?

Поспелов

Приехали, идут,
Встречай, поди!

Татьяна Юрьевна

Отцы мои родные!
Ах, батюшки! Бежать хоть приодеться,
Да хлеба-соли взять, на стол поставить.
За батюшкой послать — служить молебен.

(Уходит.)

Поспелов

Я много горя натерпелся, Марфа
Борисовна, пора узнать и радость.
В последний раз тебе я поклонюся,
Скажи ты мне, ты хочешь ли моею
Женою быть и с честными венцами
На головах и с радостью на лицах
По соболям войти в мой дом просторный,

Жить-поживать и в холенье и в неге
И за любовь до гробовой доски
Делить и радость пополам и горе?

Марфа Борисовна

Прошла беда, прошло то время злое,
Когда любовь казалась мне грехом.
Теперь пора веселая настала,
В миру пожить охота, и любовью
Готова я ответить на любовь.
Послушай, мой желанный! Я по правде
Скажу тебе: ты люб мне, я другого
Хозяина себе и не желаю.

Поспелов
(кланяясь)

Челом тебе! Откладывать не будешь?

Марфа Борисовна

Откладывать и торопить не буду,
Как хочешь сам.

Поспелов

Я мешкать не люблю.

Входит Татьяна Юрьевна.

Явление четвертое

[Марфа Борисовна, Поспелов и Татьяна Юрьевна.]

Татьяна Юрьевна

Да ты опять меня не обманул ли?

Поспелов
(показывая в окно)

А ты гляди!

Татьяна Юрьевна

Нефед бежит, Нефед!

Входит Нефед.

Явление пятое

[Те же и Нефед.]

Нефед
(кланяется в ноги матери)

Вернулись мы, родимая, здоровья
И радости тебе несем.

Татьяна Юрьевна

Сыночек!

А где же сам?

Нефед

На улице с народом.
Узнали все и обступили с криком.
Кто за руки берет, кто обнимает,
Ступить ему ни шагу не дают,
По старостам скорей гонцов послали,
Хотят его честь честью, с хлебом-солью,
У нашего крыльца встречать. Аксеныч
На старости торопится сюда ж.
Ты, матушка, всей радости не знаешь:
Наш новый царь — пошли ему здоровья,
И счастия, и радости Господь —
Пожаловал отца дворянством думным.

Татьяна Юрьевна

Кузьма Захарьич думный дворянин?

Нефед

Поместье дал ему: село большое,
К нему в придачу восемь деревень

И дом в Кремле, с избой приказной рядом.

Поспелов

Идут, идут!

Входит Аксенов с хлебом-солью, растворяет дверь и становится у порога — в сенях видна толпа народа. Показывается Минин.

Явление шестое

[Те же, Аксенов и Минин.]

Аксенов

Благословенно буди
Пришествие твое, спаситель Руси!
Ты нам родной, тебя вспоила Волга,
Взрастил, взлелеял православный мир,
Ты честь и слава русского народа.
Потоль велика русская земля,
Поколь тебя и чтить и помнить будет.

Все кланяются. Татьяна Юрьевна бросается к нему.

Грех да беда на кого не живет

Драма в четырех действиях

Действие первое
Сцена первая

ЛИЦА:

Валентин Павлович Бабаев, помещик, молодой человек.

Карп, человек Бабаева.

Шишгалев, приказный.

Зайчиха (Прокофьевна), хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевым.

Лукерья Даниловна Жмигулина, девица пожилых лет, дочь отставного приказного.

Действие происходит в уездном городе. Комната, оклеенная дешевыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо, выходная, другая в соседнюю комнату; окна с ситцевыми занавесками.

Явление первое

Карп (развязывает чемодан), Зайчиха (смотрит в окно).

Зайчиха. Ты погляди-ка, милый человек, сколько народу сошлось.

Карп. Что им надо? Чего они не видали?

Зайчиха. Всякому, милый, знать хочется, кто такой приехал.

Карп. Сказано про вас, что провинция, так она провинция и есть. Ну, скажи им, что Бабаев, Валентин Павлович, помещик.

Зайчиха *(в окно).* Бабаев, помещик. *(Карпу.)* Спрашивают, зачем?

Карп. Известно, за делом. А ты думаешь, гулять мы к вам приехали. Как же, есть оказия!

Зайчиха *(в окно).* За делом. *(Карпу.)* Надолго ли?

Карп. Нам здесь не детей крестить. Само собою, дня на два, не больше.

Зайчиха *(в окно).* На два дня. *(Отходит от окна.)* Теперь всех ублаготворила. Минут через пять весь город знать будет.

Карп. А у тебя, тетенька, квартира-то ничего, чистенька.

Зайчиха. Чистенька, батюшка, чистенька; затеев больших нет, а чистенька. Конечно, приезд в наш город небольшой…

Карп. Не на трахте.

Зайчиха. Какой тут трахт! А все-таки, кто наедет получше-то, у меня останавливаются. Помещиков много знакомых по окрестности, привыкли ко мне; в гостиницу-то мало кто заезжает.

Карп. Потому беспокойно.

Зайчиха. Какой покой! Внизу трактир: в базарный день содом просто. А что я у тебя спрошу: не сынок ли твой барин-то покойной енаральше Бабаевой, Софье Павловне?

Карп. Он самый и есть.

Зайчиха. У них усадьба-то Заветным прозывается?

Карп. Заветным.

Зайчиха. Ну, так, так! Я его давеча признала. Еще маленького видала: с маменькой в город ездил, и ко мне заезжали. В деревне, что ль, живете?

Карп. Нет, мы больше в Петербурге; а теперь в деревню на лето для благоустройства приехали.

Зайчиха. Так, так. А что, хорош он для людей-то?

Карп. Ничего, хорош.

Зайчиха. Ну, слава тебе господи! Дай ему бог здоровья! В город-то вы по какому делу?

Карп. Да по этим по судам все. Дело-то грошовое, там свидетельство, что ли, какое, а пожалуй, протомят дней пять.

Зайчиха. Что мудреного! У судей-то были?

Карп. У всех были. Теперича нам из суда приказного прислали.

Зайчиха. Вам, не то что нам, скоро сделают. Коли тебе понадобится что, стукни в стену — я тут и буду. *(Уходит.)*

Из боковой двери выходят Бабаев и Шишгалев.

Явление второе

Бабаев, Шишгалев и Карп.

Бабаев. Так вы, милый, говорите, что решительно нельзя?

Шишгалев *(с поклонами, беспрестанно сморкаясь и прикрывая рот рукою).* Уж поверьте, сударь, что ежели бы только было возможно, мы бы уж для вас…

Бабаев. А может быть?

Шишгалев. Извольте, сударь, сами рассудить: теперь присутствие кончилось, членов собрать теперича никакой возможности нет-с; завтра праздник — табель, тут суббота, а там воскресенье.

Бабаев. Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной делаете.

Шишгалев. Чем же я причинен-с? Я человек самый маленький.

Бабаев. Но что же я, мой милый, здесь буду делать четыре дня? Ведь это ужасно!

Шишгалев. Извольте, сударь, полюбопытство-

вать, наш город посмотреть.

Карп. А что его смотреть-то! Что за невидаль такая! Ты как скажешь: Петербург-то хуже вашего города аль нет?

Бабаев. Есть у вас какое-нибудь общество?

Шишгалев. Что вы изволите говорить-с?

Бабаев. Я говорю: нет ли общества, какого-нибудь клуба, гулянья с музыкой, вечеров у кого-нибудь?

Шишгалев. Никак нет-с.

Бабаев. А где же ваши члены, ну и прочие чиновники время проводят?

Шишгалев. Промежду себя-с.

Бабаев. Как же так, промежду себя?

Шишгалев. Поденно-с. Дни назначены: нынче, например, у городничего, завтра у судьи-с, послезавтра у стряпчего, потом у откупщика, у инвалидного начальника-с: так вся неделя-с.

Бабаев. С которого часу сбираются?

Шишгалев. С шести часов-с.

Бабаев. Что же они там делают?

Шишгалев. В преферанс играют-с.

Бабаев. А еще что? Неужели только в преферанс?

Шишгалев. Так точно-с, только в преферанс. Ну обыкновенно, уж тут вместе со столами и водка

ставится, закуска-с — все как должно. Играют и закусывают, так время и проводят-с.

Бабаев. Так с шести часов все и пьют?

Шишгалев. Нет, как можно-с! Только кто сдает-с, или с ремизу-с другой.

Бабаев. Ну, так, стало быть, мой милый, делать нечего, приходится дожидаться.

Шишгалев. Уж подождите, сударь. А в понедельник в суд пожалуйте, мы вам и выдадим без всякой задержки-с.

Бабаев. Ну, хорошо, я в понедельник приеду в суд. Ведь вы будете писать, так я вам там… что следует… Я не люблю, чтоб для меня даром работали.

Шишгалев. Семейство большое, сударь…

Бабаев. Что такое?

Шишгалев. Теперь соблаговолили бы что-нибудь!..

Бабаев. Да я, право, не знаю, как же это? Сколько же вам?

Карп. Да дайте ему, сударь, целковый, вот и будет с него.

Бабаев *(отдает деньги)*. Вот извольте… Мне, право, совестно.

Шишгалев *(кладет в карман).* Ничего-с. Чувствительнейше вас благодарю, желаю вам

всякого благополучия. *(Уходит.)*

Явление третье

Бабаев и Карп.

Бабаев. Как ты груб, Карп!

Карп. Да если с ними, сударь, нежности-то разводить, так они и повадятся таскаться сюда да на судьбу свою плакаться. На них никаких денег не напасешься. Народ без креста.

Бабаев. Однако что же я буду делать! Погулять бы пошел, да еще жарко. Карп, что делать?

Карп. Вот что: сосните, сударь! С дороги-то хорошо.

Бабаев. А ночью-то что делать?

Карп. Да и ночью то же. От тоски-то, говорят, спится.

Бабаев. Эка глупость, книг мы не взяли! Хоть бы легонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то. *(Уходит в боковую дверь.)*

Карп. Ишь ты, что выдумал! Интрижка! Повадился больно! Все у него интрижки на уме! Балованный был сынок у маменьки! И воспитывался-то все с барышнями да в девичьей, вот его теперь и тянет. Живу я теперича с ним в Петербурге, каких только я делов навиделся! Грех один! Уснул, что ли, он там? И я б отдохнул. *(Хочет*

ложиться, дверь отворяется.) Кого это еще?..

Входит Жмигулина.

Явление четвертое

Карп и Жмигулина.

Карп. Вам чего?

Жмигулина. Валентина Павлыча.

Карп. На что он вам?

Жмигулина. Коль скоро я его желаю видеть, это означает, что он мне нужен.

Карп. Вы на бедность, что ли?

Жмигулина. Какое невежество! Разве ты не знаешь, что жмигулинские барышни завсегда при ихней мамаше у них в доме были приняты. Мы даже оченно близко знакомы с Валентином Павлычем.

Карп. Вы-то близко? Сумнительно мне это.

Жмигулина. Ты, может быть, принимаешь мои слова в каком-нибудь глупом смысле, который я совсем не понимаю. *(Садится.)* Твоя такая обязанность, что ты сейчас должен пойти и доложить обо мне.

Карп. Вот что я вам скажу: он теперича почивает.

Жмигулина. Невозможно этому быть, потому что я сейчас его видела в окно.

Карп. Ну, уж, видно, нечего с вами делать. Доложу пойду. *(Уходит.)*

Жмигулина. По нынешнему времени от этих новых перемен очень много люди стали портиться. Он должен прежде узнать, какого я звания, так со мной и обращаться. И опять же не его дело, — на бедность я пришла просить или нет! Конечно, из нашего звания многие этим занимаются, но не все же. Может быть, и Валентин Павлыч стал довольно горд в Петербурге и не захочет меня видеть! А мне ужасть как хочется доказать в здешнем городе, какое мы знакомство имеем. Кажется, он прежде нами не гнушался, особенно сестрой Таней.

Входит Бабаев.

Явление пятое

Бабаев и Жмигулина.

Бабаев. С кем имею удовольствие говорить?

Жмигулина. Я никак не могла ожидать, Валентин Павлыч, что вы так скоро забудете своих старых знакомых.

Бабаев. Садитесь, сделайте одолжение.

Садятся.

Я, право, что-то не припомню.

Жмигулина. Конечно, в нынешнем свете чувст-

вы не в моде, нынче все больше политика, но мы, как люди не столичные, очень хорошо помним прежние знакомства и особенно благодеяния.

Бабаев. Я с вами согласен, — благодеяний никогда забывать не следует.

Жмигулина. Мы вашей мамаше столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько они сделали для семейства Жмигулиных!

Бабаев. Жмигулиных?

Жмигулина. Особенно для нас с сестрой Таней.

Бабаев *(припоминая).* Таней… Татьяна Даниловна?

Жмигулина. Теперь вспомнили?

Бабаев. Так вы ее сестрица?

Жмигулина. Лукерья Даниловна Жмигулина.

Бабаев. Извините, сделайте одолжение!

Жмигулина. Я нисколько не могу быть в претензии на вас, что вы больше помните сестру, чем меня. Она такая красавица, что ее даже невозможно забыть.

Бабаев. Да, да! Удивительной красоты девушка! Мы были с нею большими приятелями.

Жмигулина. Мне это очень хорошо известно. Кому же и знать, как не мне! Я старшая сестра, должна наблюдать за младшей.

Бабаев. Да, да, конечно. Скажите, пожалуйста, где она теперь? Что поделывает?

Жмигулина. Она здесь в городе, замужем.

Бабаев. Замужем? Хорошо живет?

Жмигулина. Какая жизнь, помилуйте! В бедности, между такого народа, который без понятия. Это не то, что, бывало, у вашей мамаши в Заветном! Просто был рай земной! Ваша мамаша были самая добрейшая дама и любили, чтоб у них было всем весело. Барышень всегда было в доме много, а также и кавалеров; с утра до ночи разные игры были. Даже горничных, бывало, заставляли с нами в горелки и в другие игры играть, а сами смотрят на нас да радуются.

Бабаев. Ну да как же, как же! Ведь это так недавно было: года три, не больше, как я уехал в Петербург.

Жмигулина. Я очень хорошо помню: с пестрой недели третий год пошел, как вы уехали. Ваша мамаша, бывало, даже не любили, когда кто задумается или книжку читает. Что, говорят, ты тоску-то нагоняешь! Ну и бесились все до упаду. А промежду этим весельем, у кого замечательный глаз, мог многое кой-что заметить.

Бабаев. Очень естественно. Мужчины, девушки, молодые дамы постоянно вместе, — нельзя

же, чтоб обошлось без любви.

Жмигулина. Особенно вы отличались по этой части. А последнее время все с Таней да с Таней, так и не отходили от нее. Так вас голубками и звали.

Бабаев. Сердце не камень, Лукерья Даниловна! А сами-то вы! Помните землемера?

Жмигулина. Об нем и вспоминать не стоит: он впоследствии даже очень низким оказался против меня. Впрочем, судьба его наказала за все невежества относительно благородной девицы; он сам теперь находится под судом за буйственные в нетрезвом виде поступки.

Бабаев. Скажите мне, сделайте одолжение, каким образом ваша сестрица вышла замуж?

Жмигулина. Прошлым летом, когда ваша мамаша скончалась, у нас решительно не осталось никаких благодетелей. Папенька наш при своей старости был человек в городе незначительный, робкий, оттого что мало чинов произошел. Папенька наш был канцелярист и получал жалованья тридцать рублей в год. На эти деньги как мы могли жить? Мы все-таки видели свет. Прежде мы почти не жили дома, да и ваша мамаша нам во всем помогали. Тут вдруг все прекратилось, а вскоре и папенька умер. В это время посватался

за Таню… я просто даже стыжусь вам сказать.

Бабаев. Полноте, что за стыд!

Жмигулина. Вы так милостиво меня принимаете, интересуетесь моей сестрой, и вдруг этакое невежество с нашей стороны!

Бабаев. Что ж делать! Такие, вероятно, были обстоятельства. Чем же вы виноваты!

Жмигулина. Но, ах! я, право, всегда так конфужусь этого родства, что вы себе представить не можете. Ну, одним словом, обстоятельства наши были такие, что она принуждена была выйти за лавочника.

Бабаев. За лавочника? Чем он торгует?

Жмигулина. Овощным товаром. Вот и лавка видна. На вывеске написано: «Лев Краснов».

Бабаев. Да, я видел. Хороший человек?

Жмигулина. Он из ихнего круга очень хороший человек и очень любит сестру, только все, знаете, закоренелость какая-то в ихнем звании. Как хотите судите, а все-таки он от мужика недалеко ушел. А уж этой черты характера, хоть семь лет в котле вари, все не вываришь. Впрочем, надо правду сказать, он для дому хозяин отличный: ни дня ни ночи себе покою не знает, все хлопочет да бегает. И для сестры теперь все, что только бы ей ни пожелалось, даже последнюю копейку

готов отдать, только бы ей угодить, так что сестра решительно никакого дела не делает, живет как барыня; только одно — обращение его тяжело, да вот еще разговор его нас очень конфузит. Совсем, совсем не такого я Тане счастья ожидала. Судя по красоте ее да по тому, какие люди на нее заглядывались, ей бы в карете ездить. А теперь вот пришлось чуть не из-за куска клеба за мужика идти да перед людьми за него стыд терпеть.

Бабаев. Так Татьяна Даниловна замуж вышла… Жаль!

Жмигулина. Вам что же жалеть! Ведь она вам не пара.

Бабаев. Да, конечно. А все-таки, знаете, вот я здесь, в городе, по обстоятельствам должен пробыть четыре дня, а может быть и больше, — что я буду делать? Я очень рад, что вы меня навестили. Не будь вас, я бы не знал, куда деваться! Ну, а представьте, если бы ваша сестрица была девушка, мы бы так провели эти четыре дня, что совсем и времени б не заметили. *(Берет ее за руку.)* Не правда ли?

Жмигулина. Кто же вам теперь мешает?

Бабаев. Ну все-таки как-то неловко: она замужем, еще что муж подумает. Досадно, право.

Жмигулина. Скажите пожалуйста! Вы, кажет-

ся, были прежде совсем других правилов насчет этого. Не очень на мужей-то смотрели, что им нравится, что нет.

Бабаев. Да, но ведь то совсем в другом круге; там обращение гораздо свободнее.

Жмигулина. А вы почем же знаете, свободно сестре или не свободно?

Бабаев *(берет ее за обе руки).* Но во всяком случае я вам так рад, так благодарен, что вы доставляете развлечение в моей скуке. Не угодно ли вам чего? Сделайте милость, распоряжайтесь как дома; здесь всё к вашим услугам! Чаю не хотите ли?

Жмигулина. Много вам благодарна. Я сейчас только пила, и притом же я домой тороплюсь. Нам нужно с сестрой идти по одному делу. Прикажете поклониться от вас?

Бабаев. Сделайте одолжение!

Жмигулина *(идя к двери).* Что же вы нас с сестрой в гости не зовете?

Бабаев. Я был бы очень счастлив, только я, право, не знаю, как это сделать! А очень бы мне хотелось видеть Татьяну Даниловну.

Жмигулина. А коли хочется видеть, так за чем же дело стало? Она у нас не принцеса какая, не за десятью замками посажена. Ведь уж вы беспре-

менно куда-нибудь гулять пойдете, не будете в комнате сидеть?

Бабаев. Я бы пошел, да не знаю куда.

Жмигулина. Вам далеко незачем ходить! Пройдите в задние ворота на берег, сядьте на лавочку и любуйтесь на красоту природы. Это место тихое, уединенное, проходящих там мало; для мечтательных молодых людей очень приятная прогулка. Мы с сестрой пойдем этой дорогой, там вы ее и можете видеть. До свидания! *(Уходит.)*

Бабаев. Вот так сюрприз! Мог ли я ожидать такого счастия? Танечка, Танечка! Я опять ее увижу. Я с ума сойду от радости. Такая она была миленькая, нежненькая. Другие говорили, что она немножко простенькая. Разве это порок в женщинах? И притом красота, красота! Нет, этак, пожалуй, здесь не четыре дня, а четыре недели пробудешь. *(Уходит.)*

Сцена вторая

ЛИЦА:

Бабаев.

Жмигулина.

Татьяна Даниловна, замужняя сестра ее, по муже Краснова.

Архип, слепой старик, дед Краснова.

Афоня, болезненный мальчик, лет восьмнадцати, брат Краснова.

Берег; с одной стороны ворота и забор, с другой угол сарая; за рекой сельский вид; закат солнца.

Явление первое

Архип и Афоня (входят).

Афоня. Дедушка, отдохнем здесь немножко! Недужится мне. Садись вот на скамеечку!

Архип. Сядем, Афоня, сядем. Плохи мы с тобой; меня старость, а тебя хворость одолела.

Афоня. Я не хвораю, а я такой зародился. Я, дедушка, не жилец на белом свете.

Архип. Не слушай ты бабьего разговору! Никто не знает, какой ему предел положѐн.

Афоня. Что мне бабы! Я сам знаю, что я не жилец. Меня на еду не тянет. Другой, поработавши, сколько съест! Много, много съест, и все ему хочется. Вон брат Лёв, когда устанет, ему только подавай. А по мне хоть и вовсе не есть; ничего душа не принимает. Корочку погложу, и сыт.

Архип. Это к росту бывает.

Афоня. Нет, не к росту. Куда мне еще расти, с чего! Я и так велик по годам. А это значит: мне

не жить. Ты, дедушка, возьми то: живой человек о живом и думает, а у меня ни к чему охоты нет. Другой одёжу любит хорошую, а мне все одно, какой ни попадись зипунишко, было бы только тепло. Вот ребята теперь, так у всякого своя охота есть: кто рыбу ловит, кто что; в разные игры играют, песни поют, а меня ничто не манит. В те поры, когда людям весело, мне тошней бывает, меня тоска пуще за сердце сосет.

Архип. Так в тебя бог вложил. От младости ты не возлюбил мира сего суетного. У других малодушество-то с летами проходит, когда беды да напасти, Афоня, изомнут да в муку изотрут человека; а ты вот, не живя, еще ни горя, ни радости не видавши, как старик рассуждаешь. Ну и благодари бога, что он так умудрил тебя. Мир тебя не прельщает, соблазну ты не знаешь и греха, значит, на тебе меньше. Вот тебе какое счастье! А ты вот меня послушай! Я, Афоня, соблазн знал, да и не всегда от него отворачивался, а чаще того случалось, что своей охотой шел на соблазн. Тебе вот все равно, ты говоришь; для тебя никакой утехи на свете нет, а мне божий мир хорош и красен был: все тебя манило, все тебя прельщало. Несытое око да вольная воля велят тебе всю сладость мирскую изведать. А в миру-то, Афоня,

добро со злом рядом живет, об руку ходит. Ну и нагрешишь грехов-то больше песка морского. Хорошо вот бог привел до покаяния дожить, не во грехах застал. Каешься, сокрушаешься, на милосердие надеешься, а тебе не в чем будет каяться: ты у нас, Афоня, божий человек.

Афоня. Нет, дедушка, нет, не говори ты этого! Какой я божий человек! Я видал божьих людей: они добрые, зла не помнят; их бранят, дразнят, а они смеются. А я, дедушка, сердцем крут: вот как брат же; только брат отходчив, а я нет; я, дедушка, злой!

Архип. Да на кого тебе, дитятко, сердце иметь? Кто тебя обижает?

Афоня. Меня-то не обижают, а у меня за всех сердце болит: за тебя, за брата, за всех.

Архип. Что ж тебе об нас болезновать! Мы, кажись, живем безобидно.

Афоня. Мы и жили безобидно, пока брат холостой был. Дедушка, за что брат так очень жену любит?

Архип. Как же ему не любить ее? Зачем же он и женился? Ты бы радоваться должен, что брат жену любит. Экой ты глупый человек!

Афоня. Нет, я дело говорю. Прежде меня брат больше любил и тебя больше любил.

Архип. Ты, стало быть, ненавистник! Стало быть, ты завидуешь.

Афоня. Нет, не завидую. Брат нешто слеп? Так ли она его любит, как он ее? Стоит ли она его? Зачем же он перед ними рабствует? Мне обидно, что он рабствует. Хуже, что ли, он их с сестрой? Жену-то в дом приводят работницу, а она сидит сложа руки. Брат один работает да ухаживает за ними. Мне его жаль.

Архип. Тебе что за дело? Его охота. Он работает, тебя не заставляет. Мы с тобой сыты по его ж милости.

Афоня. Нешто я не знаю. Ты мне, дедушка, вот что скажи: лучше они брата или нет?

Архип. Лучше не лучше, а они другого роду!

Афоня. Так что ж что другого роду! Стало быть, брат должен работать на них, кормить их, одевать, а они будут важничать. Лучше брата на свете человека нет, а его сделали работником.

Архип. Почем ты знаешь; может, брат сам не хочет, чтоб она работала.

Афоня. А коль не работает, так и не величайся! Вышла замуж за мещанина — такая же мещанка стала, как и мы. Что ж, мы проклятые, что ли, какие, прости господи! У нас тоже и общество есть, и подати платим, и повинности всякие

несем. Брат потом да горбом деньги-то достает да в общество несет. Сидела бы дома в девках, да и барствовала, а вышла замуж, так знай, что один в доме большой — хозяин. Я ведь, дедушка, все вижу, все слышу; меня они, бесстыжие, не берегутся. Брат ей платки да платья шелковые дарит, а они с сестрой промеж себя смеются, дураком его называют. Я все слышу, все горько мне, дедушка, горько! Стал я брату говорить, он меня же изругал.

Молчание.

Вот я, дедушка, никак уснуть не могу; что я днем-то вижу, все это мне и лезет в глаза, засосет у меня сердце, и всю-то ночь я плачу. Какой я жилец! Мне теперь с здоровьем-то и поправиться нельзя. Уж очень у меня сердце горячо! Скорей бы меня бог прибрал, чтобы мне меньше мучиться.

Архип. Полно грешить-то! Тебе жить да жить! Мне вот, Афоня, уж вовсе жить незачем, а я все живу. Бог-то знает, что делает. Что я за человек стал! Красного солнышка, ясного месяца я не вижу, зеленых лугов тоже, студеной водицы и всей твари божьей тоже не увижу никогда. А больней мне всего, что не вижу я светлого лица человеческого.

Афоня. Тебе, дедушка, жаль, что ты не видишь

ничего; а мне так надоело это все; не мило мне ничто.

Архип. Оттого тебе и не мило, что ты сердцем непокоен. А ты гляди чаще да больше на божий мир, а на людей-то меньше смотри; вот тебя на сердце и легче станет. И ночи будешь спать, и сны тебе хорошие будут сниться. Где мы теперь сидим, Афоня?

Афоня. На берегу, дедушка, подле Зайчихи.

Архип. А мост у нас направо?

Афоня. Направо, дедушка.

Архип. А солнышко теперь налево?

Афоня. Налево, дедушка; совсем садится.

Архип. В тучку?

Афоня. Нет, чисто. Заря таково ярко горит, должно к вёдру.

Архип. То-то, то-то, я сам чую, воздух такой легкий, ветерок свеженький; так бы и не ушел. Красен, Афоня, красен божий мир! Вот теперь роса будет падать, от всякого цвету дух пойдет; а там и звездочки зажгутся; а над звездами, Афоня, наш творец милосердный. Кабы мы получше помнили, что он милосерд, сами были бы милосерднее!

Афоня. Я, дедушка, буду стараться укротить свое сердце.

Входит Бабаев.

Пойдем, дедушка! Какой-то чужой барин тут ходит; еще, пожалуй, станет смеяться над нашими речами.

Архип *(встает и идет за Афоней).* Величит душа моя господа.

Уходят.

Явление второе

Бабаев (один).

Бабаев. Когда ждешь чего-нибудь приятного, как время долго тянется! Нарочно сделал большой обход, чтобы не рано прийти сюда, а все-таки пришел прежде них. Ужасно не люблю дожидаться! Что за глупое положение! А женщины вообще любят помучить — это в их характере; им очень нравится, когда их ждут. Конечно, это к Тане не относится: она, я думаю, рада-радехонька, что я приехал; я говорю про женщин нам равных. Я думаю, они мучат для того… как бы это сказать… а мысль совершенно оригинальная… для того, чтобы вперед вознаградить себя за те права, которые они потом теряют. Вот что значит быть среди хорошего ландшафта, так сказать наедине с природой! Какие прекрасные мысли приходят в голову! Если эту мысль развить, конечно на досуге, в деревне, может выйти миленькая повесть

или даже комедия вроде Альфред Мюссе. Только ведь у нас не сыграют. Такие вещи нужно играть тонко, очень тонко; тут главное — букет. Кажется, кто-то идет. Не они ли? Как-то мы встретимся? Два года разлуки много значит.

Входят Краснова и Жмигулина.

Явление третье

Бабаев, Краснова и Жмигулина.

Краснова *(подавая руку Бабаеву).* Здравствуйте, Валентин Павлыч! Я так обрадовалась, когда сестра мне сказала, что вы приехали.

Бабаев. Значит, вы меня еще не забыли?

Краснова. Еще бы! Мы очень часто, даже очень часто с сестрой вспоминаем про вас. А вы так нас забыли, она мне сказывала.

Бабаев. Ну, нет, я вас не забыл. Есть отношения, душенька Татьяна Даниловна, которые не скоро забываются. Наше знакомство с вами было в этом роде. Не правда ли?

Краснова *(потупясь).* Да-с.

Бабаев. Уверяю вас, что, как только вырвался из Петербурга в деревню, я постоянно искал случая побывать в городе и непременно найти вас.

Жмигулина. И до сих пор не находили такого случая? Скажите пожалуйста!

Бабаев. Уверяю вас.

Жмигулина. Так вам и поверили! Ты, Таня, не верь кавалерам, они завсегда обманывают.

Бабаев. Вы-то за что на меня?

Жмигулина. Это не к одним вам, а и ко всем прочим кавалерам относится.

Краснова. Вы долго здесь пробудете?

Бабаев. Долго ли пробуду-то? Я сначала думал, что это будет зависеть от приказных, у которых мое дело; а теперь вижу, что это зависит от вас, душа моя Татьяна Даниловна.

Краснова. Уж это слишком много чести для меня. Нет, в самом деле, денька три-четыре пробудете?

Бабаев. Дело мое обещали кончить через три дня; но я, пожалуй, остался бы и еще дня на три или четыре, если вы этого хотите.

Краснова. Разумеется, хочу.

Бабаев. Только вот что, душенька Татьяна Даниловна! У вас в городе тоска страшная. Я останусь, но с тем условием, чтобы видеться с вами как можно чаще.

Краснова. Что ж, это очень просто. Приходите к нам. Вот завтра чай кушать милости просим!

Бабаев. Да, но ведь к вам часто нельзя же, пойдут сплетни да разговоры, и притом же ваш

муж…

Краснова. Какое же ему дело? Вы мой знакомый, вы ко мне придете, а не к нему.

Жмигулина. Потом мы с своей стороны тоже учтивость соблюдем, отплатим вам визит. И, между прочим, мы часто бываем у хозяйки вашей; следовательно, если наше свидание для вас интересно, вы можете туда приходить.

Бабаев *(отходит с Красновой в сторону).* Вы не скучаете замужем?

Краснова *(помолчав).* Не знаю, как вам сказать.

Бабаев. Вы, душенька Татьяна Даниловна, будьте откровенны! Вы знаете, как мы были всегда расположены к вам.

Краснова. Для чего же мне быть с вами откровенной? Какая может быть из этого польза? Ведь уж теперь поправить нельзя.

Бабаев. Если нельзя совсем поправить, так можно, душенька Татьяна Даниловна, хоть на время усладить свое существование, чтобы не совсем заглохнуть в этой пошлой жизни.

Краснова. На время! А потом еще тяжеле будет.

Бабаев. Знаете что? Я хочу совсем переехать в деревню; тогда мы будем жить недалеко друг

от друга. Я готов даже в город переехать, только бы вы…

Краснова *(отворачиваясь).* Не говорите мне, пожалуйста, таких слов! Я даже, Валентин Павлыч, никак не ожидала этого слышать от вас.

Жмигулина *(Бабаеву).* Вы там что-то уж очень! Я ведь все слышу.

Бабаев. Лукерья Даниловна, кажется, кто-то идет. Сделайте одолжение, посмотрите там на берегу: мне не хотелось бы, чтобы нас здесь видели вместе.

Жмигулина. Ох вы! Тонкий кавалер! *(Отходит.)*

Краснова. Так вы, Валентин Павлыч, придете к нам завтра чай кушать?

Бабаев. Право, не знаю, может быть.

Краснова. Нет, непременно приходите!

Молчание.

Ну, как же мне вас просить? *(Берет Бабаева за руку.)* Ну, голубчик! Ну, ангельчик!

Бабаев. Однако вы, Татьяна Даниловна, переменились.

Краснова. Я переменилась? Ей-богу, нет! Нисколько. Что вы меня обижаете!

Бабаев. Помните, в Заветном, Татьяна Даниловна?

Краснова. Что же такое? Я все помню.

Бабаев. Помните сад? Помните липовую аллею? Помните, как мы после ужина, когда маменька уснет, на террасе сиживали? А помните тоненькую ленточку?

Краснова *(тихо).* Какую?

Бабаев. Которой вы мне руки связывали.

Краснова *(конфузясь).* Ну, что ж из этого? Ну, я все помню, все.

Бабаев. А то же, что вы, душа моя, теперь совсем не то, что прежде: вы так холодно меня встретили.

Краснова. Ах, Валентин Павлыч! Я тогда была девушка, могла любить кого хочу, а теперь я замужем. Вы только подумайте.

Бабаев. Ну да, конечно. Но все-таки я не могу никак представить себе, чтобы ты принадлежала другому. Я, ну вот что хочешь со мной делай, едва удерживаюсь, чтоб не назвать тебя по-прежнему Таней.

Краснова. Зачем же удерживаться? Называйте!

Бабаев. Да что ж толку, душа моя! Ведь уж вы меня не любите!

Краснова. Да кто это вам сказал! Я вас люблю точно так же, да еще и больше прежнего.

Бабаев *(нагибаясь к ней).* Неужели, Танечка, это правда?

Краснова *(целует его).* Ну вот вам в доказательство! Теперь вы мне верите? Только, голубчик Валентин Павлыч, если вы не хотите моего несчастия на всю мою жизнь, чтобы нам так и любить друг друга, как мы теперь любим, чтоб вы ничего больше и не думали. А то лучше бог с вами, от греха подальше.

Бабаев. Да уж будь покойна, душенька, будь покойна!

Краснова. Нет, вы побожитесь! Да хорошенько побожитесь, чтоб уж я вас не боялась.

Бабаев. Какая ты глупенькая!

Краснова. Ну да, глупенькая, как бы не так! Если послушать, что старые-то люди говорят, так я и то грех большой делаю. По старому-то закону я, кроме мужа, не должна никого любить. Только что, так как я его любить не могу, а вас и допрежде того любила, и сердца мне своего не преодолеть, так уж я… Только сохрани вас господи!.. и уж я ни под каким видом… потому что я хочу в законе жить.

Бабаев. Да успокойся!

Краснова. Так-то, милый Валентин Павлыч. Значит, между нами будет теперь самая прият-

ная любовь: ни от бога не грех, ни от людей не стыдно.

Бабаев. Да, да, уж чего ж лучше!

Краснова. Вот я вас поцелую за это, что вы такой умный! *(Целует его.)* Ну, так вы придете к нам завтра, этак в вечерни?

Бабаев. А потом ты ко мне?

Краснова. Непременно приходите! А потом мы к вам; уж я теперь вас не боюсь.

Бабаев. Какая ты красавица! Ты еще лучше стала, чем прежде.

Краснова. Ну, это пущай так при мне и останется! Прощайте! Луша, пойдем!

Жмигулина *(подходя).* До свидания! Покойной ночи, приятного сна! Розы рвать, жасмины поливать! *(Уходя.)* Только какой вы! Ой, ой, ой! Ну уж молодец, нечего сказать! Я только смотрела да удивлялась.

Уходят.

Бабаев. Ну, роман начинается, какова-то будет развязка!

Действие второе
Сцена первая

ЛИЦА:

Лев Родионыч Краснов, лавочник, лет тридцати.

Краснова.

Жмигулина.

Архип.

Афоня.

Бабаев.

Мануйло Калиныч Курицын, мучник, лет сорока пяти.

Ульяна Родионовна Курицына, жена его, сестра Краснова.

Комната в доме Краснова: прямо дверь в сени; направо кровать с ситцевым пологом и окно, налево лежанка и дверь в кухню; на авансцене простой дощатый стол и несколько стульев; у задней стены и у окна скамьи, у левой стены шкаф с чашками, маленькое зеркало и стенные часы.

Явление первое

Краснова (перед зеркалом надевает платок), Афоня (лежит на лежанке), Жмигулина (входит с цветною салфеткой).

Жмигулина. Вот, Таня, я у соседей салфетку достала стол-то покрыть, а то наша-то уж больно плоха. *(Стелет салфетку на стол.)*

Краснова. Самовар-то поставлен?

Жмигулина. Уж давно поставлен, скоро закипит. Ну вот видишь, как я говорила, так и выходит: этот платок к тебе гораздо лучше идет. Только зачем ты его заколола булавкой? *(Поправляет.)* Вот так будет вантажнее.

Афоня. Куда рядишься? Что перед зеркалом-то пялишься?

Краснова. Никуда, мы дома будем.

Жмигулина. Да тебе что за печаль? Что ж, по-твоему, чумичкой ходить, как ты?

Афоня. Да для кого рядиться-то? Для мужа, что ль? Так он и без нарядов твоих любит тебя больше того, чем ты стоишь. Аль для кого другого?

Жмигулина. Ишь ты! Дурак-дурак, а понял, что для кого-нибудь рядятся.

Краснова. Что мне для мужа рядиться! Он меня и так знает. Коли я ряжусь, так, значит, для

чужого.

Афоня. Перед кем дьяволить хочешь? Кого прельщать? Аль в тебе совести нет?

Жмигулина. Ну, да что с дураком толковать! Ему только и дела, что молоть. Лежит на печке да придумывает.

Краснова. Что ты, в самом деле, за указчик! Муж мне ничего не говорит, а ты рассуждать смеешь!

Афоня. Да он ослеп от вас, ослеп. Испортили вы его зельем каким-нибудь.

Жмигулина. Молчи уж, коли бог убил! Знай свое дело: кашляй век, греха в том нет.

Афоня. Дурак брат, дурак! Загубил он свою голову.

Жмигулина. Таня, не внести ли самовар-то?

Краснова. Неси! А я чашки расставлю. *(Ставит чашки. Жмигулина уходит.)* Шел бы ты в кухню.

Афоня. Мне и здесь хорошо.

Краснова. Чужие люди придут, а ты тут тоску наводишь.

Афоня. Не пойду я.

Краснова. Вот правда пословица-то: «С дураком пива не сваришь». Ведь к нам не ваш брат лавочник какой-нибудь придет! Барин придет, слышишь ты. Что ты ломаешься-то!

Афоня. Какой барин? Зачем?

Краснова. Такой же барин, как и все господа бывают. Наш знакомый, помещик богатый; ну и ступай вон!

Афоня. Он там у себя барин, а я здесь у себя барин. Не я к нему иду, он ко мне идет. Я у себя дома, я больной человек, никого не уважу. Ты для него, что ли, разрядилась-то?

Краснова. Мое дело, не твое.

Жмигулина вносит самовар.

Жмигулина *(ставит самовар на стол).* Лёв Родионыч идет с кем-то.

Краснова. Ну как из родных кто, вот наказание-то!

Афоня. Наказанье! А вы зачем в нашу родню влезли?

Входят Краснов, Курицын и Курицына.

Явление второе

Краснов, Краснова, Жмигулина, Афоня, Курицын и Курицына.

Краснов *(жене).* Здравствуйте-с! *(Целуются.)*

Краснова. Вот нежности!

Краснов. Ничего-с. Дело законное-с! Извольте гостинцу-с! Винных ягодок свежих получили-с. *(Подает сверток.)* Вот я вам гостей привёл. Само-

вар-то уж готов у вас, вот и кстати-с.

Курицына. Здравствуйте, сестрица! Вы такая гордая, никогда к нам не зайдете! А мы по простоте живем, взяли да и пришли с Мануйлом Калинычем непрошеные.

Курицын. Здравствуй, сестра! Что взаправду родней-то гнушаешься! Забежала бы когда, чай, ноги-то не отсохли!

Краснов. Ну когда им по гостям ходить! Им только бы дома-то управиться! К хозяйству начинают привыкать.

Курицына. Надо, сестрица, привыкать, надо. Такая наша женская обязанность! Не за мильонщиком вы замужем-то, нечего барствовать!

Курицын. А ты приучай, да хорошенько!

Курицына *(подходя к Афоне).* А ты, Афоня, все хвораешь? Ты бы чем полечился!

Курицын *(тоже подходя к Афоне).* А ты ешь больше, вот и хворь пройдет. Не хочется, так насильно ешь! Да, я тебе говорю! *(Разговаривает с Афоний тихо.)*

Краснова *(мужу).* Что вы наделали! Каких вы гостей навели!

Жмигулина. Ну уж, признаться, зарезали вы нас. Такой конфуз, такой конфуз!

Краснов. Какой конфуз? что барин-то придет-с?

Так что ж за беда! Не велика важность! Пущай посмотрит, какая родня у вас.

Жмигулина. Очень ему интересно!

Краснов. Не гнать же мне сестру для него! Стало быть, и разговору нет. Я его еще и в глаза не видал, какой он такой; а это по крайней мере родня. А впрочем, наши недолго засидятся. *(Жене.)* Садитесь, наливайте чай! Братец, сестрица, пожалуйте! По чашечке-с!

Все, исключая Афони, садятся у стола.

Курицын. Дело, брат, праздничное, так оно перед чайком-то бы того… по малости. Аль сам-то не пьешь?

Краснов. Женимшись на Татьяне Даниловне, я с самого того дня все это в пренебрежении оставил-с. Татьяна Даниловна, попотчуйте братца с сестрицей водкой!

Краснова *(достает из шкафа и ставит на стол графин, рюмку и закуску).* Пожалуйте, сестрица!

Курицына пьет.

Пожалуйте, братец!

Курицын. Не так просишь, порядку не знаешь.

Краснов. Вы, братец, не ломайтесь! Моя супруга ваших обыкновениев не знают, да и знать им не для чего. Пожалуйте, без церемонии.

Курицын *(выпив).* Балуешь ты свою жену, вот

что я тебе скажу! Да, воля и добрую жену портит. А ты бы с меня пример брал, учил бы ты ее уму-разуму, так лучше бы дело-то, прочней было. Спроси вот, как я твою сестру школил, небу жарко было.

Курицына. Да уж вы, Мануйло Калиныч, известный варвар, кровопивец! Вам только бы над женой ломаться да власть показывать, в том вся ваша жизнь проходит.

Курицын. Какие это такие слова? Кто это их здесь говорит? Где это говорят? *(Оглядываясь.)* Нет ли тут кого чужого, постороннего? Словно как свои-то у меня не смеют так разговаривать!

Курицына *(спохватясь).* Это я так к слову только, Мануйло Калиныч! А что, конечно, сестрица, с нашей сестрой без острастки нельзя. Недаром говорится: жену бей, так щи вкусней.

Краснова. Как кому нравится, кто что любит! Вам, сестрица, нравится такое обращение, а я считаю за невежество.

Жмигулина. Нынче уж мужицкое-то обращение везде бросают, выходить стало из моды.

Курицын. Ну уж это ты врешь! Никогда эта самая наука, которая над бабами, из моды не выдет, потому без нее нельзя. Брат, слушай, я до чего Ульяну доводил, до какой точки. Бывало, у нас промеж себя, промеж знакомых или

сродственников за спором дело станет, чья жена обходительнее. Я всех к себе на дом веду, сяду на лавку, вот так-то ногу выставлю и сейчас говорю жене: «Чего моя нога хочет?» А она понимает, потому обучена этому, ну и, значит, сейчас в ноги мне.

Курицына. Что ж, это точно, это бывало. Я при всех без стыда скажу.

Краснов. Ничего в этом нет хорошего, один кураж.

Курицын. Эх, брат! Бей шубу, будет теплее, а жену — будет умнее.

Краснова. Не всякая жена позволит себя бить, а которая позволяет, так она, значит, больше того и не стоит.

Курицына. Что ж это вы, сестрица, вдруг так заважничали! Хуже, что ли, я вас? Ты, матушка, погоди больно возноситься-то! Можно тебе крылья-то и сшибить.

Краснов. Можно, да осторожно.

Курицына. Да ты-то что! Взял голь, да и важничает. Али ты воображаешь, что на значительной помещице женился?

Краснов. Что я воображаю — это мое дело, и не с твоим разумом его понимать. Значит, надо тебе молчать.

Жмигулина. Вот так занятный разговор, есть что послушать!

Курицына. Кажется, не из барского роду взята, а из приказного. Не велика дворянка. Козел да приказный — бесова родня.

Краснов. Я тебе сказал: молчи! Не десять раз говорить, сразу должна понимать!

Курицын. Не трожь, пущай их! Я люблю, когда бабы браниться свяжутся.

Краснов. Да я-то не люблю.

Курицына. Мало ль ты чего не любишь, так по тебе и угождать! Ишь ты какой грозный! Ты на жену кричи, а на меня нечего: я тебе не подначальная. У меня свой муженек хорош, есть кому командовать-то и без тебя. Не я виновата, что твоя жена по пустырям да по заулкам шляется да с молодыми господами по целым часам балясы точит.

Краснов *(вскочив).* Что-с!

Краснова. Никаких я пустырей, никаких переулков не знаю; а что встретилась я с Валентином Павлычем на берегу, так это я вам, Лёв Родионыч, сказывала, и даже все, что мы говорили.

Жмигулина. Да ведь и я тут сопутствовала.

Курицына. Да ты такая же.

Краснов. Ну не змея ли ты теперича подко-

лодная! а еще сестра называешься. Чего тебе хочется? меня с женой расстроить? Ненавистно тебе, что я ее люблю? Так знай ты завсегда, что я ее ни на кого не променяю. Я тридцать лет для семьи бобылем жил, до кровавого поту работал, да тогда только жениться-то задумал, когда весь дом устроил. Я тридцать лет себе никакой радости не знал! Следственно, я должен быть им, супруге моей, благодарен, что они, при всей своей красоте и образовании, полюбили меня, мужика. Допреж того я на вас был работник, а теперь на них вечный работник. Околею на работе, а для них всякое удовольствие сделаю. Я должен у них ножки целовать, потому что я оченно хорошо понимаю, что я и со всем-то домом против одного ихнего мизинца не гожусь. Так после этого нешто я дам их в обиду! Я уважаю — и все уважай!

Жмигулина. Сестрица и сама понимает, что она всякого уважения стоит.

Краснов. Ты какое слово сказала-то! Коли поверить тебе, что ж тогда делать? Ну, скажи! Одна у меня радость, одно утешение, и я его должен решиться. Легко это, а? легко? Я не каменный какой, чтоб на такие женины дела сквозь пальцы смотреть! Меня слово-то твое дурацкое только за ухо задело, и то во мне все сердце перевернулось.

А поверь я тебе, так ведь, чего боже сохрани, долго ли до греха-то! За себя поручиться нельзя: каков час выдет. Пожалуй, дьявол под руку-то толкнет. Господи, оборони нас! Нешто этим шутят! Уж коли ты хотела обидеть меня, взяла бы ты ножик да пнула мне в бок, легче бы мне было. После таких слов мне лучше тебя, разлучницу, весь век не видать; я лучше от всей родни откажусь, чем ваше ехидство переносить.

Курицына. Не я разлучница-то, она родню-то разлучает.

Курицын. Что, брат! Видно, женина родня — так отворяй ворота, а мужнина родня — так запирай ворота! Приходи к нам, и мы так-то угостить сумеем. Пойдем, жена, дома лучше!

Курицына. Ну, прощай, сестрица, да помни! И ты, братец, подожди, как-нибудь сочтемся.

Уходят.

Явление третье

Краснов, Краснова, Жмигулина и Афоня.

Краснов *(подходя к жене).* Татьяна Даниловна, вы не возьмите себе этого в обиду, потому необломанный народ.

Краснова. Вот она ваша родня-то! Я не в пример лучше в девушках жила; по крайности я знала,

что никто меня обидеть не смеет.

Жмигулина *(прибирая со стола).* Мы с простонародием никогда не знались.

Краснов. Да и я вас в обиду не дам-с. При ваших глазах родной сестры не пожалел, из дому прогнал; а доведись кого чужого, так он бы и ног не уволок. Вы еще не знаете моего карахтера, я подчас сам себе не рад.

Краснова. Что ж вы, сердиты, что ли, очень?

Краснов. Не то что сердит, а горяч: себя не помню, людей не вижу в этом разе.

Краснова. Какие вы страсти говорите! Отчего же вы мне прежде не сказали о своем характере, я бы за вас и не пошла.

Краснов. Коли горячий человек, так в этом ничего худого нет-с. Стало быть, он до всякого дела горяч, и до работы, и любить может лучше, потому больше других чувства имеет.

Краснова. Я теперь буду вас бояться.

Краснов. Страху-то мне от вас не больно нужно-с. А желательно бы узнать, когда вы меня любить-то будете?

Краснова. Какой же вам еще любви от меня надо?

Краснов. Вы, чай, сами знаете какой-с; только, может быть, не чувствуете. Что делать! Будем

ждать, авось после придет. Чего на свете не бывает! Были и такие случаи, что любовь-то на пятый или на шестой год после свадьбы приходит. Да еще какая! Лучше, чем смолоду.

Краснова. Ну и ждите!

Жмигулина. Это вы очень горячи к любви-то, а мы совсем другого воспитания.

Краснов. Вы насчет воспитания говорите! Я вам вот что на ваши слова скажу-с: будь я помоложе, я бы для Татьяны Даниловны во всякую науку пошел. Я и сам вижу, чего мне не хватает-с, да уж теперь года ушли. Душа есть-с, а воспитания нет-с. А будь я воспитан-с…

Жмигулина *(взглянув в окно).* Идет, Таня, идет!

Бегут обе из комнаты.

Краснов. Куда же вы так вдруг-с? Бежать-то зачем?

Жмигулина. Что вы! Опомнитесь! Надо же встретить, учтивость наблюсти.

Уходят.

Афоня. Брат! Ты сестру прогнал; за дело ли, не за дело ли, бог тебя суди! А ты на барина-то поглядывай! Поглядывай, я тебе говорю.

Краснов. Что на тебя пропасти нет! Шипишь ты, как змея. Ужалить тебе меня хотелось. Убирайся вон отсюда! Поди, говорят тебе, а то до

смерти убью.

Афоня. Что ж, убей! Мне жизнь-то не больно сладка, да и жить-то недолго осталось. Только не будь ты слеп! Не будь ты слеп! *(Уходит.)*

Краснов. Что они с моей головой делают! Аль в самом деле смотреть надо, аль смущают только? Где ж тогда, значит, любовь! Да неужто ж, господи, я себе не утеху, а муку взял! Встряхнись, Лёв Родионов, встряхнись! Не слушай лукавого! Одна у тебя радость, — он отнимет, сердце высушит. Всю свою жизнь загубишь! Ни за грош пропадешь! Все это наносные слова, вот что! Ненавистно стало, что жена хороша да живем ладно, — и давай мутить. Видимое дело. В каждой семье так. Бросить да не думать, вот и конец. А барина надо будет выжить, да чтоб и вперед не заглядывал. Ходите, мол, почаще, без вас веселей. Так оно и разговору меньше, да и на сердце покойнее.

Входят Бабаев, Краснова и Жмигулина.

Явление четвертое

Бабаев, Краснов, Краснова и Жмигулина.

Бабаев. Так вот вы где живете! Это у вас свой домик?

Краснова. Свой-с! А вот это мой муж-с.

Бабаев. А, очень приятно. Я с вашей женой

давно знаком.

Краснов. Это ваше дело-с.

Бабаев. Вы торгуете?

Краснов. А это вот наше дело-с.

Краснова. Что ж вы не сядете!

Бабаев и Краснов садятся.

Не угодно ли вам чаю?

Бабаев. Нет, благодарю; теперь не пью чаю.

Жмигулина. Ах, Таня, мы и забыли, что в Петербурге совсем другой вкус. *(Бабаеву.)* Можно сию минуту кофей сделать.

Бабаев. Нет, вы, пожалуйста, не беспокойтесь: я уж пил. Мы лучше так посидим, потолкуем о чем-нибудь. Веселитесь ли вы здесь? Есть ли у вас развлечения?

Краснова. Нет-с. Какие же здесь могут быть развлечения!

Бабаев. Как же вы время проводите? Неужели всё дома сидите?

Краснова. Большею частью.

Краснов. Да оно так и следует в нашем звании. По-нашему, по-русски: мужик да собака на дворе, а баба да кошка дома.

Жмигулина *(тихо Краснову).* Учтивей-то вы не можете?

Краснов. Я свое дело знаю.

Бабаев. Так вы хозяйством занимаетесь. Вам, я думаю, трудно было привыкать к новым обязанностям.

Краснова *(взглянув на мужа).* Да-с. А впрочем, нельзя сказать… конечно… сначала…

Бабаев *(Жмигулиной).* Я спрашиваю, а и сам хорошенько не знаю, в чем заключаются эти обязанности.

Жмигулина. Да вам, по благородству вашему, и знать-то это низко.

Краснов. Никакой низости нет.

Бабаев. А в самом деле, что же тут низкого?

Жмигулина. Слова низкие и даже довольно грязные, которых при людях воспитанных никогда не говорят.

Бабаев. Ну, предположите, что я человек невоспитанный. Какие же слова, скажите!

Жмигулина. Вы просто нас с Таней конфузите. Вам интересно слышать эти слова, так извольте! К хозяйству относится кухня и всякие простонародные вещи: сковорода, сковородник, ухват. Разве это не низко?

Краснов. Да уж низко ли ухват, высоко ли, а коли щи в печку сажать, так доставать его надо.

Краснова. Вы хоть бы при гостях-то не обижали жену!

Краснов. Да я вас ни при гостях, ни без гостей никогда на волос не обидел-с. А вас спрашивают, какая вы мужу хозяйка, да еще при муже-с; так, я полагаю, вам бы надо отвечать, что вы мужу своему хозяйка хорошая, своей должностью не гнушаетесь, потому что в нашем звании это первое дело-с.

Жмигулина *(тихо Краснову).* Вы нам мешаете с нашим гостем разговаривать.

Бабаев *(тихо Красновой).* Что, он у вас всегда такой?

Краснова *(тихо).* Я не знаю, что с ним сделалось.

Бабаев *(тихо).* Вы сами видите, что мне здесь делать нечего. Вы лучше приходите ко мне сегодня, а я теперь пойду домой. *(Громко.)* Ну, прощайте! Надеюсь, что мы видимся с вами не в последний раз.

Жмигулина. Конечно, конечно.

Краснова. Покорно благодарим за посещение!

Краснов *(кланяясь).* Прощенья просим! Вы скоро отсюда уедете?

Бабаев. Не знаю. Как дело кончится.

Краснов. Однако, как полагаете?

Бабаев. В суде говорят, что послезавтра.

Краснов. И, значит, как кончится, так вы в тот

же час и уедете?

Бабаев. Я думаю. Что ж мне здесь делать!

Краснов. Да-с! Оно точно, что нечего. Наше вам почтение!

Бабаев, Краснова и Жмигулина уходят.

Непрошеный гость хуже татарина. На что он нам? Какая от него польза? Помощи его я не приму, потому мы сами не нищие. Ну, значит, и проваливай! Поезжай себе в Петербург, и любезное дело!

Входят Краснова и Жмигулина.

Явление пятое

Краснов, Краснова и Жмигулина.

Краснова. Что же это вы делаете! С чего же вы взяли так обижать меня!

Краснов. Никакой обиды-с! А вы вот что-с! Мы с вами еще после свадьбы ни разу не ссорились, так желательно, чтобы и впредь этого не было, а жить в любви-с.

Жмигулина. Хороша любовь! Нечего сказать!

Краснов строго взглядывает на нее.

Краснова. Где же она, ваша любовь-то? Вот мы теперь ее хорошо видим. Вашим родным да знакомым я прислуживай, как кухарка, а пришел наш знакомый, человек благородный, так вы его

чуть не выгнали.

Жмигулина. Да и выгнали, только что политически.

Краснова. Уж вы бы и не говорили лучше, что любите. Нужна мне очень ваша любовь, когда вы будете меня срамить на каждом шагу.

Краснов. Да я не понимаю, к чему этот и разговор промеж нас! Все и дело-то разговору не стоит. Может, мы его больше и не увидим никогда, да нам и надобности в нем нет; с чем пришел, с тем и ушел. А нам с вами всю жизнь жить; так стоит ли он того, чтобы нам с вами из-за него неудовольствие иметь.

Краснова. Ах, Луша, какой срам-то! Что он теперь об нас подумает?

Жмигулина. Да. Он теперь скоро в Петербург поедет; хорошее мнение он об нас туда повезет.

Краснов. Я вам опять-таки скажу-с, что его и всякие мнения надо бросить. Все дело-то гроша не стоит. Я так понимаю: есть ли он на свете, нет ли его, это для нас с вами все одно-с.

Краснова. Для вас его на свете нет, но не для нас. Мы с сестрой обещали бывать у него и даже сегодня хотим идти.

Краснов. Не к чему-с.

Краснова. Как не к чему? Я вам говорю, что я

хочу его видеть.

Краснов. Вы хотите, да мне не желательно. Должны вы меня уважить или нет?

Краснова. Что это вы какую власть вдруг забрали. Да вы и не воображайте, чтоб мы вас послушались — этому не бывать!

Краснов *(ударяя по столу).* Чего-с! Как так не бывать? Нет-с, уж коли что я говорю, так это так точно и будет. Я говорю дело и вам на пользу-с, по тому самому я вам строго и приказываю. *(Опять ударяет по столу.)*

Краснова *(плачет).* Что ж это за тиранство! Что за мучение!

Жмигулина *(со смехом).* Ах, какой грозный! Ах, какой страшный! Ха! ха! ха!

Краснов. Вы-то что квакаете! Вас-то я так турну, что у вас об калитку подол завизжит.

Краснова. Ну уж вы что хотите делайте, хоть убейте нас, а мы все-таки пойдем. Мы не хотим доказать ему, что мы невежи против него. Должны же мы поблагодарить его за неоставление нас и пожелать счастливого пути.

Краснов. Вы, Татьяна Даниловна, извольте понимать, когда вам словами говорят.

Краснова. Уж вы не драться ли хотите? Что ж, от вас это станется. Только того и жди.

Краснов. Ошиблись. Никогда вы от меня не дождетесь! Я вас столько люблю, что на нынешний раз даже ваш каприз уважу. Извольте идти, и уж больше туда ни ногой. Только вот что еще, Татьяна Даниловна! Вот видите часы-с! *(Показывает на стенные часы.)* Так, когда вы пойдете, взгляните, и чтоб через полчаса здесь-с! *(Показывая на пол.)* На этом самом месте-с. Поняли?

Краснова. Пойдем, Луша, одеваться.

Уходят.

Краснов. Кажется, у нас дело-то на лад пойдет! Они были маленько избалованы; в таком случае для них строгость не мешает. Стерпится — слюбится. А там, как барин уедет, можно и опять лаской; так наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда они у барина будут, кажется, ничего бы на свете не взял; да что ж делать, сразу круто нельзя, — вовсе от себя оттолкнешь. Само собою, что будет думаться, и то и другое в голову-то полезет. Ну, да ведь не разбойник же он какой, в самом деле! Да и супруга моя, как собственно недавно… То есть враг я сам себе, да и только! Ведь ничего не может быть дурного; а я думаю да всякие вздоры прибираю!.. Пойтить с приятелями в трактире посидеть покудова!.. Об чем это он ей давеча шептал?.. Ну да что ж, ведь

давно знакомы; может так что! *(Берет картуз.)* Татьяна Даниловна! Сохнул я по тебе, пока не взял за себя; вот и взял, да все сердце не на месте. Не загуби ты парня! Грех тебе будет! *(Уходит.)*

Сцена вторая

ЛИЦА:
Бабаев.
Краснова.
Жмигулина.
Зайчиха.
Карп.

Комната первого действия.

Явление первое

Карп и Зайчиха (входят).

Зайчиха. Что, сам-то спит, что ли?

Карп. Не знаю. Да нет, он этой привычки не имеет. Опять же и время не то. Ты как думаешь? Ведь еще теперь в Петербурге не обедали, еще утро.

Зайчиха. Ишь ты! Ах, батюшки!

Карп. Вот иногда зимой уж и смеркнется давно, и огонь везде зажгли, а все еще утро считается.

Зайчиха. Ну да что мудреного! Город большой, столичный, не то что у нас. А я было так взошла: мол, не нужно ли что. *(Взглянув в окно.)* Ведь это к нам кто-то. Пойти встретить. *(Уходит.)*

Карп. Взвоешь здесь от тоски. Спервоначалу бы этим судейским, которые у них поглавнее, дать барашка в бумажке, так они бы мигом. По крайности, мы были бы теперь дома, у дела. Как ему самому-то не скучно! Уж не соследил ли он тут добычку себе! Недаром он по городу-то ходит! У него манера-то известная: ходит-ходит мимо окон-то, да и призрит глазом на какую-нибудь брунетку.

Зайчиха входит.

Зайчиха. Поди-ка, мой милый, доложь самому-то, что его спрашивают.

Карп. Зачем спрашивают?

Зайчиха. Уж ты доложь, он там сам знает.

Карп *(в дверь).* Пожалуйте, сударь, к вам пришли.

Бабаев *(из двери).* Кто?

Зайчиха. Выдь-ка сюда, батюшка, на минуточку: нужно!

Бабаев входит.

Явление второе

Карп, Зайчиха и Бабаев.

Зайчиха. Слушай-ка! К тебе пришла Краснова, лавочница, с сестрой, так спрашивают, можно ли, мол, взойти.

Бабаев. Просите их сюда! Да вот что! Послушайте, хозяюшка! Пожалуйста, чтобы разговору не было! Может быть, она и еще ко мне придет, так уж вы скажите лучше, что она к вам ходит. Может быть, спрашивать будут; знаете, ведь город маленький, все друг друга знают, друг за другом смотрят, куда кто пошел, где что делал.

Зайчиха. И, батюшка! Да мне что! Я и видела, да не видала. Ты проезжий, не здешний.

Бабаев. Попросите их сюда! Мы ведь с вами, милая хозяюшка, старые приятели. *(Треплет ее по плечу.)*

Зайчиха. Приятели, батюшка, приятели! *(Уходит.)*

Карп *(махнув рукой).* Грехи! *(Уходит.)*

Краснова и Жмигулина входят.

Явление третье

Бабаев, Краснова и Жмигулина.

Жмигулина. Еще здравствуйте! Ждали ли нас?

Бабаев. Признаться, так скоро не ждал. Садитесь, что же вы стоите!

Садятся.

Жмигулина. Бегом бежали к вам. Из дому-то насилу вырвались.

Краснова. Полно, Луша, перестань!

Жмигулина. Уж нечего скрывать-то! Не скроешь. Валентин Павлыч давеча сами видели нашу алистократию. А уж какая после вас пальба была!

Краснова. Ах, Луша, мало ли что в семье бывает! неужели всем рассказывать! Никому до того дела нет, как мы живем.

Жмигулина. Поняли вы теперь, Валентин Павлыч, что такое значит мужик, когда он важность на себя напустит?

Краснова. Хорошо тебе разговаривать-то, ты посторонняя. Ты бы меня-то пожалела! Он мне муж, мне с ним жить до гробовой доски.

Бабаев. Неосторожно вы поступили, Татьяна Даниловна, неосторожно.

Краснова. Какой вы чудной! За что вы меня упрекаете? Где ж вы были, когда нам было есть нечего? А теперь уж не воротишь. Остается только плакать всю жизнь. *(Плачет.)*

Бабаев. Ну, об чем же вы теперь-то плачете?

Краснова. Чему ж мне радоваться-то? Вам, что ли? Может быть, я и радовалась бы, кабы была свободна. Вы то́ поймите: из-за вас я с мужем поссорилась; вы-то уедете не нынче-завтра, а мне с ним оставаться. Вы только хуже сделали, что приехали: до вас-то он мне не так дурен казался. Да и он вдруг совсем переменился. Пока вас не видал, так всякую мою прихоть исполнял, как собака руки лизал; а теперь начал косо поглядывать да и покрикивать. Каково же мне будет всю жизнь с постылым горе мыкать! *(Плачет.)*

Бабаев. Ну, перестаньте! Что это вы! *(Жмигулиной.)* Послушайте, Лукерья Даниловна! Вы подите к хозяйке, я один ее лучше уговорю.

Жмигулина. Пожалуйста, не хитрите! *(Уходит.)*

Явление четвертое

Бабаев и Краснова.

Бабаев *(подвигается и обнимает Краснову одной рукой).* Душенька, Танечка, ну, перестань! Что ты так расплакалась! Ну, давай подумаем вдвоем, как помочь твоему горю.

Краснова. И думать нечего! Никак нельзя.

Бабаев. Уж будто? А что, если я увезу тебя в

деревню?

Краснова. В какую? Куда?

Бабаев. Туда, в свою. Там все так же, как было при маменьке: те же аллеи, пруды, беседки; все тебе знакомое, все будет напоминать прошлое. Ты бы у меня хозяйничала.

Краснова *(освобождаясь из-под его руки).* Что вы только придумываете, как погляжу я на вас! Да возможное ли дело, чтоб такой вздор в голову пришел! Что ж, муж-то так вам и позволит! Да он меня на дне моря сыщет.

Бабаев. На время тебя можно будет спрятать, так что он и не найдет; а между тем с ним поторговаться.

Краснова. Что вы! Что вы! Вот еще новости! Ну, да будет вам пустяки-то говорить! Вот вы лучше посоветуйте, как мне всю жизнь с мужем-то жить.

Бабаев. Ну да, как же! Нужно мне очень!

Краснова. Значит, вы меня вот таки ни крошечки не любите! Только притворяетесь. Вот что, да-с!

Бабаев. И не грех это тебе, Таня, а? Нет, скажи ты мне, не грех?

Краснова. Что?

Бабаев. Подозревать-то меня не грех?

Краснова. Да ну вас! Вас ведь не разберешь, притворяетесь вы или нет.

Бабаев. Да и на что тебе разбирать, мой ангел! Ты обо мне-то не заботься! Ты спроси у своего сердца, что оно говорит тебе! *(Обнимает ее.)*

Краснова. А ваше что вам говорит?

Бабаев. Да ведь ты мне, Таня, не веришь; ты говоришь, что я притворяюсь, а сама теперь спрашиваешь. А ну как я тебя обману?

Краснова. Да уж это не ваше дело! Вы только говорите!

Бабаев. Да и не обману, не бойся! Из чего мне тебя обманывать. *(Нагибается к ней; она слушает, потупя глаза.)* Вот что, Таня! Сердце мне говорит, что никого еще я не любил так, как тебя люблю. Мне все равно, будешь ли ты верить моим словам, или нет. Да я сейчас и докажу тебе, что это правда, и ты сама со мной согласишься. Я ведь не говорю тебе, что я никогда не видал женщин красивее тебя, умнее. Вот тогда ты мне могла бы прямо в глаза сказать, что я лгу. Нет, я видел и лучше тебя, и умнее, только не видал я никогда такой миленькой, добренькой, такой простенькой женщины, как ты.

Краснова *(вздохнув).* Простенькой… Ах, правду вы говорите!

Бабаев. Ну, вот я тебе сказал, что я чувствую. Что же ты мне не скажешь?

Краснова. Да что мне говорить-то! Не умею я. Я бы, может быть, больше вашего насказала. Да и зачем говорить — вы сами знаете.

Бабаев. То есть я, может быть, и догадываюсь, да только…

Краснова. Ну что «да только»? Вот и нечего сказать-то!

Бабаев. Нет, есть что. Я догадываюсь, да только проку-то из этого мне мало.

Молчание.

Ты мне сама скажи, что ты меня любишь! Ну, что же, Таня?

Краснова. Что вам?

Бабаев. Любишь ты меня?

Молчание.

Любишь, а?

Краснова *(потупившись).* Ну, да.

Бабаев. Очень?

Молчание.

Что же ты молчишь? Очень любишь?

Краснова. Да.

Бабаев. А в деревню поедешь со мной?

Краснова. Ах, отстаньте вы от меня!

Бабаев. Ну, не надо в деревню. Мы вот что сде-

лаем: я найму здесь в городе квартиру и через неделю буду приезжать сюда. Ты на это согласна?

Краснова. Согласна.

Бабаев. Ну, вот видишь, душенька Танечка, я на все для тебя готов.

Краснова. Вижу.

Бабаев. А ты?

Молчание.

Что же молчишь?

Краснова. А уговор?

Бабаев. Какой уговор?

Краснова. Вчерашний. Помните, там на берегу.

Бабаев. Нужно очень помнить! Да и не было никакого уговора.

Краснова. Бесстыдник вы, бесстыдник! Нешто можно забывать так скоро!

Бабаев. Не хочу я знать никаких уговоров. *(Обнимает ее и целует.)*

Краснова *(встает).* Ах, оставьте, пожалуйста!

Бабаев. Как «оставьте»? Что значит «оставьте»?

Краснова. То же и значит, что оставьте.

Бабаев. Что за капризы?

Краснова. Никаких капризов, только вы, пожа-

луйста, подальше.

Бабаев. Если ты станешь так капризничать, я ведь уеду. Брошу и дело, за которым приехал, да сейчас и уеду.

Краснова. Пожалуй, уезжайте.

Бабаев. Я ведь не шучу. Карп!

Входит Карп.

Собирайся ехать и потом за лошадьми сходи!

Карп. Слушаю-с!

Краснова. Так вы вот как! Ну так бог с вами! Прощайте! *(Убегает.)*

Карп. Что же, сударь, сбираться прикажете?

Бабаев. Куда сбираться! Надоел, братец! *(Подходит к окну.)* Уж не домой ли они ушли?

Карп. Не уйдут-с.

Бабаев. Не твое дело! Пошел вон!

Карп уходит, входит Жмигулина.

Явление пятое

Бабаев и Жмигулина.

Жмигулина. Сестра просила вам сказать, чтоб вы погодили уезжать. Теперь у хозяйки сидит одна знакомая женщина, так вы сами понимаете, что пройти к вам неловко. А когда она уйдет, сестра зайдет к вам. Ей нужно об чем-то с вами поговорить.

Бабаев. Вы милы, Лукерья Даниловна!

Жмигулина. Что-то ушам не верится! Уж от вас ли я слышу такие комплименты! *(Приседает.)*

Действие третье

ЛИЦА:
Краснов.
Краснова.
Жмигулина.
Архип.
Афоня.

Комната первой сцены второго действия.

Явление первое

Краснова (на кровати), Жмигулина (входит).

Жмигулина. Таня, спишь ты?

Краснова. Нет.

Жмигулина. Ну так вставай! Что валяешься целый день! Все утро лежала и теперь лежишь.

Краснова. Зачем вставать-то? Что делать-то?

Жмигулина. Диви бы спала, а то лежишь да плачешь, только сердце надрываешь. Лучше встань, да потолкуем!

Краснова *(встает).* Ишь ты день-то сегодня какой невеселый, пасмурный! *(Садится.)* Бесталанная моя головушка! Что только я над собой

сделала! Зачем я замуж пошла? Утопила я себя, просто утопила!

Жмигулина. Кто ж его знал! Женихом-то он был тише воды, ниже травы; а теперь точно что нашло на него. Я ведь вчера думала, он шутит, что на полчаса нам сроку-то дал.

Краснова. Да и я то же думала. Кабы ты посмотрела, как он накинулся, какой страшный сделался. А нынче все утро косился, ушед не простившись; вот и обедать не приходил.

Жмигулина. Что же он тебе говорил, как вы вчера одни-то остались?

Краснова. Уж он и ругал ругательски, и в чувство-то ударялся, и сам плакал; чего-чего ни делал! За всю мою любовь к тебе, говорит, одного я прошу: успокой ты меня, потому что я ревнив.

Жмигулина. Вот еще наказание-то!

Краснова. Ни к кому, говорит, я тебя не ревную, только к одному этому барину.

Жмигулина. Еще бы он ко всякому ревновал! вот бы одолжил.

Краснова. Когда он уедет, говорит, что хочешь делай и ходи куда хочешь; а вот за то, что ты меня не послушалась, так не смей ты через порог переступать, пока он совсем не уедет из города.

Жмигулина. Ну что ж ты ему на это?

Краснова. Он кричит, а я все молчу, все молчу; только уж очень мне обидно, что он надо мной такую власть взял. Прежде лисой прикидывался, а теперь, на-ка, вздумал командовать да свои мужицкие грубости говорить. Ему вот ничего, что он меня обидел, а я нынче целый день плакала. Ведь уж он меня хоть зарежь, я его любить не буду. Еще дай он мне волю, так я бы хоть какое-нибудь чувство к нему имела; а теперь назло буду все напротив делать; хотя бы я и виновата была перед ним, я и за вину не сочту; надо же мне ему чем-нибудь выместить. Что ж, не драться же мне с ним: у меня силы не хватит против него.

Жмигулина. Известно. Он будь тем доволен, что ты за него замуж-то пошла; а то еще вздумал над поведением наблюдать.

Краснова. Да и как я его бояться стала со вчерашнего дня. То есть не поверишь ты, так вся и задрожу, как он на меня взглянет.

Жмигулина. Ну, как же ты теперь думаешь?

Краснова. Да как думать-то? Уж очень у меня в голове-то запутано. Как ни кинь, все дурно. За кусок хлеба продала я свою молодость немилому человеку, и день ото дня он мне все противней становится.

Жмигулина. Как не опротиветь после таких

пасажев с его стороны. Особенно как посравнить кой с кем. Тот кавалер как быть следует, во всей форме.

Краснова. Ну, вот что ж мне теперь делать-то! Кабы я могла равнодушно отстать от Валентина Павлыча, я была бы этому очень рада. Да, видно, об этом надо было прежде подумать да пораньше хватиться; а теперь уж поздно. Сил моих не хватит.

Жмигулина. Ведь и он тебя чрезвычайно как любит, Таня.

Краснова. Ну так что ж? Бог бы с ним. То-то вот ума-то у нас не хватает, а после и плачься. Мне еще маменька-покойница говорила: смотри, девка, погубит тебя простота твоя.

Жмигулина. Ведь тебе, чай, с ним повидаться надо? Он, я думаю, ждет.

Краснова. Ну да, само собою. Кабы моя была воля, так и полетела бы к нему.

Жмигулина. Так надо умом раскинуть, как бы нам эту статью обработать.

Краснова. Сколько я ни ломала голову, ничего не придумала.

Жмигулина. Вот что, Таня! Тебе надо мужа обмануть.

Краснова. Каким манером?

Жмигулина. Нашей сестре без хитрости никак жить нельзя, потому мы слабый пол, со всех сторон обиженный.

Краснова. Какие же хитрости? Ты меня научи.

Жмигулина. Теперь ты с мужем, как кошка с собакой, так поневоле в его башку-то придет, что, значит, ты его не любишь, а любишь другого.

Краснова. Ну как же с этим быть?

Жмигулина. А ты переломи себя. Принеси ему покорность: мужики это любят. Притворись перед ним, что ты влюблена в него, нагороди ему турусы на колесах, он уши-то и развесит. Приласкайся к нему хорошенько разными ласками — это ему в диковинку.

Краснова. Я должна буду против сердца говорить.

Жмигулина. Так что ж за беда! Почем он знает, что у тебя на сердце. Нешто ему понять, что притворное обращение, что настоящее. Ты посмотри, после таких твоих деликатностей он так в тебя вверится, что ты хоть в глазах у него амурничай, он и то не будет замечать.

Краснова. Вдруг над собой такой перемены не сделаешь.

Жмигулина. Непременно вдруг. Чего ж тебе дожидаться-то!

Краснова. Он теперь на меня дуется; как к нему подойдешь? Не прощенья же у него просить!

Жмигулина. Зачем прощенья? *(Подумав.)* А ты вот как сделай: поговори ты деду Архипу, что хочешь с мужем помириться, чтобы промежду вас никаких неудовольствиев не было, что ты мужа любишь и для тебя оченно чувствительно, что он тебя обижает.

Краснова. Что ж, я пожалуй.

Жмигулина. Мне как хочешь! Я для твоей пользы говорю.

Краснова. Поди приведи дедушку, он в саду сидит.

Жмигулина уходит.

Что значит, коли женщина с умом-то! Хоть бы и понравился кто, так она никому виду не подаст. Мужа так обойдет, что он в ней и души не чает. А без ума-то и попадешься сейчас.

Жмигулина вводит Архипа.

Явление второе

Краснова, Жмигулина и Архип.

Архип. На что я вам? Какие такие у вас дела до меня? Татьяна, ты здесь, что ль?

Краснова. Здесь, дедушка.

Архип. Вот Лукерья ведет меня да говорит:

«Дедушка Архип, дело есть!» Что, думаю, за дела такие до меня, старого!

Жмигулина. Да вот, дедушка, сестра на мужа обижается.

Архип. Ну так что ж! Промежду мужем и женой кто ж судья! Пусть как хотят, так и живут.

Краснова. Что за радость так-то жить! Лучше бы жить в согласии.

Архип. Так за чем же дело стало? Ну, живите в согласии! Кто ж вам мешает?

Жмигулина. Вот видишь ты: у него очень грубое обращение, а мы к этому не привыкли.

Архип. Погоди ты, не таранти! У ней самой язык есть. Говори ты, Татьяна.

Краснова. Муж теперь на меня сердится и не глядит совсем; он думает, что я его не люблю, так это он ошибается.

Жмигулина *(делает знаки Красновой, чтоб та говорила).* Она только его характеру боится.

Краснова. Я его люблю, как по закону следует. Если он про меня что дурное думает, так напрасно. Разве я могу променять его на кого-нибудь. Ни в жизнь этого не сделаю.

Жмигулина. Еще бы, этакого распрекрасного человека! Разве она не чувствует.

Краснова. Если я была в чем перед ним вино-

вата, ну побранил, да и будет. Только будь он со мной ласков, а уж я-то всякое уважение ему сделаю. Так буду угождать, что он и не ожидает.

Жмигулина. Она и мне сколько раз говорила: я мужа очень люблю, даже очень.

Архип. Да что вы друг за другом так и погоняете! Сговорились вы, что ли?

Жмигулина. Да как же мне молчать-то? Разве мне приятно видеть, что сестра, которую я даже обожаю, живет с мужем не в согласии. *(Делает знаки Красновой.)*

Краснова. Так вот, дедушка Архип, я и хочу тебя попросить, чтоб ты поговорил мужу…

Архип. Постойте! Постойте! Дайте срок — не сбейте с ног! Ты говоришь, что муж на тебя сердится? Значит, ты виновата?

Краснова. Велика ли моя вина!

Архип. Ну да велика ли, мала ли, а все виновата. Самой тебе, значит, покориться не хочется, стыдно, вот ты и просишь меня. Так, что ли?

Краснова. Так, дедушка Архип.

Архип. От сердца ты говоришь аль так, только слова одни?

Краснова. От сердца, дедушка.

Архип. Ну, мне что ж. Мое дело сторона. Лжешь, так богу ответишь! А я поговорю. Отчего не пого-

ворить! Будет согласие, так всем нам будет любо.

Жмигулина. Ты ему сегодня поговори.

Архип. Как придет, так и поговорю.

Входит Афоня.

Явление третье

Краснова, Жмигулина, Архип и Афоня.

Архип. Кто вошел?

Афоня. Я, дедушка Архип.

Архип. У нас нынче праздник, Афоня. Вот Татьяна хочет с мужем в ладу жить, покориться ему хочет.

Афоня. Покориться? Покориться? Не верь, дедушка Архип, обманывает.

Архип. Ну полно, что ты!

Краснова. Что мне обманывать! Какая корысть?

Афоня. Аль за ум взялась, как брат пугнул-то хорошенько. Давно б ему пора. Да уж коли ты взаправду, так гордость-то брось. В ноги мужу-то, в ноги кланяйся! Да и нам всем, всем. Всех ты нас обидела.

Жмигулина *(тихо).* Не слишком ли много чести будет.

Краснова. За что же я буду мужу кланяться?

Афоня. А за все, что он делал для тебя. Я сам

видал, как он перед тобой на коленях стаивал! Стыд головушке! *(Закрывает лицо руками.)*

Жмигулина. Что ж, коли ему это нравилось.

Афоня. Не хуже он вас, да кланялся, а теперь ты поклонись. Сними этот стыд-то с него. Не отвалится у тебя голова-то! Да и нам всем, и зятю поди поклонись, и сестре.

Краснова. Ну еще мужу сколько-нибудь на дело похоже, а вам-то за что?

Афоня. А за то, что брат всех нас обидел за тебя. С тебя разлад-то пошел в семье. Ты ему милей всех стала, милей всей родни.

Архип. Угомонись ты! Дай сердцу уходиться! Мы мириться хотим, а ты опять ссору заводишь.

Жмигулина. Вот и не муж, а какого страху задает! А дай-ка ему волю-то, так и житья от него не будет.

Архип *(гладит по голове Афоню).* Ну, что с него взыскивать? Он больной человек.

Входит Краснов.

Явление четвертое

Краснов, Краснова, Жмигулина, Архип и Афоня.

Жмигулина *(Архипу тихо).* Лёв Родионыч пришел.

Архип. Никак, ты, Лёв, не обедал сегодня?

Краснов. Некогда было.

Краснова. Коли угодно, мы сейчас подадим.

Краснов *(садится к столу).* Само собою. Ужели ж мне не емши быть!

Краснова. Накрывай, сестра! *(Уходит в кухню. Жмигулина накрывает на стол.)*

Архип. Ты, Лёв, в лавку пойдешь?

Краснов. Нет, уж я забрался.

Архип. Дома, что ль, будешь?

Краснов. С часок места побуду, а то надоть за реку сходить, деньги получить.

Краснова вносит чашку щей, ставит на стол и уходит с Жмигулиной.

Краснов, съевши несколько ложек, задумывается.

Архип. Лёв! Не вижу я тебя, а словно как ты нéвесел пришел?

Краснов. На что глядя радоваться-то!

Архип. А тужить-то об чем? Что за горе?

Краснов. Мое горе, дед, мое. Мое собственное. Мне про то и знать.

Архип. Ну, бог с тобой! Твое горе, тебе с ним и ведаться. *(Помолчав.)* А и то сказать, ведь я тебе не ворог; хоть и скажешь мне, так беды не будет. Да и жил-то я не с твое и горя-то видал побольше; может, еще что и на пользу скажу.

Краснов. Не такое дело, дед, чтоб совета просить! Ничего ты мне не скажешь.

Архип. Глупый ты, глупый! Почем ты знаешь? Аль ты себя умней всех ставишь?

Краснов. Да отстань ты! Не до того мне! Ну что пристал! *(Стучит с сердцем ложкой по чашке.)*

Входит Жмигулина, ставит на стол чашку с кашей и уходит.

Архип. Жена-то умней тебя, право умней.

Краснов. Кабы умна была, так бы слушалась мужа.

Архип. Мало ль чего нет! На всякий час не опасешься! А ты за малость гнева не держи. Одна вина — не вина, а две вины — полвины; три вины — вина.

Краснов. Какая вина! Вина вине рознь. За другую вину удавить мало.

Архип. Что больно грозно! Ноне за денной разбой да и то не вешают.

Краснов. И кусок-то в рот нейдет.

Архип. Эко сердце-то у тебя ретивое! Я начал было про жену-то, это я неспроста. Она прежде тебя за ум взялась.

Краснов слушает.

Говорит: «Дедушка Архип, замолви за меня мужу словечко! Я, говорит, его люблю, только

его нраву боюсь. Может, он что думает на меня, так напрасно. Я его ни на кого не променяю. Я, говорит, ему всякое угождение сделаю, только бы он простил меня да не сердился».

Краснов. Да это точно?

Архип. Аль ты совсем рехнулся? Врать, что ли, я стану на старости лет! Она бы и сама тебе сказала; ей и хочется покориться-то, да, видишь ты, стыдно, ну и боится.

Краснов *(встает).* Дедушка Архип, пойми ты меня! Ведь ты знаешь, как я ее люблю, нечего тебе сказывать! Жили мы с ней до этого случая ладно; вы все видели, души я в ней не чаял. Наезжает теперича этот барин, и вижу я, он с ней разговаривает больно слободно, ну и взяло меня за сердце. Веришь ты мне, не помнил, что говорил, что делал. Как пошла это она к нему, жду я ее полчаса — нейдет, жду час — нейдет, так меня лихорадка проняла, зубы у меня застучали. Чего тут я, чего ни передумал! Может, я грешу, обижаю ее; может, у ней и в уме-то ничего нет; да что ж мне делать-то! Жжет меня всего огнем, вот так и жжет. Обидел я ее, это точно, да легко ли мне самому-то? Скажи ты мне, что она умерла сейчас, — что я над собой сделаю, я не знаю, а легче мне будет, ничем у меня ее кто отымет.

(Плачет.) Другой денег себе хочет, знати, а мне ничего не надо, мне только чтоб она меня любила. Дай ты мне на выбор: вот, мол, тебе, Краснов, горы золотые, палаты царские, только оставь жену; или вот, мол, тебе землянка непокрытая, работа всякая черная, только с женой жить; я и ох не молвлю, буду на себе воду возить, только бы с ней быть завсегда. Так слушай ты, дедушка! Мудрено ль, что я сгоряча и обидел ее! Нет любви, так и сердца нет. А вот ты мне говоришь, что она теперь сама покориться хочет! Ведь такой радости мне и во сне не увидать. Точно у меня гора с плеч. Как будто я снова на свет родился! Ну, дедушка Архип, спасибо тебе! Мертвый я был человек, оживил ты меня! То есть такое мне в голову лезло, что, кажется, и не замолить ввек. Близко он, окаянный, подле меня ходил. Мало того, что в уши-то шепчет, а, и сказать-то грех *(тихо),* и под руку толкает.

Архип. Что ты! На кого?

Краснов. Ну да уж что было, то прошло. Вперед не дай бог этакой муки! Врагу своему не пожелаешь.

Архип. А ты укорачивай сердце-то!

Краснов. Эх, дедушка! Рад бы я укорачивать, да не спохватишься. В очах у тебя вдруг смерка-

ется, в голове звенит, за сердце словно кто рукой ухватит, в уме тебе только несчастье да грех представляются. И ходишь как полоумный, ничего кругом себя не видишь. А вот теперь отошло от сердца, так и ничего, полегчало, ровно и не бывало ничего.

Входит Жмигулина и берет чашку со стола.

А где же Татьяна Даниловна?

Жмигулина. Она там, в кухне.

Краснов. Зачем же они в кухне? Что им там делать! Совсем не их место в кухне сидеть! Позовите их сюда.

Жмигулина уходит.

Афоня *(тихо Архипу).* Дедушка, будет она брату в ноги кланяться аль нет? Коли не будет, я уйду.

Архип. Как хотят, нам что за дело!

Входят Краснова и Жмигулина.

Явление пятое

Краснов, Краснова, Жмигулина, Архип и Афоня.

Краснова. Вы меня звали?

Краснов. Потому собственно, что вам в кухне сидеть непристойно-с.

Архип. Я, Татьяна, ему говорил; теперь уж как хочешь сама.

Краснова. Лёв Родионыч! Если я в чем виновата

перед вами, так извините меня. Если вам угодно, я вам, пожалуй, в ноги поклонюсь.

Краснов. Нет, зачем же-с! Я и так могу чувствовать-с! Нешто я могу вас допустить до этого, чтоб вы мне кланялись! Что я тогда буду за человек!

Краснова. Я согласна что угодно сделать, только бы вы на меня не сердились.

Краснов. Ничего мне от вас не надобно, кроме вашего слова-с. Вы сказали слово — и конец, я вам должен верить.

Краснова. Значит, вы на меня не сердитесь?

Краснов. Никакого сердца-с! А что я, точно, человек не полированный, сгоряча пошумел, так за это не взыщите, потому любя-с.

Жмигулина. Ах, полноте! Кто же на вас может взыскивать!

Краснова. Я уж и забыла. Мне не столько обидны были слова ваши, сколько то, что вы сегодня не хотели даже и взглянуть на меня.

Архип. Ведь помирились, ну и будет! Что старые-то дрязги перетряхивать! Вот теперь как следует поцелуйтесь. Так все дело и пойдет своим чередом.

Краснова. За этим, дедушка, дело не станет. Я с моим большим удовольствием! Я уж давно хотела, да не знала, как понравится Льву Родионычу!

Краснов. Если вы с удовольствием-с, так уж я вдвое против того-с! *(Целуются.)*

Жмигулина. Это только всегда было удивительно видеть для меня, Лёв Родионыч, как сестра вас любит.

Краснов. Что ж тут удивительного-с?

Жмигулина. Я ее, Лёв Родионыч, лучше вас знаю. Она тихого характеру, она не может вам всего высказать, а надобно знать, что она чувствует.

Краснов. Тем для нас приятней-с!

Жмигулина. Она бы и хотела вам свою любовь высказать, да от робости не может.

Краснов *(жене).* Чего же меня робеть-с! Я такой же человек, как и все.

Жмигулина. Мы уж так от природы.

Краснов *(жене).* Нет, уж вы сделайте такое ваше одолжение, вы вперед меня не бойтесь. Меня совесть зазрит. Что я за пугало?

Краснова. Я вас не буду бояться, Лёв Родионыч, я вас буду любить.

Жмигулина. Другие из нашей сестры вам на словах всего наскажут, чего даже у них и на сердце нет, а сестра напротив.

Краснов. Так мы и будем вас понимать. А то иной раз не знаешь, как к вам и подойти! Понра-

вится ли еще вам!

Краснова. Вы мне всегда нравитесь.

Афоня. Пойдем, дедушка Архип, на улицу посидеть!

Архип. Пожалуй, пойдем. Теперь у нас, слава богу, опять совет да любовь. Хорошо, когда в доме согласие! Хорошо, детки, хорошо! *(Уходя.)* Окаянный сквозь землю, господь по земле!

Уходят.

Жмигулина. Я тут залепортовалась, а мне тоже кой-куда сбегать надо. *(Уходит.)*

Явление шестое

Краснов и Краснова.

Краснов *(садится на лавку).* Ах, Татьяна Даниловна, кабы бог дал нам с вами век прожить в таком согласии, как теперича!

Краснова *(садясь подле него).* Да и проживем.

Краснов. Ведь вот ежели бы вы завсегда с такой лаской, так из меня хоть веревки вей. Вы, Татьяна Даниловна, из меня лаской все можете сделать.

Краснова *(кладет ему руку на плечо).* Да мне ничего не нужно от вас, я всем довольна. Только вы не думайте обо мне с худой стороны. Зачем вы меня приревновали?

Краснов *(обнимая ее).* Ишь ты какая, обиде-

лась! *(С любовью смотрит на нее.)* Душа ты моя! Что кому дорого, тот то и бережет. Ведь ты мне дороже всего на свете! Ты какая жена-то? У кого такая есть? Ты на зависть всему городу, нешто я не вижу! Кому захочется такую жену потерять! Первое дело, это все одно что клок из сердца вырвать, а второе дело, мне насмешками да укорами проходу не дадут, со свету сживут. Я тебя, надо так говорить, больше души своей люблю, и в помышлении-то не хотел бы тебя обидеть, а вот — что ты хочешь — все-таки думается.

Краснова. А вы не думайте!

Краснов. Ну, да теперь шабаш.

Краснова *(ласкаясь).* Уж ты не стыди меня, не наблюдай за мной!

Краснов. Сказано — шабаш! Целуй-ка ты меня покрепче! *(Целуются.)* Вот так! Сказывай ты мне теперь, за что ты меня любишь? За что такое ты можешь ко мне привязку иметь?

Краснова. Так, просто люблю, да и все.

Краснов. Нет, ты сказывай! Мне лестно это слышать от тебя. Хочу я знать, что есть такое во мне, что меня такая красавица полюбила? Аль умом, аль чем тебе по нраву пришелся?

Краснова. Да всем. Что ж, кто про тебя дурное скажет? Известно, хороший человек.

Краснов. Ну, а еще что?

Краснова. Ты очень добр, ничего не жалеешь для меня.

Краснов. Вот что! *(Крепко обнимает и целует.)* Ну, так люби меня больше, еще добрей буду. Что ты морщишься? Аль поизмял маленько?

Краснова. Да ты очень крепко.

Краснов. Ну, да уж ау, брат! Ничего не поделаешь! Как люблю, так и обнимаю. Значит, от души, без фальши. Небось не сахарная, не развалишься.

Краснова. Да я ничего.

Краснов. Ведь я знаю, что так только. А то на что тут жаловаться! За это на нашего брата не сердятся. Так, что ли?

Краснова. Сам знаешь, что ж спрашиваешь!

Краснов. Эка жизнь с бабой-то хорошей! Малина просто! Разлюбезное дело! Нет-то ничего на свете лучше! И что такое это значит, что вы нашему брату так дороги?

Краснова. Я не знаю.

Краснов. Премудрость, право премудрость! Не нашему уму это понимать! Мы знаем одно, что… прилепился к жене своей, вот и все. Прилепился, ну и кончено дело. Когда я теперича с тобой сам-друг, так мне хоть всё огнем гори! *(Целует*

ее.) Сегодня пойду деньги получу, завтра тебе обновку куплю.

Краснова. На что! Не надо!

Краснов. Коли я говорю, что куплю, стало быть это мое дело. Значит, по делу выходит, что надо. Ты свое дело знай: утешай мужа! А я буду свое знать. *(Взглянув на часы.)* Э, да уж времени-то много! Надоть идти! А не хотелось бы мне теперь от тебя уходить.

Краснова. Не ходи!

Краснов. Ой, аль и вправду нейти? Да нет, что баловаться-то! Девушка гуляй, а дела не забывай! Не приди нынче за деньгами, так после неделю даром проходишь. И как далеко идти-то! Чтоб его!.. За реку ведь! С час проходишь, прах его побери! *(Берет картуз.)* Так ты говоришь: погоди!

Краснова. Да разумеется!

Краснов. Ишь ты какая! *(Обнимает ее.)* Знаю я вашего брата. Ну, да мало ль что! А ты вот подожди меня часик, авось в час-то не умрешь! *(Целует ее.)* Ну, прощай! А то с тобой, пожалуй, эдак и вправду останешься. Ведь вы на соблазн человеческий созданы на свете! *(Идет.)*

Краснова. Приходи скорей!

Краснов. Как скоро, так и сейчас. Нет, кроме шуток, раньше часу не обернешься. *(Уходит.)*

Явление седьмое

Краснова *(вслед мужу).* Ну, прощайте! Насилу-то ушел. Несчастная я, несчастная! Говорят, надо любить мужа; а как я могу его любить? Грубый, неотесанный, ласки медвежьи! Сидит — ломается, как мужик. А тут еще притворяйся перед ним, потрафляй ему; противность какая! Вот уж ничего бы на свете не взяла, кабы не такое теперь дело вышло. Что делать-то! И не мил, да покоряйся! *(Молчание.)* Да куда ж это все разошлись? Сиди теперь одна! Такая скука! *(Садится к окну.)* И народу-то никого нет на улице, поглядеть не на кого. Куда это сестра делась? *(Запевает вполголоса.)*

Ах, матушка, скучно!
Сударыня, грустно!
Сердечушко ноет,
Ноет-занывает;
Мил про то не знает,
Как сердце страдает.

Входит Жмигулина.

Явление восьмое

Краснова и Жмигулина.

Жмигулина. Что, ушел?

Краснова. Ушел.

Жмигулина. Далеко ли?

Краснова. За реку.

Жмигулина. Долго проходит?

Краснова. Говорит: ближе часу не вернусь.

Жмигулина. Вот бы и сбегала. Я сейчас там была — он дожидается. Сегодня едет.

Краснова. Неужели сегодня? Как же это быть-то, Луша, голубушка! Не сказал ведь. Повидала б я его.

Жмигулина. Возьми мой платок, покройся хорошенько. Ишь на дворе-то совсем как сумерки, никто тебя не узнает.

Краснова. Не было бы беды?

Жмигулина. Волка бояться — в лес не ходить. Далеко ль тут, мигом добежишь. Только не засиживайся!

Краснова, Нет, нет, как можно! *(Покрывается платком.)*

Жмигулина. То-то ж, смотри! Сохрани господи, Лёв Родионыч раньше тебя придет! Что мне тогда делать! Разве сказать, что за нитками, мол, пошла

к знакомой. Хорошо, как поверит. Ты что тут с ним одна-то говорила?

Краснова. Что говорила — не знаю, что теперь делаю — не помню.

Жмигулина. Ну, беги, беги!

Краснова уходит.

Явление девятое

Жмигулина и потом Афоня.

Жмигулина *(у окна).* Ишь пустилась! Как стрела летит. А где бы ей придумать, кабы не я. Вот и собой хороша, да как ума-то нет, тоже плохо. Всему-то ее научи; смотри за ней, как за малым ребенком. Не научи я с мужем помириться, что бы было? Ссора да брань. Она бы, пожалуй, уступить не захотела; ну, значит, поминутно в доме стражение, а от соседей мараль. А теперь что хочешь делай; все шито да крыто будет.

Входит Афоня.

Афоня. Где Татьяна? Где она, где она?

Жмигулина. Зачем она тебе понадобилась?

Афоня. Нужно мне. Говори, где? Говори, где?

Жмигулина. В саду, должно быть.

Афоня. Что ты меня дурачишь! Скажи хоть раз в жизни правду! Ушла она? Говори, ушла?

Жмигулина. Может быть, и ушла.

Афоня. Это она, что ли, сейчас в ворота шмыгнула?

Жмигулина. Должно быть, она. Не за нитками ли пошла? Она давно хотела к соседке сбегать.

Афоня. За нитками?

Жмигулина. Ну да, за нитками.

Афоня. Ты врешь, врешь!

Жмигулина. Да отвяжись! Что ты пристал! Ты что деда-то бросил?

Афоня. Не твое дело. Я знаю, куда она пошла. Вы дьяволы! Вы обманули брата. Я давеча по глазам по вашим видел: у вас огни в глазах бегали, дьявольские огни.

Жмигулина. Экой ты ехидный мальчишка!

Афоня. Так погодите ж вы, погодите! Будет вам нас обманывать, выведу я вас на свежую воду.

Жмигулина. Не пугай! Не очень тебя боятся.

Афоня *(со слезами).* Господи боже мой! Что это такое? Какого человека в глаза обманывают! *(Убегает.)*

Действие четвертое
Сцена первая

ЛИЦА:
Зайчиха.
Курицына.
Афоня.
Бабаев.
Краснова.

Улица перед домом Зайчихи. Сумерки.

Явление первое

Курицына и Зайчиха (выходят из калитки).

Зайчиха. И, матушка, что ты! что ты! Как можно! Брось, не думай! Тебе так показалось. Уж поверь ты мне, что показалось.

Курицына. Толкуй, показалось! Я еще, слава богу, не ослепла. Ее ль не узнать! Да я ее сейчас из тысячи выберу по платью. У нас ведь одна модница-то только и есть; мы по праздникам того не надеваем, в чем она по будням ходит. Мы это с тобой из двери, а она к нему в дверь.

Зайчиха. Говорю тебе, ошиблась. Оно точно,

что не без греха. Есть тут одна, бегает к нему, и похожа на вашу-то, а не она. Мне что! Разве бы я не сказала? Да коли неправда, так зачем пустяки говорить.

Курицына. Ты ведь потатчица.

Зайчиха. Не греши, Уляша, не греши!

Курицына. Да что за грех, Прокофьевна! От нее станется; я ее знаю. Больно ей брат волю дал. На другую б я не подумала, а на нее и греха нет. Не нынче, так завтра начнет петли метать, что и концов не найдешь. Она брату-то очки на нос наденет! А ведь как она меня разобидела, кабы ты знала.

Зайчиха. Ужли?

Курицына. С места не сойти! Брата настроила, тот так и рычит на меня. Знать, говорит, тебя не хочу. Вот она какая! Да нет, погоди, милая! Со мной — не с кем другим.

Зайчиха. И, полно ты! Что вам делить-то! Она у себя хозяйка, ты у себя.

Курицына. Да пропадай она пропадом: мне до ней-то и дела нет; а то обидно, Прокофьевна, что она брата мутит, со всей родней его ссорит.

Зайчиха. Ну, уж это ваше дело; как-нибудь сочтетесь. Ты теперь домой, что ли?

Курицына. Домой, касатка: ужинать пора. Мой

привередник-то теперь, чай, ходит да покрикивает. Заходи к нам-то!

Зайчиха. Ваши гости.

Целуются. Прокофьевна уходит в калитку.

Явление второе

Курицына и потом Афоня.

Курицына. Кто ее знает, врет Прокофьевна или нет. Верить-то ей нельзя, баба-то плут. А дорого б я дала, чтоб мне узнать доподлинно, она теперь у барина или нет. Нешто подождать? А как она тут долго, так муж-то мне такую гонку задаст, что до новых веников не забудешь. Ну, счастлива ты, что мне некогда, а то подстерегла бы я тебя. *(Идет. Навстречу ей Афоня.)* Афоня, ты куда?

Афоня. Поди, не трожь меня! Не трожь!

Курицына. Татьяна дома?

Афоня. Нет, ушла.

Курицына. Так она тут, у барина, я ее сейчас видела.

Афоня. У барина? Господи! Где же стыд-то в людях!

Курицына. Ну, я домой побегу, скажусь мужу, да и к вам зайду. *(Уходя.)* Погоди, братец, погоди, обидчик, я теперь тебя отчитаю! *(Уходит.)*

Афоня. Батюшки! Сил моих нет! Как тут жить

на свете? За грехи это над нами! Ушла от мужа к чужому. Без куска хлеба в углу сидела, мы ее призрели, нарядили на свои трудовые деньги! Брат у себя урывает, от семьи урывает, а ей на тряпки дает, а она теперь с чужим человеком ругается над нами за нашу хлеб-соль. Тошно мне! Смерть моя! Не слезами я плачу, а кровью. Отогрели мы змею на своей груди. *(Прислоняется к забору.)* Буду ждать, буду ждать. Я ей все скажу, все, что на сердце накипело.

Из калитки выходят Бабаев и Краснова. Афоня прячется за угол.

Явление третье

Афоня, Бабаев и Краснова.

Бабаев. Чего ты боишься? на улице ни души. И куда ты торопишься, получасу нет, как ты пришла.

Краснова. Нет, нет! Все как-то сердце не на месте.

Бабаев. Что у тебя за страх такой, я не понимаю. Ну, побранит муж, да тем дело и кончится.

Краснова. Вот тогда я тоже опоздала; какой он страшный сделался, так и думала, убьет. Страшен он мне, очень страшен!

Молчание.

Ты скоро опять приедешь?

Бабаев. Через неделю, а уж много дней через десять.

Краснова. Эх, право, как это так сделалось! Ведь вот кабы по душе-то судить: ты в деревню — и я в деревню, ты в Петербург — и я за тобой.

Бабаев. Ведь я тебя звал с собой.

Краснова. Тебе хорошо: ты свободный человек, а я теперь все равно что в крепости. Вот оно мое горе-то. Да и то уж не раз мне в голову приходило, как бы к тебе убежать.

Бабаев. И отлично.

Краснова. Ты только вздумай, какова моя жизнь несчастная: что мужа обманешь, то и поживешь в удовольствие. Все обман да обман! А что хорошего обманывать-то? да и противно; не такой у меня характер. А догадайся муж, что я его не люблю, так он бранью да попреками меня в гроб сведет. Очень я понимаю, что женой быть ему не могу и что я в их семье лишняя, ну и отпустили бы меня на все четыре стороны; а кому ты это растолкуешь, кто поймет! Ты посмотри, какие они все грубые да строгие, а я к строгости не привыкла. Что за жизнь, когда воли нет.

Бабаев. Таня, ты вот что сделай: скажи ему прямо, что ты с ним жить не хочешь. Найми с

сестрой квартирку, я вам денег вышлю.

Краснова, Что ты! что ты! и думать нечего. Разве он отпустит. Хоть умирай, да при нем, у него на глазах; лучше уж я уйду потихоньку.

Бабаев. Ну, потихоньку.

Краснова. Ох, уж, право, не знаю! На словах-то все мы бойки, а как до дела дойдет, так и разум потеряешь, особенно я. Уж делай ты как знаешь. Что ты мне скажешь, так я и буду делать. Ведь ты меня любишь, погибели моей не захочешь.

Бабаев. Разумеется.

Краснова. Вот правду-то говорят, что все мы, бабы, сумасшедшие: сама ведь замуж пошла, никто меня не неволил, ну так и жить бы, как по закону следует; а меня вот к тебе тянет, из дому бежать хочу. А ты все виноват, Валентин Павлыч: через тебя теперь я от дому отбилась. Кабы не ты, жила бы как-нибудь с мужем, по крайности бы горя не знала.

Бабаев. Прекрасная жизнь! есть о чем жалеть!

Краснова. А теперешняя жизнь нешто хороша! Конечно, я не должна тебя много винить, потому что сама кругом виновата. Вам что думать! ваше дело мужское, никто тебя не осудит, а нам за все про все беда. Ну, да что делать! Теперь поздно разбирать, кто прав, кто виноват, а видно, так

надобно было этому делу случиться. Только ты не обмани меня, приезжай!

Бабаев. Ну полно, что ты! Непременно приеду.

Краснова *(целует его).* Прощай! пора мне! Что это как я вся трясусь, ноги так и подламываются.

Бабаев. Ты успокойся немного. Пойдем, я с тобой погуляю по берегу; еще успеешь домой вовремя прийти.

Уходят.

Афоня. Вот, брат Лёв, на кого ты нас променял! погляди, полюбуйся! Кто тебя любит-то душою, так ты на того зверем смотришь; я сохну, как свечка; таю все из любви да из жалости к тебе, а еще ни разу от тебя доброго слова не слыхал. В жене ты души не чаял, а она, злодейка наша, вот что делает! Нет на свете правды, нет! *(Уходит.)*

Сцена вторая

ЛИЦА:
Краснов.
Краснова.
Жмигулина.
Архип.
Афоня.
Курицын.

Курицына.

Комната третьего действия.

Явление первое

Жмигулина входит со свечой и ставит ее на стол, потом Афоня.

Жмигулина. Что это Таня нейдет! уж пора бы. Эка сумасшедшая! рада, что вырвалась, а того не подумает, что вдруг, сверх всяких ожиданий, муж вернуться может. Вот и вертись как на иголках. Только кто за дверь, так сердце и упадет. Каждая минута за год кажется. Афонька еще меня беспокоит. Куда он делся? уж не ее ль стережет? Конечно, против каждого его слова можно найти десять отговорок, а все-таки, пожалуй, сумление наведет. Ах, кто-то идет, неужто сам! сохрани господи! Я, кажется, так тут и умру.

Входит Афоня и, охая, ложится на лежанку.

Ты где был?

Афоня. Где был, там нету.

Жмигулина. Да говори, авось язык-то не отвалится.

Афоня. Не хочу я с тобой говорить.

Жмигулина *(ласково).* Аль тебе, Афоня, нездоровится?

Афоня. О господи! не трогайте меня, не трогайте! Не обманешь ты меня.

Жмигулина. Очень нужно тебя обманывать!

Афоня. Брата обманывайте, а меня не обманете. Нет, нет.

Жмигулина. Ты что-то такое говоришь довольно странное для меня.

Афоня. Ох, моченьки моей нет! Отойди — не вертись ты на моих глазах, не мучь ты меня.

Жмигулина. Тебе ж хуже, когда ты ласки не умеешь понимать.

Афоня. Не надо мне, ничего не надо.

Жмигулина. Ну, так и знай свою печку. Ты думаешь, мне нужно? так ведь, из жалости.

Молчание.

Эка безумная, эка безумная! У меня сердце не на месте.

Входит Краснов.

Явление второе

Те же и Краснов.

Краснов. Вот и я как раз. Каково обернул! Я над Татьяной Даниловной пошутил малость: ждите, говорю, через час, а сам через полчаса тут как тут, чтобы, значит, неожиданно. Оставлял чай пить, да я не остался. Эка невидаль чай, говорю

ему, у меня дома молодая жена дожидается. Да где ж они-с?

Жмигулина. Да не знаю. Тут где-нибудь. Не в сад ли вышла?

Краснов. Пошлите их поскорей, я им хочу за нынешнее их уважение подарочек сделать.

Жмигулина. Сейчас, сейчас. *(Уходит.)*

Краснов *(ходит молча, потом рассуждает сам с собою).* Пятьдесят семь рублев, шесть с костей, три на кости, девять Петру Ананьеву. *(Молчание.)* Что же они пропали? *(Ходит молча.)* Афоня, ты не знаешь, куда вышла жена?

Афоня. Не знаю. Ох, неможется мне!

Краснов. Да что же они проклаждаются? *(Подходит к двери.)* Татьяна Даниловна! Лукерья Даниловна! И голосу не подают. Что же это такое теперича значит? Афонасий, да где же жена?

Афоня. Аль соскучился без нее? придет, не бойся. Где ни гуляет, а домой придет.

Краснов *(у двери).* Татьяна Даниловна!

Входит Курицына.

Явление третье

Те же и Курицына.

Краснов. Кто это? это ты, Ульяна?

Курицына. Я, братец.

Краснов. Зачем?

Курицына. Навестить вас, братец, по-родственному.

Краснов. Не больно-то я нуждаюсь.

Курицына. У вас, братец, сердце, у меня другое; я так вот не могу об родне не вспомнить. Где невестушка-то?

Краснов. Да где-то тут запропастилась. Кличу их, да не докличусь.

Курицына. Да, может, далеко где, так вашего зова не слышит.

Краснов. Где же далеко? Говорят тебе, что дома.

Курицына. Кто говорит-то? Не сестрица ли Лукерья Даниловна?

Краснов. Хоша бы и она.

Курицына. А ты и поверил. Эх ты, простота, простота!

Краснов. Уйди, сестра! Уйди от греха!

Курицына. Да ты опомнись, что ты кричишь-то! Я своими глазами видела, как она к барину прошла.

Краснов. Эка роденька у меня! Счастье мое им поперек горла стало. Вàрварка ты, ненавистница. Убить тебя мало за язык твой, за проклятый! *(Замахивается.)*

Афоня *(встает с печи).* Тише ты, тише! Что буянишь?

Краснов. Вместе вас обоих на одну осину.

Афоня *(заслоняя сестру).* Не трожь ее, пальцем не трожь! Она правду говорит, истинную правду.

Краснов. Врете вы, ненавистники! Часу нет, говорю я вам, часу нет, мы с ней тут сидели, целовалися, обнималися, в глаза друг другу глядели, наглядеться не могли.

Курицына. Батюшки, да он помешался! Ты ума рехнулся! Да поди сам погляди, коли нам не веришь.

Краснов *(у двери).* Лукерья Даниловна!

Курицына. Кличь, кличь, и она туда ж побежала.

Входит Курицын.

Явление четвертое

Те же и Курицын.

Курицын. Что шумишь, аль жену учишь? Хорошенько ее, чтоб она из дому не бегала.

Краснов. Да где же она? Где же она? Пожалейте вы меня: ведь вы из меня жилы тянете.

Курицын. Да авось придет, — не ночует же она там.

Курицына. Да вы, братец, успокойтесь, сядьте!

Курицын. Да все и подождем ее, сударушку.

Краснов. Ласкала, миловала, крепко к сердцу прижимала.

Краснова тихо входит и оглядывает всех.

Явление пятое

Те же и Краснова.

Краснов. Где была-побывала? Весело ль погуляла? Говори, не утаивай! Что ж ты молчишь? Говори! Видишь, все на мой срам глядеть сошлись.

Курицына. Что ж ты молчишь, бесстыжие твои глаза! Отмолчаться, что ль, думаешь? Видели мы, как ты и туда прошла и назад вышла.

Курицын. Топни, брат, на нее, топни хорошенько, заговорит.

Краснов. Да не мучь ты меня! Скажи ты мне, как на тебя смотреть-то, какими глазами? Врут, что ль, они? — так гнать их вон, чем ни попадя! Аль, может, правду говорят? Освободи ты мою душу от греха. Скажи ты мне, кто из вас враг-то мой? Была ты там?

Краснова. Что ж мне теперь лгать, когда уж все видели. Была.

Краснов *(потерявшись).* Ну вот, добрые люди, вот… вот оно дело-то! Что же теперь? Как же я?..

Ну, простите меня окаянного, что я вас обидел! Как чужие жёны — я не знаю, а у нас вот как.

Курицына. Вот и посмотрим теперь на твою спесь. Как теперь в люди нос-то покажешь, бесстыдница! Осрамила брата-то у нас, осрамила!

Афоня. Змея, змея!

Курицын. Что на нее смотреть-то! Тут же ее сейчас и расказнить надо.

Входит Архип.

Явление шестое

Те же и Архип.

Архип. Аль наказанье какое божеское? Что за шум? Не пожар ли? Не вижу ведь.

Курицына. Да вот невестушка дел наделала! Кабы я на месте брата, так бы взяла ее да и разразила.

Краснов. Прочь, прочь! Никто, никто пальцем не тронь! Я ей муж, я ей и судья. Ну, скажи мне, что ж это ты, как? С чего ты загуляла-то? Грех, что ли, тебя попутал? сама ты не гадала этого над собой, не чаяла? Или своей охотой, что ли, на грех пошла? Теперь-то ты что? Сокрушаешься об делах своих аль нет? Аль, может, ты думаешь, что так и надо? Говори, что молчишь! Совестно тебе людей-то теперь аль весело? Стыд-то у тебя

есть в глазах аль рада ты своим делам? Да что ты, каменная, что ли! Валяйся у всех в ногах, распинайся! Или уж прямо мне в глаза говори, что ты назло мне сделала! Чтобы мне знать-то, что делать-то с тобой — жалеть ли тебя, убить ли тебя? Хоть малость-то ты любила ль меня; есть ли за что мне хоть пожалеть-то тебя? Или все уж обманывала, что ли? во сне, что ли, мне снились мои красные дни?

Краснова *(со слезами).* Я виновата, Лёв Родионыч, я вас обманула. Не любила я вас никогда и теперь не люблю. Уж лучше вы меня оставьте, чем нам обоим мучиться. Лучше разойдемтесь!

Краснов. Как разойтись? Куда разойтись? Нет, врешь! А на ком же я свою обиду возьму? Ты говоришь, что не любишь меня и не любила, а я, видишь ты, по городу ходил да ломался, что меня барышня любит распрекрасная. На ком мне этот стыд теперь взять? Пошла в кухню! Не умела быть женой, будешь кухаркой! Не умела с мужем ходить об руку, ходи по воду. Ты меня в один день состарила, и я теперь над твоей красотой погуляю! Что ни день, что ни взойдет солнце красное, кроме тычка наотмашь да попрека не дождешься ты от меня весь свой век; разве как-нибудь, под сердитую руку, убью тебя как собаку. Да подайте

мне ножик!

Краснова убегает.

Афоня. Братец! братец! Она уйдет, уйдет сейчас.

Краснов. Не уйти ей от меня.

Афоня. К барину уйдет. Я слышал, как они сговаривались уехать в деревню.

Краснов. Да кто ж у меня ее возьмет, коли я ее не отдам? Где это такая сила есть на свете, которая у меня ее отымет? Только разве с руками оторвут.

Афоня *(заглядывая в дверь).* Братец! собирается. Уйдет, братец!

Краснов *(отталкивая его).* Прочь! От мужа только в гроб, больше никуда! *(Уходит. Слышен крик Красновой: «Пустите меня!» Возвращается.)* Вяжите меня! Я ее убил.

Афоня. Ништо ей!

Курицына. Ах, голубчик! Что теперь с твоей головушкой будет?

Архип. Где он? Где он? Ведите меня к нему!

Афоня подводит.

Что ты сделал? Кто тебе волю дал? Нешто она перед тобой одним виновата? Она прежде всего перед богом виновата, а ты, гордый, самовольный человек, ты сам своим судом судить захотел. Не

захотел ты подождать милосердного суда божьего, так и сам ступай теперь на суд человеческий! Вяжите его!

Курицын. Не ждал, не гадал, а в беду попал! Беда не пò лесу ходит, а пò людям.

Тяжелые дни

Сцены из московской жизни, в трех действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Василий Дмитрич Досужев, чиновник, занимающийся частными делами.

Андрей Титыч Брусков, купеческий сын.

Василиск Перцов, служил в какой-то службе. Теперь давно в отставке, праздношатающийся человек.

Александра Петровна Круглова, купеческая дочь.

Молодой человек, незначительный чиновник.

Девушка и разные проходящие лица без речей.

Грот в Кремлевском саду, перед ним площадка. Через сцену изредка проходят люди разного звания.

Явление первое

Досужев прохаживается перед гротом; навстречу ему идет молодой человек.

Молодой человек. Скажи, пожалуйста, где ты пропадаешь? Ты точно сквозь землю провалился. У нас без тебя никакого веселья нет.

Досужев. Какое веселье! Проходи мимо! Я теперь всего себя посвятил на пользу человечества.

Молодой человек. Полно! Я тебя знаю: ты ведь шут гороховый! Какую ты пользу можешь оказать человечеству! У тебя какая-нибудь новая потеха на уме.

Досужев. Вот видишь ты, я теперь изучаю нравы одного очень дикого племени и по мере возможности стараюсь быть ему полезным.

Молодой человек. Ничего не понимаю. Ты скажи по крайней мере, где ты живешь теперь?

Досужев. Ну, я объяснюсь проще: я оставил службу и занимаюсь частными делами. А живу в той стороне, где дни разделяются на легкие и тяжелые; где люди твердо уверены, что земля стоит на трех рыбах и что, по последним известиям, кажется, одна начинает шевелиться: значит, плохо дело; где заболевают от дурного глаза, а лечатся симпатиями; где есть свои астрономы, которые наблюдают за кометами и рассматривают двух человек на луне; где своя политика, и тоже получаются депеши, но только все больше из Белой Арапии и стран, к ней прилежащих. Одним словом, я живу в пучине.

Молодой человек. Где же эта пучина?

Досужев. Везде; стоит только опуститься. Она к северу граничит с северным океаном, к востоку с восточным и так далее. Я переехал на самое дно. Милости просим. Вот мой адрес. *(Подает адрес.)* Заезжай ко мне, я тебе покажу такие чудеса, что останешься доволен.

Молодой человек. Какие выгоды доставляет тебе твое занятие?

Досужев. Выгоды довольно большие; а главное, что ни дело, то комедия.

Подходит Перцов.

Явление второе

Те же и Перцов.

Досужев *(протягивая Перцову руку).* Bonjour! Вот, например, господин Перцов! Рекомендую. Знаешь ли ты, чем он занимается?

Молодой человек. Почем же мне знать!

Досужев. Он сочинитель, сочиняет фальшивые документы.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, при посторонних такие слова…

Досужев. Ничего, будьте как дома. Ну, где это может быть, кроме пучины? Человек ничего ровно не делает, живет барином на чужой счет, буйством приводит в ужас всю окрестность и

пьет, как сорок тысяч братьев не могут пить.

Перцов. Неуместные шутки, господин Досужев!

Молодой человек. Ну, прощай!

Досужев. Прощай, заходи!

Молодой человек. Непременно зайду. *(Уходит.)*

Досужев *(Перцову).* Ну, и… Чего ж вы еще дожидаетесь? Дело кончено, и толковать нам с вами не о чем.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, вы мне скажите, как благородный человек: отдадите вы мне этот документ или нет?

Досужев. За четверик бриллиантов, извольте.

Перцов. К чему эти злые насмешки над несчастием ближнего? Вы знаете, я беден.

Досужев. Но благороден.

Перцов. Кто же смеет сомневаться!

Досужев. А фальшивые-то документы зачем писать? Какое же это благородство?

Перцов. Удары судьбы и роковая необходимость заставили меня прибегнуть к этому не всеми одобряемому способу.

Досужев. Какая же роковая необходимость? Вы могли бы служить, у вас такая величественная физиономия. Да и кроме физиономии, вы всем

обеспечены: ваши родные дают вам квартиру, стол, да и денег гораздо больше, чем мы своим горбом заработываем. А вы за это на сестру фальшивый вексель написали да передали какому-то мошеннику.

Перцов. Господин Досужев, это дела или, лучше сказать, тайны семейные. Они должны быть скрыты под покровом неизвестности.

Досужев. Хороши тайны! Женщина ни душой, ни телом не виновата, вдруг с нее требуют по векселю деньги, да еще стращают, хотят представить ко взысканию. Если б она повела дело-то как следует, то есть допустила вас представить вексель ко взысканию, да и подала бы отзыв, что подпись-то под векселем фальшивая: что бы тогда произошло? Штука плачевная!

Перцов. Я сознаюсь вам, как человеку благородному, что в этом случае я вышел из пределов приличия и подвергал себя большой неприятности.

Досужев. А как вы думаете, какой?

Перцов *(улыбаясь).* Я мог провести остаток дней моих в тундрах севера.

Досужев. Совершенно справедливо, именно в тундрах севера.

Перцов. Господин Досужев, я очень хорошо

понимаю мое ослепление; но войдите в мое положение, и вы поймете все фибры души моей, которые подвигнули мою совесть действовать без зазрения. Имея возможность жить под покровом благодеяния моих родных, я оставил службу; но, хотя я и предался бездейственной и праздной жизни, все-таки они не должны забывать, что я имею благородное звание, которое приобрел на поприще службы.

Досужев. Они и не забывают.

Перцов. Да. Но, по их невежественному заблуждению, я не всегда имею достаточно финансовых средств для поддержки нашей фамилии, которую я облагородил. Я с некоторого времени лишился даже кредиту.

Досужев. В Марьиной роще?

Перцов. И в некоторых других заведениях. Я несколько раз обращался с требованием к моим родственникам, но, не видя для себя благоприятного результата, я решился…

Досужев. Сделать фальшивый вексель…

Перцов. Но ведь сестра заплатила по нем, значит признала его.

Досужев. То-то и есть, что нет. Она его и не видала; я заплатил деньги и получил его с бланковою надписью.

Перцов. На что же он вам?

Досужев. Для редкости. Я такие вещи собираю.

Перцов. Никакой редкости нет, дело очень обыкновенное. Я очень хорошо знаю, что вы выкупили его на сестрины деньги; не захотите же вы требовать с нее в другой раз по этому векселю.

Досужев. А почем вы знаете? Может быть, придет время, когда я и потребую?

Перцов. Но будет ли это благородно?

Досужев. Очень. Она в другой раз и не заплатит, а дело пойдет прямо в уголовный суд.

Перцов. Господин Досужев, вы готовите новые испытания для суровой души моей; вы хотите, чтобы мой жалкий жребий находился в ваших руках…

Досужев. Может быть.

Перцов. Но для чего?

Досужев. Для того, чтобы изредка напоминать вам о тундрах севера.

Перцов. Но зачем же играть, как игрушкой, судьбой человека души непреклонной?

Досужев. Я вам скажу зачем. Вы страх и трепет для всей окрестности; вы наводите ужас на мирных обывателей; при одном вашем имени весь женский пол в нашей стороне приходит в содрогание; все извозчики от вас разъезжаются,

все лавочники от вас разбегаются, как от чумы; из всякой малости вы заводите мамаево побоище.

Перцов. Я согласен, я жесток; но я караю только за неуважение.

Досужев. Вы караете тех, кто слабее вас и с кого взять нечего. А с богатыми людьми у вас другая политика: вы заводите ссору, лезете в драку да потом требуете за бесчестье.

Перцов. Моя личность, как благородного человека, ограждена законом против всяких превратностей, и я по праву требую бесчестье за оскорбление.

Досужев. Вот по этому-то случаю я, как сосед ваш, и хочу, для безопасности, иметь всегда под руками оружие на случай встречи с вами.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, покроемте все это дело покровом вечного забвения.

Досужев. То есть как же?

Перцов. Отдайте мне вексель!

Досужев. Нет, уж это зачем же?

Перцов. А если так, пусть он останется у вас; но, господин Досужев, бойтесь разорвать завесу, скрывающую эту тайну.

Досужев. Нет, уж лучше вы бойтесь меня!

Перцов. Не ожидал, господин Досужев, не ожидал. Но я надеюсь, что мы, как благородные люди,

останемся друзьями. *(Протягивает Досужеву руку.)*

Досужев. Очень приятно.

Перцов. Честь имею кланяться. *(Уходит.)*

Досужев. Ишь ты, франт какой! Как же, отдам я тебе вексель, дожидайся! Я рад, что могу теперь безопасно по улицам ходить. Ты ведь разбойник известный!

Подходит Андрей Титыч.

Явление третье

Досужев и Андрей Титыч.

Досужев. А, милый друг, Андрюша, здравствуй!

Андрей Титыч *(кланяясь).* Василью Митричу!

Досужев. Покурить хочешь?

Андрей Титыч. Пожалуйте папироску!

Досужев достает папиросы, закуривают.

Досужев. Куда, мой друг, стремительно спешишь?

Андрей Титыч. Маменька послали к тятеньке, они теперь в суде по делу, так чтоб домой вместе. А то, пожалуй, уедут куда с судейскими, да и загуляют. А если они загуляют-с, так уж лучше беги все из дому вон, потому такая война пойдет дня на три, что хуже французского разорения. К тому

же нынче маменька не пускали тятеньку в суд, потому нынче понедельник — тяжелый день, а маменька этому очень веруют; ну, а тятенька не послушались, так маменька еще больше боятся.

Досужев. Отчего ж ты пешком? Лошадей, что ли, у вас нет? Врешь ты, должно быть. Не назначил ли здесь, в саду, какого свиданьишка?

Андрей Титыч. Нет-с, Василий Митрич, не до того-с! Я вам скажу, просто нет никакой возможности на свете жить, вот что.

Досужев. Отец, что ли, свирепствует?

Андрей Титыч. Кому ж еще! Известно, тятенька! И прежде тятенька были люты, а теперь уж и описать нельзя. До того дошли, что никаких себе границ не знают.

Досужев. Воюет, что ли, очень?

Андрей Титыч. Теперича в газетах про черкесов пишут, что они злые хищники и бунтовщики; так поверьте душе моей, что ни одному черкесу того не сделать, что тятенька могут.

Досужев. Что ж за причина такая?

Андрей Титыч. Все насчет моей женитьбы. Помыкают мной так, хуже чего быть не может. Повезут меня невесту смотреть, куда им вздумается, и сейчас там из-за приданого или из чего другого ссору заведут, крик подымут, так домой

и уедут. Потом в другом месте то же самое. Вот теперь в Таганке: поверите ли, с матерью невесты два раза нехорошими словами ругались; поругаются, недели две не ездят, потом опять помирятся. А уж я не то чтоб сказать что, а и дышать-то не смею. Невесты же, Василий Митрич, вот уж мы их, никак, восемь смотрели, все мне не по сердцу-с; только что одно телесное сложение, а больше ничего нет-с.

Досужев. Жаль, брат, мне тебя, Андрюша.

Андрей Титыч. И к тому же, по моим чувствам, мне теперь жениться никак невозможно-с.

Досужев. Отчего же?

Андрей Титыч. Я теперича оченно влюблен-с.

Досужев. Что ты!

Андрей Титыч. Уж это так точно-с.

Досужев. В кого же?

Андрей Титыч. Уж есть такая девушка-с.

Досужев. Как же это тебя догадало?

Андрей Титыч. Да разве долго-с? Один раз взглянул — и довольно-с.

Досужев. Ну, что ж, старайся, хлопочи!

Андрей Титыч. Хорошо вам разговаривать-то! Как тут хлопотать! Кабы я человек был, тогда другое дело; а то что я такое? Арестант какой-то, да еще хуже. Свободы никакой не имею, выходу

из дому нет.

Досужев. А из каких она?

Андрей Титыч. То есть вы насчет моего предмета?

Досужев. Да, насчет твоего предмета.

Андрей Титыч. Из купеческих, только не из богатых.

Досужев. Что ж, ты познакомился али одними взглядами пробавляешься?

Андрей Титыч. Оченно хорошо знакомы, даже у нас в доме бывают-с; только оченно неспособно дома разговаривать-с.

Досужев. Что ж ты, в любви объяснился?

Андрей Титыч. Да вам на что же-с? Собственно только для смеху-с?

Досужев. Ну, вот еще!

Андрей Титыч. Уж я вас знаю-с. Да мне что ж! Смейтесь, пожалуй! Мы свое дело знаем.

Досужев. Ну, как же ты с ней объяснялся? Скажи, Андрюша, голубчик!

Андрей Титыч. А вот как-с! Были они у нас как-то с матерью в гостях, да и засиделись, так что уж смерклось почти. Вот старуха-то и говорит: «Как же мы так поздно пойдем?» А маменька им на это: «Да вот Андрюша вас проводит». А я этому делу и рад; сейчас шапку в руки и говорю: «С большим

нашим удовольствием». Вот пошли-с, старуха сзади, а мы впереди-с. Только она меня и спрашивает: «Вы, говорит, любите шибко ездить?» Я говорю: «Это первое мое удовольствие». — «Я тоже, говорит, сама до смерти люблю. Хорошо бы, говорит, знать, что человек думает». — «А для чего же, говорю, вам знать-с?» — «А для того, говорит, что сейчас можно видеть, правду человек говорит или нет». — «А разве, говорю, так нельзя этого заметить?» — «Я, говорит, никогда не могу заметить; я всему верю, что мне говорят. Отчего, говорит, вы никогда к нам не зайдете?» — «Оттого, говорю, что не своей волей живу». — «Вон, говорит, окошко, я всегда подле него сижу; вы каждый день мимо ездите, а никогда не взглянете; а я так не в вас, без того от окна не встану, чтобы не дождаться, как вы из городу проедете». Так меня эти слова за сердце и ухватили, а сказать ничего не умею. «Жаль мне вас, говорит, такой вы робкий». — «Я, говорю, очень робок-с». Тут мы подошли к дому, остановились, старуха прошла в калитку; а я сейчас оглянулся, вижу — на улице никого нет, не говоря худого слова, в охапку ее, да и поцеловал-с.

Досужев. Ну и молодец!

Андрей Титыч. Она как прыгнет в калитку, и

сейчас ее захлопнула. Так мне стало совестно, лучше бы я, кажется, на этом самом месте сквозь землю провалился.

Досужев. Вот хвалю! Ты всегда, что ли, так?

Андрей Титыч. Да что про меня, дурака, и говорить-с! Одно слово, невежа в высшей степени, облом, как есть. Поленом бы меня в те поры хорошенько.

Досужев. Ну, как же ты после? Подыгрался опять, или все еще сердится?

Андрей Титыч. Все сердится-с.

Досужев. Ты девичьему-то сердцу не очень верь.

Андрей Титыч. Разве я не знаю-с; да эта девушка-то другой сорт-с. Всем нашим барышням, которые даже и в пансионе воспитывались, до нее далеко. Я хоша и дурак, а вижу.

Досужев. Ну, твое счастье! Что ж, неужели ты так и бросил свое волокитство?

Андрей Титыч. Эх, Василий Митрич! Уж так и быть, всю вам истинную правду расскажу. Вот проходит неделя, мучусь я совестью через свое невежество, а идти к ним боюсь. Проходит другая, третья; да уж и сам не знаю, как-то осмелился: дай, думаю, пойду. Что ни будет, то будет.

Досужев. Разумеется.

Андрей Титыч. Прихожу я к ним, она одна сидит, работает. Взглянула на меня-с, и вдруг у ней в одну минуту слезы на глазах-с. Начал я извинения просить в своем собственном невежестве, а она мне на мои извинения ничего не говорит, а твердит только одно: «Что ж вы не приходили? Что ж вы не приходили? Значит, это была только шалость с вашей стороны?» Я опять даже со слезами начинаю ее просить-с: «Вы, говорю, только меня простите, а уж я вперед, говорю, никогда не осмелюсь». Она взглянула на меня и засмеялась: «В чем, говорит, простить-то! Грех-то небольшой». А у самой, гляжу, опять слезы на глазах. Тут мать вошла, я за шапку да домой. Что же это такое, Василий Митрич?

Досужев. Известно, что. Значит, она тебя любит. Надо с тебя магарыч.

Андрей Титыч. За этим дело не станет-с. Только прихожу я домой-с, хочу ей самое жестокое письмо написать, а тятенька вдруг ко мне: «Что, говорит, ты шляешься, как саврас без узды! Собирайся, говорит, ехать невесту смотреть!» Как тут жить!

Досужев. Что делать-то! Терпи, казак, атаманом будешь! Что ж, ты послал письмо?

Андрей Титыч. Послал-с.

Досужев. Что же ты написал? Ну, сделай милость, Андрюша, скажи!

Андрей Титыч. Все чувства свои выразил, какие только есть. Три дни писал. И в конце пишу, чтобы она мне на ответ написала, где я ее могу видеть и когда, и чтобы никого при том не было, и что если мне будет в этом отказ, то я могу себя потерять через это, и она будет за меня богу отвечать. Это письмо я вчера отдал нашей девушке и сейчас же ответ получил. Я вас давеча обманул немного-с. Пишет, что она пойдет в город, и чтобы я сегодня утром был в Кремлевском саду, здесь мы и можем видеться.

Досужев. Значит, ты в суд не пойдешь?

Андрей Титыч. В суд само собой-с. Да ведь еще теперь рано-с.

Досужев. Ведь отец твой сам ничего не смыслит, кто же вам дела стряпает?

Андрей Титыч. Был Сахар Сахарыч, да его теперича за безобразие прогнали; а теперь у нас умнейший человек: Харлампий Гаврилыч Мудров.

Досужев. Да, дурак известный. Его лет тридцать тому назад из управы за взятки выгнали. И дела ничего не знает: он только те законы и помнит, которые при нем были. Даром деньги берет. А ты

скажи отцу про меня; я и лучше сделаю, и возьму дешевле.

Андрей Титыч. Хорошо-с. У нас ведь все больше дела по тятенькиному буйству-с. Уж вы, Василий Митрич, меня оставьте, а то нам будет совестно вас.

Досужев. Что дашь?

Андрей Титыч. Что угодно-с.

Досужев. Обедом угостишь с шампанским?

Андрей Титыч. Да помилуйте! Нешто об этом какой разговор быть может-с! Вон они идут-с.

Досужев. Ну, так я в гроте тебя подожду. *(Уходит в грот.)*

Входят Александра Петровна Круглова и девушка.

Явление четвертое

Андрей Титыч и Александра Петровна.

Андрей Титыч *(кланяясь).* Наше вам почтение-с!

Александра Петровна. Здравствуйте!

Андрей Титыч. Чему это приписать-с?

Александра Петровна. Что приписать?

Андрей Титыч. Ваше снисхождение-с.

Александра Петровна. Вы такое письмо написали, что я не могла не прийти. Вы пишете, что

можете себя потерять.

Андрей Титыч. Это так точно-с.

Александра Петровна. Что же это значит, что вы себя потеряете? Как же вы себя потеряете?

Андрей Титыч. Оченно просто-с. Сделать загул хороший, да так всю жизнь этим делом и заниматься-с.

Александра Петровна. Что это вы говорите! Это слушать страшно.

Андрей Титыч. С горя-то что-нибудь сделаешь над собой. Жизнь-то моя вам известна. Дома все одно что в остроге, знакомства хорошего по своему образованию не имею, любить меня за мое невежество никто не соглашается; а еще, пожалуй, женят на уроде. Какая это жизнь! Только одно и остается, что запить-с. Да ведь это я вам говорю кроме всяких шуток-с. Вы сами изволите видеть, у вас примеры на глазах. Может быть, не одна сотня нашего брата, очень хороших людей, таким манером погибла. Значит, и мне не уйти своей судьбы, потому что я не лучше других.

Александра Петровна *(тихо).* Чем же я могу помочь вам?

Андрей Титыч. Какая помощь-с! Никто меня из этого омута не вырвет, разве только одна могила.

Александра Петровна *(ласково).* Что же вам нужно от меня?

Андрей Титыч. Я только хотел знать насчет ваших чувств-с.

Александра Петровна. Да что же вам до моих чувств? Ведь вам жениться на мне не позволят.

Андрей Титыч. Хоша и не позволят-с, все-таки я буду знать, что хоть один человек на свете меня любит. Да при всем том, уж я тогда тятеньке про все скажу прямо, как отрежу, пущай хоть убьет. Да и маменьку заставлю, так и будем к нему приставать; побьется, побьется, да, может, и сжалится. Много я всякой муки натерплюсь, да уж по крайности…

Александра Петровна. Если я и выду за вас, каково мне будет жить в вашей семье!

Андрей Титыч. Нет, уж тогда чтобы врознь-с. Я уж тогда буду женатый, значит могу больше разговаривать. Теперь меня за человека не считают, собственно потому, что холостой, а тогда совсем другое дело-с.

Александра Петровна. Ну, что же мне вам сказать на это?

Андрей Титыч. Что чувствуете, то и скажите. Теперь я весь в ваших руках. Через вас только я и могу быть человеком; а то я чувствую сам в себе,

что таких делов могу наделать, что чертям будет тошно. Со мной то делается, чего никогда не бывало: отчаянность какая-то стала находить-с. Так вот кинулся бы на народ, да и грыз всех зубами. А ежели в этаком разе да запить, так ведь каких крамболей наделать можно: ума помрачение! Теперича я скромный-с, а ежели только начать, так я чувствую, что во мне вся тятенькина натура покажется.

Александра Петровна. Ах, какой вы, Андрей Титыч! Да разве вы не видите, что я вас давно люблю!

Андрей Титыч. Ежели это так точно, как вы говорите, значит счастливее меня человека нет. Я так о себе понимаю.

Александра Петровна. Ну, и слава богу! Я и очень рада.

Андрей Титыч. Теперь уж я ваш по гроб жизни…

Александра Петровна. Нехорошо здесь разговаривать-то: народу очень много; а вы лучше приходите ужо к нам.

Андрей Титыч. Коли урвусь, так непременно-с.

Александра Петровна. Ну, прощайте! *(Шепотом.)* Миленький мой!

Андрей Титыч. Эх! Надо бы ручку, поцеловать-с, да народ.

Александра Петровна. Теперь уж ручку! Испугался!

Андрей Титыч. Школить надо нашего брата, так мы будем обращение понимать; а мало-мальски слободно пустить, так ведь для нас границ нет. До приятного свидания-с.

Александра Петровна и девушка уходят. Досужев выходит из грота.

Явление пятое

Андрей Титыч и Досужев.

Досужев. Ну, что, приладил дело?

Андрей Титыч. Приладил-с. Теперича какое прикажете угощение, всякое можем. Я полагаю, нам к Гурину идти-с. Теперича я так рад, что меня даже опасно одного оставлять-с, как бы я от радости какого-нибудь колена не выкинул!

Досужев. А ты порядку не теряй! Держи себя в струне!

Андрей Титыч. Хорошо вам разговаривать-то! Вас, может быть, женщины любили, так для вас это ничего; а ведь меня в первый раз в жизни-с. Пожалуйте к Гурину-с!

Уходят.

Действие второе

ЛИЦА:

Тит Титыч Брусков, богатый купец.

Настасья Панкратьевна, жена его.

Андрей Титыч, сын их.

Харлампий Гаврилыч Мудров, стряпчий, пожилой человек, очень важного вида, качает головой и грустно улыбается.

Наталья Никаноровна Круглова, купчиха.

Александра Петровна, ее дочь.

Луша, горничная девушка.

Гостиная в доме Брусковых.

Явление первое

Луша и Наталья Никаноровна Круглова (входят).

Луша. Вы из саду, Наталья Никаноровна?

Наталья Никаноровна. Из саду.

Луша. Сама-то идет тоже?

Наталья Никаноровна. Да, сейчас за мной.

Луша. Так надо велеть самовар ставить.

Наталья Никаноровна. Она уж приказала. Что

это, девушка, ваши хозяева-то какие скучные, какая тоска с ними?

Луша. Уж и не говорите! Такое-то постылое житье, не накажи господи!

Наталья Никаноровна. Диви б денег не было, а то с такими-то деньгами, да все думают о чем-то да сокрушаются. Мы с дочкой люди небогатые, а не в пример веселее вашего живем. А будь-ка у меня деньги…

Луша. Уж какая у вас дочка красавица! Вот бы нашему Андрею Титычу.

Наталья Никаноровна. Что ж мне, набиваться, что ли, коли не хотят? Как же, была оказия! Да она к вашей жизни и не привыкнет: у нас каждый день веселье, а здесь точно хоронят кого. Я и постарше ее, да, кажется, с тоски бы пропала. Мы живем не по-вашему: у нас, что ни день, либо мы в гостях, либо у нас гости, а то так за город. Я так рассуждаю, милая: ученье наше было на медные деньги; как образованные люди живут, мы жить не можем, а денег-то на наш век хватит; по крайности, мы хоть весело поживем.

Луша. Пойти чай готовить! Никак, сама идет. *(Уходит.)*

Входят Мудров и Настасья Панкратьевна.

Явление второе

Мудров, Настасья Панкратьевна и Наталья Никаноровна.

Настасья Панкратьевна. Что это Кит Китыч не едет! У меня сердце не на месте. Присядьте, любезные гости!

Мудров. Присядем-с, присядем-с. Отчего не присесть. Ох-ох-ох! Грехи наши тяжкие!

Садятся.

Настасья Панкратьевна. Тяжкие, батюшка, тяжкие! *(Наталье Никаноровне.)* Да где ж дочка-то ваша?

Наталья Никаноровна. Да, чай, в саду гуляет.

Настасья Панкратьевна. Ну, пущай гуляет.

Наталья Никаноровна. Что ей с нами-то делать! Что мы ей за компания! Разговоры наши слушать скучно.

Настасья Панкратьевна. Скучно, матушка, скучно. Уж посидите вы у меня, бога ради, подождемте вместе Кит Китыча. Все как-то при людях лучше, а то одной-то мне страшно.

Молчание.

Так вот, Урлапий Гаврилыч, я и говорю…

Мудров. Харлампий, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Да, Харлапий Гаври-

лыч! Так вот я и говорю: тяжело на свете-то жить! Уж как тяжело!

Мудров. Да, не легко-с, не легко-с.

Настасья Панкратьевна. Особенно кому с большими деньгами.

Наталья Никаноровна. Ну, еще с деньгами-то стерпеть можно, вот без денег так плохо.

Настасья Панкратьевна. Как это можно! Какое сравнение! Без денег не в пример легче жить. Без денег-то какая забота! Только б был сыт, вот и все.

Наталья Никаноровна. А с деньгами-то что? Только что причуд больше.

Настасья Панкратьевна. Как это вы говорите! Да деньги-то что такое? Ведь деньги-то — кандалы!

Мудров. Ох, кандалы, сударыня, кандалы!

Настасья Панкратьевна. Ежели теперь у нас очень много денег, значит мы должны жить точно так, как другие прочие богатые люди живут; а то нас всякий осудить может. Значит, уж я никакого удовольствия с деньгами не могу себе иметь, а должна только смотреть даже до всякой малости, как у других, чтобы все так точно, и сама потрафлять. А не сделай я так точно, так ведь меня засмеют. А как это тяжело, особенно в летах!

Ну их, эти деньги проклятые! Я и глядеть-то на них боюсь. Мне один странник сказывал, что ежели часто смотреть на них, так от этого сердце ожесточается.

Наталья Никаноровна. Без денег-то скорей ожесточится.

Настасья Панкратьевна. Уж вы, Наталья Никаноровна, не спорьте! Уж странник знает, что говорит. Значит, он в каких-нибудь книгах читал. Урлапий Гаврилыч…

Мудров. Харлампий, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Уж извините, батюшка, все сбиваюсь. Язык-то один, приболтается. Скажите, Харлапий Гаврилыч, есть такие книги?

Мудров. Книги? *(Вздыхает.)* Книги-с? Книги всякие есть-с.

Настасья Панкратьевна. Вот бы почитать когда!

Мудров. Книги всякие есть-с, да не всякие читать нужно.

Настасья Панкратьевна. Каких же это книг читать не нужно?

Мудров. Светских-с. Светских книг нетвердым умам читать нельзя-с.

Настасья Панкратьевна. Какие же такие светские книги? Это что гражданскими словами

написано?

Мудров. Не в том сила, сударыня; а надо знать, какой дух в книге.

Настасья Панкратьевна. А как ее узнаешь, какой в ней дух?

Мудров. Я знаю-с. Другой не знает, а я знаю, какой дух. Вот поэтому-то нетвердым умам и нельзя всякую книгу читать, а надо спроситься. Я могу, я читаю, я всякую книгу читаю. Я читаю, а сам не верю тому, что написано; какие бы мне документы ни приводили, я не верю; хоть будь там написано, что дважды два — четыре, я не верю, потому что я тверд умом.

Настасья Панкратьевна. Зачем же пишут такие книги, которые читать нельзя?

Мудров. От заблуждения; совратились.

Настасья Панкратьевна. Совратились, батюшка, совратились!

Мудров. Вот хоть нынешние так называемые романы! Не то что молодого человека, но даже и старца многолетнего могут в соблазн ввести.

Наталья Никаноровна. Какой там соблазн: просто сказки. Есть веселые, есть скучные.

Мудров. Какой соблазн-с? А вот какой соблазн: в этих сказках любовь человеческая изображается для взоров в привлекательном виде.

Наталья Никаноровна. Ну, так что ж за беда?

Настасья Панкратьевна. Уж нам этих книг не читать. Вот хороших-то бы книг почитала. Только вот… как вас, батюшка?

Мудров. Харлампий Гаврилыч.

Настасья Панкратьевна. Только вот, Харлапий Гаврилыч, в хороших-то книгах очень нехорошо про богатство пишут.

Мудров. Да, не одобряют-с, очень не одобряют-с.

Настасья Панкратьевна. Вот оно и страшно такие книги-то читать.

Наталья Никаноровна. Да лучше не читать никаких, меньше думается.

Настасья Панкратьевна. От думы-то ведь тоже вред человеку.

Мудров. Дума разная бывает-с, разная.

Настасья Панкратьевна. Да какая хочешь дума, все человек худеет от нее; уж на нем того тела нет. Вот я еще мудреных слов боюсь.

Мудров. Да, есть слова, есть-с. В них, сударыня, таинственный смысл сокрыт, и сокрыт так глубоко, что слабому уму-с…

Настасья Панкратьевна. Вот этих-то слов я, должно быть, и боюсь. Бог его знает, что оно значит, а слушать-то страшно.

Мудров. Вот, например-с…

Настасья Панкратьевна. Ох, уж не говорите лучше! право, я всегда себя после как-то нехорошо чувствую.

Наталья Никаноровна. Нет, что ж, пускай говорит; интересно послушать.

Настасья Панкратьевна. Разве уж одно словечко какое, а то, право, страшно.

Мудров. Вот, например, металл! Что-с? Каково слово! Сколько в нем смыслов! Говорят: «презренный металл!» Это одно значит; потом говорят: «металл звенящий». — «Глагол времен, металла звон». Это значит, сударыня, каждая секунда приближает нас ко гробу. И колокол тоже металл. А то есть еще благородные металлы.

Настасья Панкратьевна. Ну, будет, батюшка, будет. Не тревожьте вы меня! Разуму у меня немного, сообразить я ваших слов не могу; мне целый день и будет представляться.

Мудров. Вот тоже я недавно в одном сочинении читал, хотя и светского писателя, но достойного уважения. Обаче, говорит…

Настасья Панкратьевна. Оставьте, я вас прошу. Уж я такая робкая, право, ни на что не похоже. Вот тоже, как услышу я слово «жупел», так руки-ноги и затрясутся.

Мудров. Да, есть словечки, есть-с. Вот тоже…

Настасья Панкратьевна. Батюшка, оставьте! Убедительно я вас прошу. Конечно, все мы смертны; разве кто спорит! Ну, там уж после будь что будет. Что ж теперь заживо-то такие страсти слушать.

Наталья Никаноровна. И в самом деле, что за разговор завели!

Настасья Панкратьевна. Давно я сбираюсь, хочется мне об жизни поговорить с каким-нибудь умным человеком.

Наталья Никаноровна. А что такое об жизни-то?

Настасья Панкратьевна. Да как жить на свете.

Наталья Никаноровна. И жить так, как жили. Слава богу, лет до шестидесяти прожили, теперь не переучиваться стать.

Настасья Панкратьевна. Да разве мы так живем, как человеку указано! Вот так бы жить, чтобы все исполнять.

Наталья Никаноровна. Уж я не знаю, что еще исполнять.

Мудров. Много нужно, сударыня, ох, как много!

Настасья Панкратьевна. Возьмем хоть то: знаем ли мы, в какие дни что нужно делать?

Наталья Никаноровна. Что тут знать-то! Какое дело есть, то и делай!

Настасья Панкратьевна. Ну нет, матушка! Кто поумней-то нас, какое ни будь у него необходимое дело, а в понедельник не начнет. А мы не исполняем.

Наталья Никаноровна. Вздор, я думаю.

Настасья Панкратьевна. Какой вздор! Кабы не было примеров; а то примеры были. Как вы скажете, Урла…

Мудров. Харлампий.

Настасья Панкратьевна. Да, Харлапий Гаврилыч. Как вы скажете?

Мудров. На это, сударыня, принуждения нет. Всякому отдано на волю: кто не верит, не верь; а кто верит, и тому благо.

Настасья Панкратьевна. Вот Кит Китыча не уговоришь никак. А уж сколько я раз замечала, как он в понедельник за каким важным делом выедет из дому, так либо пьяный приедет, либо безобразие какое уж непременно сделает.

Наталья Никаноровна. Чай, ведь и в другие дни тоже?

Настасья Панкратьевна. Все как-то пореже. Вот теперь важное дело в суде, а он поехал сегодня, не разбирает того, что нынче понедельник.

Мудров. Да ведь сегодня срок, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Да что ж такое, что срок! Дело-то не медведь, в лес не уйдет. К чему торопиться-то? В суде-то тоже не басурманы сидят, а не хотят того понять, каково мне дома-то сидеть, дожидаться-то его! Уж я к нему Андрюшу послала, чтобы сейчас же его и тащил домой.

Наталья Никаноровна. Вы уж Андрюшу-то своего загоняли совсем.

Настасья Панкратьевна. Да разве я? — все отец. Сраму-то что делает! По всей Москве возит невест смотреть. Нигде на него не угодят.

Наталья Никаноровна. Дали бы вы Андрюше дело какое, да и оставили бы в покое, пусть себе занимается.

Настасья Панкратьевна. Кит Китыч и хотел было, да опять передумал: прежде, говорит, женить надо.

Наталья Никаноровна. Вот вы умный человек считаетесь, Харлампий Гаврилыч, вы бы и поговорили Тит Титычу.

Настасья Панкратьевна. И в самом деле поговорили бы; а то, что он над сыном-то издевается. Вы теперь Кит Китычу первый друг; может, он вас и послушает.

Мудров. Вот еще! Нужно мне очень! Да хоть он

съешь сына живого, мне все равно. Я даю советы, сударыня, по делам юридическим, и то не даром, а получаю за то вознаграждение.

Наталья Никаноровна. За кляузные дела. То-то, видно, вы умны-то только с нами разговаривать.

Входит Александра Петровна.

Явление третье

Те же и Александра Петровна.

Александра Петровна. Кто-то подъехал к воротам. *(Смотрит в окно.)*

Настасья Панкратьевна. Ах, батюшки! Побежать встретить.

Александра Петровна. Один Андрей Титыч на извозчике, с ним нет никого.

Настасья Панкратьевна. Что ж это такое значит? Ума не приложу.

Наталья Никаноровна. А вот войдет — расскажет.

Настасья Панкратьевна. Батюшки! Ну, как грех какой, сохрани господи! Уж жив ли Кит Китыч-то!

Наталья Никаноровна. Да что вы сокрушаетесь! Должно быть, Тит Титыч послал его вперед; вот и все.

Андрей Титыч входит.

Явление четвертое

Те же и Андрей Титыч.

Андрей Титыч *(раскланиваясь).* Маменька, беда!

Настасья Панкратьевна. Жив ли, жив ли, ты мне скажи!

Андрей Титыч. Да тятенька ничего, слава богу-с.

Настасья Панкратьевна. Загулял?

Андрей Титыч. Загуляли-с. И таких делов наделали, что страшно сказать!

Настасья Панкратьевна. Да уж говори, что там такое!

Андрей Титыч. Тятенька барина прибили-с.

Настасья Панкратьевна. Какого барина?

Андрей Титыч. Не знаю-с, только барин настоящий.

Настасья Панкратьевна. Вот он понедельник-то! Даром не прошел! Говорила ведь я ему, говорила!

Мудров *(надевая очки).* Потрудитесь, молодой человек, изложить нам подробно обстоятельства дела.

Андрей Титыч. Вот-с прихожу я в суд, а у них уж все дело кончено. Тятенька отобрали из су-

дейских человек шесть и повели их в трактир обедом потчевать-с. Пообедали честь честью-с, выпили они, сколько им следует; потом наняли судейским извозчиков, а я с тятенькой на своих и поехали в Марьину рощу-с. Все бы это ничего-с; только тятенька в Марьиной роще встретили знакомую компанию-с; человека четыре подрядчиков, какие-то магарычи запивают-с. Тут уж и пошло-с! Шенпанского сразу ящик потребовали; цыганок петь заставили.

Настасья Панкратьевна. Все это в порядке, дело очень обыкновенное.

Андрей Титыч. Да и все хорошо было-с, и тятенька были очень веселы; только уж конечно понять разговору было нельзя, потому все вместе вдруг говорили. И догадало ж кого-то из судейских качать тятеньку! Только взяли его на руки, качали-качали, да и уронили.

Настасья Панкратьевна. Больно ушибли-то?

Андрей Титыч. Ушибить-то не ушибли, только уж очень тятенька в сердце вошел. Обозвали всех как нельзя хуже… А тут, еще прежде, какой-то барин все вертелся, с разговорами приставал ко всем, вино наше пил; уж очень ему хотелось в компанию втереться. Уж его не один раз мы и гоняли от себя, а он все лезет. Да под сердитую-то

руку и наскочил на тятеньку; а тятенька, уж известно, много разговаривать не станут: должно быть, его раза два и ударили.

Мудров. Ну, а он сейчас свидетелей?

Андрей Титыч. Так точно-с. Судиться хочет с тятенькой.

Настасья Панкратьевна. Что ж моему будет за это? Вы, батюшка, дела-то знаете.

Мудров *(снимает очки).* Как дело пойдет, сударыня. Коли на мировую, так деньгами только отделается.

Настасья Панкратьевна. А как цена-то, батюшка, за это?

Мудров. Разная, сударыня; глядя по человеку.

Настасья Панкратьевна. Уж вы похлопочите!

Мудров. Да было бы из чего хлопотать-то, сударыня. Мы тоже не воздухом питаемся. Может быть, и дело-то грошовое, на пятидесяти рублях сойдутся. Не велика мне корысть.

Андрей Титыч. Ну нет, пятидесяти рублей барин не возьмет-с.

Мудров. Разве уж был разговор?

Андрей Титыч. Был-с.

Мудров. Много ли же он просит?

Андрей Титыч. Триста тысяч.

Настасья Панкратьевна. Батюшки! Да где же

вдруг этаких денег взять!

Мудров *(встает).* Триста тысяч? Ну, вот это дело хорошее.

Настасья Панкратьевна. Что ж тут хорошего?

Мудров. Для меня, сударыня, хорошее, собственно для меня. Давно я такого дела дожидаюсь.

Настасья Панкратьевна. Да вам-то что тут интересного?

Мудров. Большие деньги возьму, сударыня, большие деньги.

Настасья Панкратьевна. С кого же это? С Кит Китыча?

Мудров. Да, сударыня, с Тит Титыча. Все, что только можно взять, все и возьму.

Настасья Панкратьевна. И вам это не совестно, Урлап Гаврилыч?

Мудров. Харлампий, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Ну, все равно.

Мудров. Вот еще! Чего тут совеститься, сударыня? Мы тем живем. Да я дурак буду, если с него мало возьму. Он сам после смеяться станет. Такие-то дела у нас не каждый день. Всякий от своих трудов питается.

Настасья Панкратьевна. А еще друг называешься!

Мудров *(ходит в волнении).* Да меня надо бить

палкой, если я с него мало возьму. С кого ж и взять!

Настасья Панкратьевна. Так и грабить!

Мудров. Не грабить, а сам отдаст. Своими руками вынет из кармана и отдаст. Мне самому его жаль, да что ж делать, сударыня. Не попадайся! А попался, так платись. Наше дело все равно что игра: тут жалости нет; можно рубашку снять, так снимем.

Настасья Панкратьевна. Этак мы и другого стряпчего найдем.

Мудров. Ищите, сударыня: ваша воля. Про меня говорят, что во мне человечества мало, а в других еще меньше.

Настасья Панкратьевна *(сыну).* Ты что ж приехал один, не подождал отца-то?

Андрей Титыч. Тятенька меня прогнали-с. Они и сами, я думаю, сейчас будут, потому что вся компания разошлась.

Луша входит.

Луша. Чай готов-с.

Настасья Панкратьевна. Пожалуйте!

Наталья Никаноровна. Да уж нам бы пора.

Настасья Панкратьевна. По чашечке выкушаете и пойдете, а без чаю не пущу.

Уходят Настасья Панкратьевна, Наталья Ни-

каноровна, Мудров и Луша.

Явление пятое

Александра Петровна и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. Александра Петровна-с!

Александра Петровна *(подходит к нему).* Что?

Андрей Титыч. Наше дело в ход пошло.

Александра Петровна. Неужели?

Андрей Титыч. Сейчас умереть! Только бы вот эта история не помешала.

Александра Петровна. Как же это случилось?

Андрей Титыч. Уж и сам я не знаю, как я такую смелость взял на себя. Поехали мы с тятенькой из трактиру, вижу, он весел, я ему и говорю: «Что ж это за несчастие мое, что невест подходящих нет для меня». — «Вот поди ж ты!» — говорит. «Не далеко ли, говорю, мы, тятенька, ищем? Нам бы где поближе, кругом себя поискать, нет ли на нашу руку». Он как взглянет на меня, да как крикнет: «Ты, говорит, мошенник, должно быть, уж высмотрел? Сказывай сейчас: высмотрел?» Я думаю: что робей, то хуже. «Высмотрел», — говорю. «Сейчас, говорит, сказывай: какая такая?» — «Александра Петровна Круглова», — говорю.

Александра Петровна. Неужели?

Андрей Титыч. Провалиться на этом месте! «Да

у них, говорит, денег немного». — «Немного», — говорю. «А тебе, говорит, больно много нужно! Молчи, говорят, не смей разговаривать! А она пойдет за тебя?» — «Отчего, говорю, не пойти». — «Ну, говорит, и шабаш, и чтоб скорее! Потому женить тебя давно пора. А деньги, говорит, я дам. Мне, говорит, нынче много в суду отсудили; я их уж давно пропащими считал, значит все равно что на улице нашел. Вот вам на раззавод».

Александра Петровна. Ну, вот, значит, мы и закутим.

Андрей Титыч. Страсти, что наделаем! Начал потом он мне наставления читать. «Кабы, говорит, не отцы да не матери, что бы вы на свете были? Вот не жени мы тебя, ты будешь пьянствовать, потом станешь воровать; а нам с матерью сокрушение сердечное, потому мы за тебя должны богу ответ дать». *(Обнимает Александру Петровну.)*

Александра Петровна *(отходит).* Андрей Титыч, вы опять!

Андрей Титыч. Да ведь уж теперь мы почти что свои.

Александра Петровна. Ну, еще когда будем. *(Подходит к нему.)*

Андрей Титыч. «Что, говорит, ты по Москве-то

собак гоняешь! Бегаешь ты как саврас без узды!» *(Обнимает и целует.)*

Александра Петровна *(с неудовольствием).* Андрюша!

Андрей Титыч. «Какой же, я говорю, саврас?» — «А ты, говорит, молчи; это тебе, дураку, на пользу». *(Опять обнимает.)*

Александра Петровна *(с сердцем).* Андрюшка!

Наталья Никаноровна *(за сценой).* Саша!

Александра Петровна. Вон, слышишь? Что!

Андрей Титыч. Ну, что ж такое!

Наталья Никаноровна *(за сценой).* Саша, ступай чай пить!

Александра Петровна. Я, маменька, не хочу. *(Подходит к Андрею Титычу.)* Какой ты! Ну, как кто войдет!

Андрей Титыч. Да ведь я, Сашенька, смотрю в дверь-то. Неужто ж я…

Александра Петровна *(подвигаясь к нему).* Ну?

Андрей Титыч. Ну, и все. *(Целует ее.)*

Александра Петровна. Когда ты женишься, чтоб лошади были у нас хорошие.

Андрей Титыч. Еще бы! Само собою. *(Обнимает ее.)*

Александра Петровна. Знаешь что? Я очень соболь люблю. Да ты смотри в дверь-то!

Андрей Титыч. Да смотрю, смотрю.

Александра Петровна. Как красиво выехать на хорошей-то лошади в соболях! Сошью себе шубу бархатную.

Андрей Титыч. Малиновую.

Александра Петровна. Малиновую? Эх ты! Вот вкус!

Андрей Титыч. Да какую хочешь, нешто мне не все равно.

Александра Петровна. Черную.

Наталья Никаноровна *(за сценой).* Саша!

Александра Петровна *(взглянув в дверь).* Кажется, маменька-то домой сбирается. Так и есть.

Андрей Титыч *(взглянув в окно).* Да и тятенька приехал.

Александра Петровна. Ну, прощай!

Андрей Титыч. Прощай! *(Целуются.)* Не сегодня, так завтра непременно забегу.

Александра Петровна уходит, Андрей Титыч одергивается, делает скромную физиономию и становится у двери. Входят Тит Титыч, Мудров и Настасья Панкратьевна.

Явление шестое

Тит Титыч, Мудров, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч *(садится; молчание).* Слышали?

Мудров. Слышали, брат, слышали.

Молчание.

Тит Титыч. Куда меня решат?

Молчание.

Эй, ты, ябеда! Что ж ты молчишь? С тобой говорят аль нет! Говори, не испугаюсь. Поделом мне, окаянному!

Молчание.

Что ты молчишь, что глаза-то вытаращил?

Мудров. Много ты денег заплатишь!

Тит Титыч. А ты хлопочи! Ты от меня пользуешься, ты и должен… стараться.

Мудров. Много ты денег заплатишь!

Тит Титыч. Не твое дело! Ты знай пиши кляузы! Вот и все.

Мудров. Нет уж, теперь нам с тобой кляуз не писать, а на нас писать будут.

Тит Титыч. А ты им на ответ строчи.

Мудров. Что?

Тит Титыч. Пиши, что будто я… в исступлении ума.

Мудров. В исступлении ума? Ну, на цепь.

Тит Титыч. Как так на цепь?

Мудров. Так, на цепь. Для предупреждения, чтоб ты кого до смерти не убил.

Тит Титыч. Нет, этого не надо. Ты пиши, что я… в здравом рассудке.

Мудров. А в здравом рассудке, так в смирительный дом.

Тит Титыч. Ну, так делай, что знаешь: ты за это деньги берешь.

Мудров. Одно дело теперь — скрываться.

Тит Титыч. Скрываться?

Мудров. Во всяком деле это первое. Ты рассуди умом: если за тобой зверь лютый или сильный враг погонится, ведь ты скрываешься?

Тит Титыч. Скрываюсь.

Мудров. Ну, так и это. Должен ли ты много, беду ли какую сделал, значит тебя ищут, преследуют. Неужели ты так прямо и пойдешь: вот, дескать, я, берите меня. Твоя натура заставляет тебя скрываться, закон самосохранения.

Тит Титыч. Разве есть такой закон?

Мудров. Есть… Вот ты и едешь, например, в Подольск, а из Подольска в Москву, а из Москвы в Звенигород, а из Звенигорода опять в Москву. Пишут об тебе в подольскую полицию — она отвечает, что выехал в Москву; пишут в московскую — она отвечает, что выехал в Звенигород. Так ты и езди сколько хочешь. Надоест тебя искать-то.

Тит Титыч. Это верно, точно, что надоест.

Мудров. А тут родственники со стороны сделочку предложат и на мировую; так дело-то пустяками и кончится.

Тит Титыч. Это точно. Куда ж теперь мне скрываться?

Мудров. Ступай ложись в тарантас; вели лошадей заложить, да и поезжай в Косино, из Косина на Угрешу, потом в Берлюки. Как Москвой поедешь, так вели себя закрыть.

Тит Титыч. И уж не выглядывать?

Мудров. Уж не выглядывай! А мы здесь за тебя отписываться станем.

Тит Титыч. Только ты смотри пиши хорошенько.

Мудров. Да денег мне на расходы оставь.

Тит Титыч. Ишь ты, крапивное семя! А много ль тебе денег?

Мудров. Тысяч пять.

Тит Титыч. Гоните его вон!

Мудров. Ведь с тебя триста просят.

Тит Титыч. Гоните его! говорю я вам. Пошел вон! Я и без тебя помирюсь.

Мудров. Ну, уж это шалишь! Ты будешь драться, да потом сам мириться, а я ни при чем, я своих доходов должен лишиться! Нет, брат! Я не дам помириться, я разобью.

Тит Титыч. Гоните его вон сейчас!

Мудров. Я пойду. Только если ты опять пришлешь за мной, так десять заплатишь. *(Уходит.)*

Явление седьмое

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Вот до чего я дожил! Видите вы это? Вот вы и казнитесь! Вот, глядите на меня и казнитесь! А все через кого? Через вас. Вот вырастил сына — еще жениться хочет, дурак! — а какая мне от него теперь помощь?

Андрей Титыч. Вы сами, тятенька, желали, чтоб я женился на Александре Петровне.

Тит Титыч. Ты разговаривать! Ты разговаривать стал! Ты и дышать не смей! А то я такую женитьбу задам! Этакое несчастие в доме, а ты жениться! Мы, может быть, нищие будем, а ты жениться! Вот дыхни еще раз!

Настасья Панкратьевна. Что ты, что ты, Андрюша! Этакое в доме несчастие, а ты жениться!

Андрей Титыч. Маменька, молчите! Бог с вами, тятенька! Вы меня навек несчастным хотите сделать, так вы за это богу ответите. Что я вам — на мытарство, что ли, достался? Что ж мне, на Каменный мост бежать? Руки на себя наложить,

что ли? А я вам сын всегда был и есть такой, как должно-с. Это я вам на деле докажу. Я вам достану человека, который вас из беды выручит. А если не он, так никто. А за мои слезы вам бог заплатит. *(Убегает.)*

Луша входит.

Тит Титыч. Держите его! Как он может! Вот вернись ты только! Ведите меня в тарантас.

Настасья Панкратьевна и Луша берут его за руки и ведут.

Настасья! Коли кто с красным воротником, так сейчас ему говорите, что уехал из Москвы. *(Уходит.)*

Действие третье

ЛИЦА:
Тит Титыч.
Настасья Панкратьевна.
Андрей Титыч.
Досужев.
Перцов.
Луша.
Неизвестный, в мундирном сюртуке, застегнут на все пуговицы, на фуражке кокарда, в руке сверток бумаг.

Комната 2-го действия.

Явление первое

Настасья Панкратьевна и Луша (у окна).

Настасья Панкратьевна. Вот страсти-то! Вот и сиди да трясись! Луша, гляди хорошенько!

Луша. Ах, матушка Настасья Панкратьевна, ведь идет!

Настасья Панкратьевна. Кто идет?

Луша. Да будочник, матушка!

Настасья Панкратьевна. Ох, грех! Уж не за Кит

ли Китычем? Беги скажи, что дома нет.

Луша. Нет, не к нам; на ту сторону перешел.

Настасья Панкратьевна. Ну, слава богу! Смотри, Луша, хорошенько!

Луша. Андрей Титыч с каким-то барином.

Настасья Панкратьевна. Отопри поди да запять запри на запор.

Луша уходит.

Вот не ждали — не чаяли, какая беда случилась. Теперь всякого человека, который по улице идет, бойся. А уж про полицию и говорить нечего! Сохрани господи, квартальный покажется, да я тут же, кажется, на месте умру! Все мне вот так в глазах и представляется: придут вдруг неизвестные люди, покажут бумагу, возьмут Кит Китыча — только я его и видела! *(Смотрит в окно.)* Вон он, голубчик мой, в тарантасе сидит один, точно сирота какая!

Входят Андрей Титыч и Досужев.

Явление второе

Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Досужев.

Андрей Титыч. Где тятенька?

Настасья Панкратьевна. При них-то можно говорить?

Досужев. Сделайте одолжение, не конфузьтесь!

Настасья Панкратьевна. Вон он, мой батюшка, сидит в тарантасе один-одинехонек.

Досужев. Зачем его туда занесло?

Настасья Панкратьевна. Скрывается, батюшка. Урлап Гаврилыч приказал; стряпчий такой есть, Мудров; знаете?

Досужев. Он-то его и посадил?

Настасья Панкратьевна. Он, батюшка. А разве от этого пользы не будет?

Досужев. Пускай сидит, коли ему нравится.

Андрей Титыч. Что, маменька, барин еще не был?

Настасья Панкратьевна. Нет еще, Андрюша. Вот все в страхе ходим, все ждем. Это ты по тятенькиному делу, что ли, привел?

Андрей Титыч. Да, маменька!

Настасья Панкратьевна. Как их звать-то?

Андрей Титыч. Василий Митрич.

Настасья Панкратьевна. Похлопочи, Василий Митрич! Если ты нам наше дело хорошо сделаешь, я уж и не знаю что! Я тебя в поминанье запишу. Ты холостой, чай?

Досужев. Холостой.

Настасья Панкратьевна. Я тебе невесту найду

хорошую; богатую высватаю.

Досужев. Надобно франта-то этого видеть, физику-то его посмотреть; тогда можно прямо сказать, чего дело стоит.

Луша входит.

Луша. Какие-то два барина подъехали.

Настасья Панкратьевна. Вот грех-то! Вот беда-то! Ведь это они! Пускать ли уж?

Досужев. Пустите. А я из другой комнаты посмотрю на них да послушаю, что говорить будут; тогда дело видно будет.

Настасья Панкратьевна. Ну, пусти поди!

Луша уходит.

Андрей Титыч. Кто же это другой-то с ним?

Досужев. Приказного какого-нибудь для острастки взял. *(Уходит в другую комнату.)*

Входят Перцов и неизвестный.

Явление третье

Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч, Перцов и неизвестный.

Перцов. Господин Брусков дома?

Настасья Панкратьевна. Нет, батюшка, нету.

Перцов. Как же он мне сказал, что будет меня ждать для переговоров! Это черт знает что такое. *(Шепчет что-то на ухо неизвестному.)* А скоро

ли он будет?

Настасья Панкратьевна. Не знаю, батюшка.

Перцов *(неизвестному).* Садись, подождем.

Садятся и шепотом разговаривают.

Неизвестный. Вы их супруга, должно быть?

Настасья Панкратьевна. Да, батюшка.

Неизвестный. Деток имеете?

Настасья Панкратьевна. Два сына, батюшка.

Молчание.

Неизвестный. Нехорошо, сударыня, нехорошо-с.

Настасья Панкратьевна. Что ж делать-то, батюшка, грех попутал. Уж, видно, бес как-нибудь их благородие под руку-то подсунул.

Неизвестный. Кончать надобно, сударыня, кончать. Коли дело до суда дойдет, так вашему мужу очень плохо будет.

Настасья Панкратьевна. Мы этого знать не можем.

Перцов. Что ты с ними толкуешь! Они не понимают, какие громы могут обрушиться над их головами.

Неизвестный. Вы посоветуйте вашему супругу, чтобы он кончил с господином Перцовым.

Перцов. Да, в противном случае я поступлю с ним жестоко.

Неизвестный. Пусть он удовлетворит господина Перцова суммою, которую он требует…

Настасья Панкратьевна. Где ж нам взять таких денег! Легко сказать, триста тысяч!

Неизвестный. Вы не извольте пугаться этой суммы! Это так, примерно сказано, сгоряча. Господин Перцов, вероятно, будут так снисходительны, что сделают уступочку.

Перцов. Да, если уж очень расплачутся, так уступлю что-нибудь.

Неизвестный *(пошептавшись с Перцовым).* Я думаю, что господин Перцов на половину согласится, если только сейчас деньги.

Перцов. Только в таком случае. Так вы и скажите своему мужу и повелителю.

Настасья Панкратьевна. Хорошо, батюшка.

Перцов. Ну, пойдем! Что ж нам его дожидаться!

Неизвестный. Так вы, сударыня, скажите господину Брускову, что если он не удовлетворит сегодня же господина Перцова, то завтра дело пойдет в суд. Часа через два я зайду наведаться. Затем прощения просим.

Перцов. Он еще не учен.

Неизвестный. Да-с. Благородное обращение плохо понимает.

Перцов. Ну, так я выучу. Василиск Перцов выучит обращению.

Входит Досужев.

Явление четвертое

Те же и Досужев.

Досужев. Господин Перцов! Вас ли я вижу?

Перцов. Здравствуйте, господин Досужев! Представьте, какой со мной страшный случай!

Досужев. Да, я слышал.

Перцов. Вся жизнь моя преисполнена разными приключениями.

Досужев. Господа, мне нужно с господином Перцовым по секрету поговорить.

Настасья Панкратьевна. Мы, батюшка, уйдем. Пойдем, Андрюша! *(Уходит; Андрей Титыч за ней.)*

Досужев. Сего неизвестного тоже отправьте домой! Что ему здесь делать?

Перцов. Как же без вознаграждения? Ему довольно будет самого незначительного.

Досужев. Уж это ваше дело!

Перцов шепчет что-то неизвестному, тот уходит.

Явление пятое

Досужев и Перцов.

Досужев. Вы опять за свой промысел?

Перцов. Как вы могли подумать! Вы меня обижаете, господин Досужев! Вся жизнь моя есть игра непостижимости. Вот и сегодня я поехал в Марьину рощу наслаждаться благами природы — и попал в хаос необразованности.

Досужев. Ловкий вы человек!

Перцов. Я несчастный человек, господин Досужев. Удары судьбы…

Досужев. Во сколько же вы цените вашу обиду?

Перцов. Какими же деньгами можно оценить оскорбление, господин Досужев!

Досужев. Я с вами согласен. Значит, вы денег не хотите. Да оно и подло деньги брать! Вызовемте его на дуэль!

Перцов. Ну, нет; ежели бы приличную сумму…

Досужев. Так вы бы взяли?

Перцов. И я надеюсь, господин Досужев, что вы, как благородный человек, мне мешать не станете.

Досужев. Как можно! Я хочу хлопотать за вас. Хотите, я даже назначу сумму, которую Брусков

должен вам отдать, и он меня послушает.

Перцов *(пожимая Досужеву руку).* Mercі, господин Досужев! Вы не жалейте этого бессмысленного невежду; требуйте с него больше, мы с вами поделимся.

Досужев. Я уж и так много назначаю, больше требовать нельзя.

Перцов. Позвольте узнать хоть приблизительно.

Досужев. Сто целковых.

Перцов. Злая насмешка, господин Досужев!

Досужев. Неужели ж вам в самом деле полтораста тысяч дать!

Перцов. От полутораста тысяч до ста рублей еще расстояние велико.

Досужев. Берите сто рублей; я вам советую. Хорошие деньги.

Перцов. Вы знаете, что я человек непреклонный.

Досужев. Не хотите ста, так и ничего не получите.

Перцов. Мало, господин Досужев!

Досужев. Берите, право берите. Вы меня понимаете?

Перцов *(берет Досужева за руку).* Господин Досужев, только для вас соглашаюсь, только

для вас.

Досужев. Вот и прекрасно! *(Кричит в дверь.)* Андрюша, пришли перо с чернильницей да лист бумаги!

Перцов. К чему это, господин Досужев?

Досужев. Вы дадите подписку, что на Брускова претензии не имеете и за обиду считаете себя удовлетворенным.

Луша приносит бумагу и чернила.

Давай сюда! *(Садится к столу.)* Недурна девочка-то.

Перцов. Приятный сюжетец.

Досужев *(принимая бумагу и чернила).* Кто из хозяев с тобой ласковее-то? Чай, Андрюша? али сам старик?

Перцов. Ты, душенька, говори, не конфузься!

Луша. Да будет вам, бесстыдники! *(Уходит.)*

Досужев. Так вот-с. *(Пишет.)* Вот подпишите. А деньги получите завтра утром от меня. Верите мне или нет? А то возьмите расписку.

Перцов *(подписывает).* Помилуйте, господин Досужев, между благородными людьми довольно одного слова.

Досужев. Значит, до свидания!

Перцов. Честь имею пребыть-с. *(Уходит.)*

Андрей Титыч входит.

Явление шестое

Досужев и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. Как дела, Василий Митрич?

Досужев. Вот и мировая готова; а сторговаться с твоим отцом Перцов мне поручил.

Андрей Титыч. Много ли ж вы с тятеньки возьмете?

Досужев. Страсть! Ограблю!

Андрей Титыч. Вы хоть меня-то пожалейте! Если вы с тятеньки много денег возьмете, он рассердится так, что беда, и уж тогда не видать мне Александры Петровны, как ушей своих.

Досужев. Какое же мне дело до тебя и до твоей Александры Петровны!

Андрей Титыч. Что ж мне теперь делать?

Досужев. Да что хочешь, то и делай! Я человек бедный, должен о себе заботиться, а не о вас.

Андрей Титыч. У меня, Василий Митрич, только и надежды было, что на вас. А теперь, значит, все одно хоть умирай!

Досужев. Разговаривай еще!

Андрей Титыч. А еще приятелем называетесь! Разве так приятели делают?

Досужев. Мало ты еще на свете жил, коли на приятелей надеешься! Так-то, мой милый! День-

ги всегда дороже приятелей.

Андрей Титыч. А вы думаете, так вам тятенька и даст денег! Как же! Дожидайтесь.

Досужев. А не даст, так в смирительном посидит.

Андрей Титыч. Господи, что же это такое! Это уж еще хуже! Какой страм-то! Какая мараль на все семейство!

Досужев. Ну, да что мне с тобой разговаривать! Поди зови отца из тарантаса!

Андрей Титыч. Не хотите вы меня теперь пожалеть, ну, так после пожалеете, да уж поздно будет. *(Уходит.)*

Досужев. Посмотрим, что это за зверь Тит Титыч! Уж я не рад, что взялся за дело-то! Ведь, черт его знает, поколотит, пожалуй. Еще в чужом доме с ним, говорят, можно разговаривать; а уж к нему-то прийти, все равно что к медведю в берлогу. Главное, не робеть!

Входит Тит Титыч.

Явление седьмое

Досужев и Тит Титыч.

Тит Титыч *(садится на кресло и несколько времени мрачно смотрит).* Здравствуй!

Досужев. И ты здравствуй!

Тит Титыч. Ты Андрюшин знакомый?

Досужев. Да.

Тит Титыч. Ты какой такой? Благородный аль так?

Досужев. Да тебе разве не все равно?

Тит Титыч. Стало быть, не равно, когда спрашиваю. Какой на тебе чин, такой с тобой и разговор будет.

Досужев. Я губернский регистратор.

Тит Титыч. Это что ж такое?

Досужев. Пятнадцатого класса. Нас во всей России только двое.

Тит Титыч. Ну садись, гость будешь!

Досужев. Я не люблю садиться; я лучше стоя.

Тит Титыч. Сказано, садись, так и садись. Что ты, как бес, будешь передо мной вертеться! Терпеть не могу.

Досужев. Ну, будь по-твоему, сяду. *(Хочет подвинуть стул.)*

Тит Титыч. Ты что там еще? Не смей трогать стульев! Они на месте поставлены. Садись вот здесь, подле меня!

Досужев *(садясь).* Ты не очень командуй!

Тит Титыч. Да коли ты непорядок делаешь, как же тебе не сказать!

Досужев. Ну, будет о пустяках-то! Пора и о деле.

Мне ведь некогда.

Тит Титыч. Ну вот, теперь давай о деле! Только ты меня не рассерди смотри; а то я и разговаривать не стану и прогоню. Я уж одного прогнал.

Досужев. Ну, хорошо, хорошо!

Тит Титыч. Много ль ты с меня взять хочешь?

Досужев. За что?

Тит Титыч. За что? Известно, за что. За это дело?

Досужев. Помирить, что ли?

Тит Титыч. Нет, не помирить, а оправить совсем, чтобы я чист был.

Досужев. Да как же тебя оправить, когда ты виноват?

Тит Титыч. Виноват! Это я и сам знаю, что виноват. Зачем же ты и стряпчий, коли ты не можешь оправить человека? А ты такую кляузу напиши, чтоб я был не виноват ни в чем.

Досужев. Этого нельзя. Надобно помириться.

Тит Титыч. Ни под каким видом! Ты не смей и заикаться! Я и слышать не хочу.

Досужев. Буянить твое дело, а мириться так вот не хочешь!

Тит Титыч. Да ты с кем говоришь! Учить, что ли, ты меня пришел у меня-то в доме! Хочу буянить, и буяню; нешто ты мне заказать смеешь!

Вот я ужо Андрюшке задам, чтобы он этаких стракулистов ко мне не водил.

Досужев. Да ты потише! От меня ведь в тарантас не спрячешься.

Тит Титыч *(встает, и Досужев тоже).* Да ты к чему тут пристал? Ты человек посторонний! Зачем ты ко мне в дом зашел? Тебе что тут нужно? Ишь ты, влез в гостиную, расселся, тоже важничает. Как ты смел придти меня беспокоить? Я вот сейчас велю тебя со двора согнать, чтоб ты и носу сюда показывать не смел. Я тебя и знать не хочу.

Досужев. Рад бы не хотеть, да нельзя. Ты грамоте знаешь? Так вот смотри! *(Показывает бумагу.)* Перцов дал подписку, что дело с тобой прекращает, и подписку эту отдал мне. Теперь я что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу, отдам ее тебе, и дело кончено; а не захочу, подадим на тебя завтра прошение и упрячем тебя в смирительный.

Тит Титыч *(садится).* Значит, я с тобой теперь должен дело делать?

Досужев. Со мной.

Тит Титыч. Ну, садись! Сейчас выпьем чего-нибудь.

Досужев *(садясь).* Нет, уж прежде давай дело кончим!

Тит Титыч. Ну, давай! Значит, я тебе за эту

расписку должен деньги заплатить?

Досужев. Похоже на то.

Тит Титыч. А ты имей сколько-нибудь совести, не грабь меня. Грабить-то нехорошо. Пора уж вам эту привычку скверную бросить. Слышишь ты! Ты делай дело почестнее!

Досужев. Слышу, слышу.

Тит Титыч. Ну, много ли ж ты с меня потребуешь?

Досужев. Вот, во-первых, сто целковых Перцову за обиду. Это ты пошли с сыном завтра утром.

Тит Титыч. Это ничего! Это на чести, не дорого! Это и в другой раз, коли случится.

Досужев. Так ты опять поколотишь?

Тит Титыч. Эти деньги я всегда в состоянии заплатить, когда хочешь.

Досужев. Нет, уж в другой-то раз тебе много дороже станет. Для меня только он с тебя сто целковых, а то просил полтораста тысяч. Ну, теперь за хлопоты.

Тит Титыч. Много ли ж тебе?

Досужев. Мне много надобно.

Тит Титыч. Будь почестнее! будь почестнее, я тебе говорю. Нехорошо ведь. Много запросишь, ведь не дам. Только ты меня растревожишь! А я старый человек. Ну, прошу я тебя! Кончим по-

дружески, много не ломи!

Досужев. Ты обещал женить сына на Кругловой?

Тит Титыч. Тебе что за дело?

Досужев. Кабы не было мне дела, я б и разговаривать не стал.

Тит Титыч. Обещал, да раздумал.

Досужев. Ну, так ты передумай опять, да и жени его поскорее.

Тит Титыч. Как же ты можешь мне в таком деле указывать? Да где же это видано! Нет, ты, должно быть, сегодня от меня добром не хочешь уйти? Дождешься, что я тебя изуродую.

Досужев. Ну, видно, говорить с тобой нечего, а надо сейчас к полицеймейстеру ехать. *(Берет шляпу.)*

Тит Титыч. Постой, ты! Как тебя?

Досужев. Ну, что еще?

Тит Титыч. Да ты почем знаешь, может я и сам хочу женить его на Кругловой, и передумывать мне нечего. Может быть, я тебя обманул!

Досужев. Это уж твое дело.

Тит Титыч. То-то! Ты не подумай, что это я тебя послушал! Это я сам. А если б не я сам, и никто б меня на свете… Слышишь ты, я сам. Слышишь ты, что я тебе говорю?

Досужев. Слышу, слышу.

Тит Титыч. Я хочу, чтоб Андрюшка женился на Кругловой, так тому и быть! Никто мне ни указывать, ни приказывать не смеет. Что хочу, то у себя дома и делаю.

Досужев. Ну вот, когда ты женишь сына, тогда я тебе расписку и отдам, так дело твое и кончится.

Тит Титыч. Эй! Кто там?

Входит Настасья Панкратьевна.

Подайте шампанского, да идите все сюда!

Настасья Панкратьевна. Ну, слава богу! Должно быть, дело на лад идет. *(Уходит.)*

Тит Титыч. А деньгами много ль тебе?

Досужев. Ничего.

Тит Титыч. Ты не важничай! Ты проси! Проси, я тебе говорю: я, может быть, дам. Не в состоянии я, что ли, заплатить тебе?

Досужев. Я знаю, что в состоянии, да не надо мне.

Тит Титыч. Фальшивишь ты что-нибудь?

Досужев. Кабы я для тебя хлопотал, так я бы с тебя взял денег много. Ну, много не много, а взял бы сколько следует. А я для сына твоего хлопочу, понимаешь ты?

Тит Титыч. Понимаю. Ты приходи ко мне чаще, я тебя полюбил.

Входят Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Луша с шампанским.

Явление восьмое

Тит Титыч, Досужев, Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Луша.

Тит Титыч. Слушай ты, Андрюшка! Будет тебе по Москве собак-то гонять! Что ты шляешься, как саврас без узды! Пора тебе, дураку, за ум браться! Кабы не родители, кто бы о тебе, дураке, подумал? Собирайся сейчас к невесте с матерью! К Кругловым ступайте! Проси, чтобы отдали за тебя, за дурака.

Андрей Титыч. Да я теперь счастливее всех на свете! Кого же мне только за это благодарить-с? Я так думаю, что вас, Василий Митрич.

Тит Титыч. Разумеется, его: потому он все дело кончил благополучно.

Настасья Панкратьевна. Говорила я, что в тяжелый день ничего делать не нужно! Вот какая беда-то было вышла, кабы добрый человек не помог!

Тит Титыч. За это мы все его будем благодарить так, что он, может, и не ожидает.

Досужев. Ничего мне от вас не надо. *(Берет стакан вина.)* Живите, женитесь, плодитесь,

ссорьтесь, миритесь, судитесь; а я буду глядеть на вас да радоваться! *(Выпивает стакан.)*

Шутники

Картины московской жизни, в четырех действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Павел Прохорович Оброшенов, отставной чиновник.

Анна Павловна, 25-ти лет, Верочка, 17-ти лет } дочери его.

Александр Петрович Гольцов, очень молодой человек, чиновник.

Филимон Протасьич Хрюков, богатый купец, 60-ти лет.

Недоносков, Недоростков } молодые люди, одетые по последней моде.

Небольшой садик, направо крылечко и окно дома; прямо забор; в нем, рядом с домом, калитка; налево забор. Под деревом круглый стол и несколько стульев.

Явление первое

Анна Павловна сидит у стола с работой и Павел Прохорович Оброшенов сходит с крыльца. В руках у него лист бумаги и чернильница с пером.

Оброшенов. Ну, секретарь мой, пиши!

Анна Павловна. Что прикажете?

Оброшенов. Пиши: «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине, о цене узнать от хозяина оного дома». Пиши крупнее! Что ты будешь делать! Пятую записку срывают. Уж теперь повыше прибью, не достанут. Вот так! Вот хорошо, разборчиво. Теперь всякий прочтет. Ну, а прочитают, может и наймут. Сама ты посуди, четвертый месяц квартира пустая стоит; а ведь она шесть рублей в месяц ходит; а шесть рублей для нас деньги. *(Подымает руку с запиской.)* Если ее вот так прибить, можно будет прочесть?

Анна Павловна. Можно, папенька.

Оброшенов. А ты читай, читай!

Анна Павловна. Да ведь я сама же и писала.

Оброшенов. Нужды нет, а ты все-таки читай!

Анна Павловна *(читает).* «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине, о цене узнать от хозяина оного дома».

Оброшенов. Ну да, от хозяина; хозяин сейчас покажет комнаты, уговорит, умаслит. Хе, хе, хе! Вот! у нас и наймут, вот мы и богаты. Другой, может быть, давно ищет квартиры, ну, бедный человек какой-нибудь ходит по улицам, ему и нужно три комнаты, а записки на воротах нет, сорвана, он и не знает, что здесь отдается, и идет

мимо. Нет, уж теперь кончено! Как поймаю, сейчас к квартальному сведу.

Анна Павловна. Кто же это, папенька, срывает?

Оброшенов. Соседи, соседские ребята, богатых отцов дети озорничают. То ли еще они делают! От них проходу нет по улицам: понаделают трубок, через забор на прохожих водой брызгают; краской шляпы мажут; женщинам к платкам записочки прикалывают. А отцы только утешаются на своих чадов.

Анна Павловна. Или утешаются, или бьют чем ни попало.

Оброшенов. А поди жаловаться, над тобой же насмеются. «У тебя, видно, говорят, такой же ум-то, как у ребенка. Мол — глуп, ну и балует; вырастет, умнее будет, перестанет баловать». Только неправда это, Аннушка, неправда! Умней они не бывают. Я сорок лет здесь живу, всех знаю; вырасть — вырастут, и рукой его не достанешь, а ум все тот же. А то вот одному недавно стал жаловаться на сына; а он мне что сказал! «Я, говорит, до семи бед коплю, у меня положёное, это еще третья. Как семь бед сделает, так отстегаю». А другой говорит: «Ты служил?» — «Служил, говорю». — «Отчего ж на тебе кавалерии нет? Кабы

была кавалерия, никто б тебя не посмел тронуть; значит, ты сам виноват». Вот с ними и толкуй! Да и жаловаться-то нельзя. «Ты, говорят, все с претензиями, ты неспокойный сосед, ты претендент!» Аннушка, какой же я претендент! Какой я претендент! Ну, и терпишь, потому что ссориться с ними нельзя, кушать будет нечего. Мы от них же крохами побираемся. Поссорься с одним, с другим, так и придется зубы на полку положить. А вот я со всеми в ладу, я все больше шуточкой, шуточкой, а где так и поклонами. Оно точно, что на тебя как на шута смотрят, да зато кормимся.

Анна Павловна. Папенька!

Оброшенов. Что, дочка?

Анна Павловна. Неужли нельзя обойтись без этого?

Оброшенов. Без чего? Без шутовства-то?

Анна Павловна. Да, папенька, без унижения. Нам жалко вас.

Оброшенов. Не жалко вам, а стыдно за меня, стыдно, вот что. Ты думаешь, я не вижу? Вижу, Аннушка, давно вижу.

Анна Павловна. Вы, папенька, в таких летах! Мы вас так любим. Нам с сестрой хотелось бы, чтобы вас все уважали.

Оброшенов. Мало ль чего нет! Где уж нам! Ка-

кое уважение! Были бы сыты, и то слава богу. Не до жиру, дочка, не до жиру, быть бы живу!

Анна Павловна. А каково смотреть-то на вас!

Оброшенов. Ну, что ж делать-то! И рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты, может, думаешь, что я всегда такой был? Ну, нет, брат. Смолоду я сам был горд. Как еще горд-то, Аннушка! Ужас как горд! Как женился я на вашей матери да взял вот этот домишко в приданое, так думал, что богаче да лучше меня и людей нет. Фертом ходил! Ну, а там пошли дети, ты вот родилась, доходов стало недоставать, надобно было постороннюю работишку искать; тут мне форс-то и сбили. Сразу, Аннушка, сбили. Первое дело я сделал нашему соседу, и дело-то небольшое: опеку ему неподходящую дали, надо было ее с рук сбыть! Обделал я ему это дело, позвал он меня да еще секретаря с чиновниками из суда в трактир обедом угощать. И какой чудак, право ведь чудак! Сидит, ничего не говорит, весь обед молчал; только посидит-посидит да всей пятерней меня по волосам и по лицу и проведет. Ах ты, батюшки мои! Что ты будешь с ним делать? Я было в амбицию. Только тут один чиновник, постарше, мне и говорит: ты обидеться не вздумай! Ни копейки не получишь: он не любит, когда обижаются. Нечего делать,

стерпел: ну и принес жене три золотых; а не стерпи я, так больше пяти рублей ассигнациями бы не дал. Много я после с него денег перебрал. Вот так-то меня сразу и озадачили. Ну, а потом, как пошел я по делам ходить, спознался с богатыми купцами, там уж всякая амбиция пропала. Тому так потрафляй, другому этак. Тот тебе рыло сажей мажет, другой плясать заставляет, третий в пуху всего вываляет. Сначала самому не сладко было, а там и привык, и сам стал паясничать и людей стыдиться перестал. Изломался, исковеркался, исказил себя всего, и рожа-то какая-то обезьянья сделалась.

Анна Павловна. Ах, папенька!

Оброшенов. Что «папенька»! А ты, дочка, не суди! Вот кабы я паясничал да пропивал деньги-то, вот тогда бы я был виноват. А то я деньги-то домой носил, все до копеечки. Делового народу, ученого тогда меньше было, наш брат, горемыка-подьячий, был в ходу, деньги так и огребали. Много ли я тогда получал, знаешь ли? Тысяч шесть ассигнациями. Ого-го-го! Вот оно что! И теперь еще все говорят, что у меня много денег, что я их спрятал. А ты знаешь, есть ли у меня деньги. Ваша мать хозяйка была отличная, дома у меня рай был. На стороне, в людях, я шут, я паяц;

а ты меня дома посмотри! Тут я отец семейства, жену мою все уважали, дети — ангелы. Эка важность, что меня шутом зовут! Ты и не жалей меня, Аннушка! Я таковский! Что я такое? Дрянной старичишка, никуда негодящий! Пускай смеются, коли им нравится, мне все равно. Они смеются, а я, как птица в гнездо, таскаю, прибираю свое гнездышко да детей кормлю. Для меня только ты да Верочка на свете и людей-то, больше я и знать никого не хочу.

Анна Павловна. Мы оба с вами, папенька, для одной Верочки живем.

Оброшенов. Избаловали мы ее с тобой. Хе-хе-хе! Вот теперь и нянчись с ней!

Анна Павловна. Да как же не баловать-то ее! Она такая милочка. Кого же нам с вами и любить-то, как не ее? больше некого. А ведь кого-нибудь надо любить, без этого жить нельзя.

Оброшенов. Ну да, само собой. *(Делает серьезную мину.)* А что ты скажешь насчет жениха? То есть насчет Саши?

Анна Павловна. Кажется, хорош.

Оброшенов. Хорош, хорош. Это я сам нашел. Ну уж и хлопот было. Трудно нынче хорошего-то найти. А ей нравится?

Анна Павловна. Ведь она еще ребенок. Кто же

ее знает; кажется, нравится.

Оброшенов *(таинственно).* Хожу я это по судам-то, приглядываю; ходил долго; вдруг вижу, мальчик такой смирный сидит. Я стороной узнавать. Говорят, сирота; поведения, сказывают, хорошего, воспитывался у матери в строгости; с приказными не водится, по трактирам не ходит. Его-то, мол, нам и нужно. Познакомился, да вот дело и вышло. Ведь хорош?

Анна Павловна. Хорош, папенька.

Оброшенов *(таинственно).* Руки просил третьего дня. Я было отнекиваться стал — нарочно; так в слезы: умираю, говорит, от любви.

Анна Павловна. Что же вы?

Оброшенов. Ну, я и рад; велел с Верочкой поговорить. О приданом не заикается. Денег бы, говорит, нужно мне рублей триста. Ну, денег, говорю, не припасено для тебя. Дом, говорю, вам купил в две тысячи, вот и будет с тебя, а денег ни копейки. А я и дом-то, Аннушка, нарочно купить поторопился; не хватало денег, так признанял; потому деньги они могут истратить, люди еще молодые; а дом-то им на всю жизнь. Очень приставал об деньгах: я, говорит, вам после отдам; ну, да нет, так где же взять? Самому до крайности нужны, да нет, и занять не у кого. Я понимаю,

на что ему нужны деньги. Ему на свадьбу, перед товарищами хочет себя показать. Так нет, брат, шалишь! На мотовство денег, хоть бы и были, так не дам. Нам пышности не нужно: чем скромнее, тем лучше. Коли понадобится что к свадьбе, так, говорю, у казначея вперед возьми, — не откажет. Говорил он с Верочкой или нет?

Анна Павловна. Нет еще.

Оброшенов. Так сегодня скажет. Да неужто она спит до сих пор?

Анна Павловна. Нет, должно быть, встала.

Оброшенов *(у окна).* Верочка!

Голос Верочки за сценой: «Сейчас, папаша! Я одеваюсь».

Ну как же, есть мне время тебя дожидаться! Высунь сюда рыльце! *(Верочка выглядывает из окна, он ее целует.)* Не спи долго, жениха проспишь! *(Идет к калитке и читает.)* «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине».

Входит Гольцов.

А, Саша, здравствуй! Верочка! Саша пришел! *(Уходит.)*

Верочка за сценой: «Подождет, я еще не причесана!»

Явление второе

Анна Павловна и Гольцов.

Анна Павловна. Садитесь!

Гольцов садится.

Что вы скучный такой?

Гольцов. Дела плохи-с.

Анна Павловна. Стыдитесь! Разве женихи скучают?

Гольцов. А вы уж знаете?

Анна Павловна. Сейчас папенька сказывал.

Гольцов. Он-то меня обнадежил; не знаю, как Вера Павловна!

Анна Павловна. Это вы ее-то боитесь?

Гольцов. Не то что боюсь, а как-то робко. Ну, как Вера Павловна мне откажет!

Анна Павловна. Быть не может.

Гольцов. Дай-то бог! Смелости у меня нет, боюсь с барышнями разговаривать, очень я неловок.

Анна Павловна. Ведь разговариваете же вы?

Гольцов. О пустяках разговариваю, а как сказать, что влюблен?

Анна Павловна. Ничего, не робейте! Это не так страшно, как кажется. Только и горя у вас?

Гольцов. Нет-с. Никак не могу денег достать, а мне очень нужно.

Анна Павловна. На что вам?

Гольцов. Этого я не могу вам сказать-с; а только до зарезу нужны, хоть живой в гроб ложись.

Анна Павловна. Живете вы аккуратно…

Гольцов. Очень аккуратно-с, и в трактир никогда не хожу.

Анна Павловна. Много ли вы в год жалованья получаете?

Гольцов. Уж теперь полные триста рублей получаю.

Анна Павловна. Чего ж вам еще?

Гольцов. Не стал бы я напрасно говорить-с. Ей-богу, нужно-с, а достать негде.

Анна Павловна. У нас теперь тоже нет; мы сами нуждаемся.

Гольцов. Да верно ли это-с?

Анна Павловна. Что верно ли?

Гольцов. Что у Павла Прохорыча денег нет? Мне все говорят, что у него денег много, только он скупится, дать не хочет. А кабы он знал, какая мне надобность!

Анна Павловна. Как же вы можете сомневаться? Неужели мы вас станем обманывать!

Гольцов. Вы меня извините-с! Есть у меня один случай, да не знаю, удастся ли. Тут, по соседству у вас, живут два молодые человека, очень богатые,

они родственники. Недоносков и Недоростков.

Анна Павловна. Знаю.

Гольцов. Обещали дать денег-с. Велели сегодня к ним завтракать приходить.

Анна Павловна. Вот и подите!

Гольцов. Пойду; только надежды мало, люди-то пустые; вернее, что от них ничего не получишь. Что тогда делать! Куда мне деваться! Анна Павловна, скажите мне по совести, как перед богом, есть у Павла Прохорыча деньги? Меня что-то сомнение берет.

Анна Павловна. Как вам не стыдно! Перестаньте! Что вы!

Гольцов *(закрывая лицо руками).* Ах, боже мой!

Анна Павловна. Что вы? Уж не плачете ли?

Гольцов. Кабы вы знали, что у меня на душе!

Входит Верочка и закрывает ему глаза.

Явление третье

Анна Павловна, Гольцов и Верочка.

Гольцов. Ах, Вера Павловна, это вы-с!

Верочка опускает руки.

Я и не слыхал, как вы вошли. *(Целует руку.)*

Верочка *(целуя сестру).* Что вы оба такие сердитые? Поссорились, что ли?

Анна Павловна. Какие ты глупости, душенька,

говоришь! Из чего нам ссориться?

Верочка *(Гольцову).* Зачем вы так рано приходите? Не смейте так рано приходить!

Гольцов. А вы зачем так долго спите?

Верочка. Оттого долго, что я очень люблю спать. Когда спишь, всё лучше, а проснешься, всё хуже.

Анна Павловна. Нельзя же всю жизнь спать, душа моя!

Верочка. Отчего же нельзя? Так бы все спали, всякий бы видел во сне, что ему хочется, все бы были счастливы.

Анна Павловна. Ты забываешь, душа моя, что надо кушать что-нибудь.

Верочка. Ничего бы этого не нужно.

Анна Павловна. А что ж тебе нужно?

Верочка. А вот что: чтобы все, кто кого любит, всегда были вместе. Вот бы я, папаша, ты, Александр Петрович всегда бы и сидели вместе в одной комнате.

Анна Павловна. Немного же тебе нужно.

Гольцов. А разве вы меня любите?

Верочка. Вас? Да. Будто вы не знаете?

Анна Павловна. Почем же ему знать?

Верочка. Разве я вам не говорила? Так я вам скажу: я вас очень, очень люблю.

Анна Павловна. Какие ты глупости говоришь!

Верочка. Совсем не глупости. Как вас ваша маменька называла?

Гольцов. Саша.

Верочка *(шепотом).* Саша, Саша! *(Громко.)* Саша!

Гольцов. Что вам угодно?

Верочка *(смеется).* Нет, это я не вас. Я вас не могу так называть. Это я про себя. А вы меня любите?

Анна Павловна. Скажите, что нет.

Гольцов. Зачем же я буду лгать? Уж я лучше им правду скажу.

Анна Павловна. Да разве с ней можно серьезно разговаривать? А впрочем, говорите, пожалуй.

Верочка. Отчего же со мной серьезно нельзя разговаривать? Нет, вы говорите со мной серьезно! Я умею и серьезно разговаривать.

Гольцов. Я вас тоже очень люблю-с и уж говорил об этом вашему папеньке и сестрице, теперь остается только вам сказать.

Верочка. Папаше говорили и сестре говорили, теперь мне говорите!

Гольцов. Да-с, я и желаю с вами говорить! Я просил у папаши руки вашей, он мне велел к вам обратиться.

Верочка. Как? Что такое?

Гольцов. Руки вашей прошу-с.

Верочка *(задумчиво).* Нет, не надо.

Анна Павловна. Ну, вот видите!

Гольцов. Зачем же вы, Вера Павловна, хотите меня сделать несчастным?

Верочка. Нет, нет, я не хочу, чтоб вы были несчастны!

Гольцов. Так отчего же вы не хотите идти за меня?

Верочка. Нет, нет, ни за что не пойду! Вот еще! Зачем замуж идти? Я не хочу. Вы лучше так просто к нам приходите каждый день.

Анна Павловна. Вот и толкуйте с ней. *(Уходя.)* Не слушайте ее, она вздор говорит. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Гольцов и Верочка.

Гольцов. Может быть, вы не верите любви моей?

Верочка. Нет, верю.

Гольцов. Или я сам вам не нравлюсь?

Верочка. Нет, нравитесь.

Гольцов. Так отчего же вы не хотите меня осчастливить?

Верочка. Оттого, что не хочу.

Гольцов. Ну, бог с вами! *(Отходит к стороне.)*

Верочка *(про себя).* Саша, Саша!

Гольцов. Вы смеетесь?

Верочка. И не думала смеяться. Подите сюда! Что я вам скажу!

Гольцов. Что вам угодно?

Верочка. Садитесь подле меня.

Гольцов. Извольте. *(Садится.)*

Верочка. Если я соглашусь за вас идти замуж, тогда вы будете моим женихом?

Гольцов. Да-с, сначала женихом, а потом мужем.

Верочка. Когда вы будете женихом, вы будете к нам каждый день ходить?

Гольцов. Каждый день-с.

Верочка. Что же вы будете делать?

Гольцов. То же, что и теперь-с.

Верочка. То же, что и теперь?

Гольцов. Только тогда мы будем короче знакомы, я буду называть вас Верочкой.

Верочка. А еще что?

Гольцов*(смеясь).* Целовать вас буду-с.

Верочка. Как целовать?

Гольцов. Как? Известно, как-с. Приду и скажу: здравствуй, Верочка! И поцелую.

Верочка. Как?

Гольцов. Да как же, право-с! *(Конфузясь.)* Вот так-с! *(Целует ее.)*

Верочка *(помолчав).* А говорить что будете?

Гольцов. Буду называть вас ангелом, милочкой. Будем сидеть обнявшись.

Верочка. Как?

Гольцов. Какие вы-с! *(Обнимает ее.)* Душенька моя, Верочка, я для твоего счастья жизни своей не пожалею!

Верочка. И мы всегда будем так?

Гольцов. Всегда-с.

Верочка. Всю жизнь?

Гольцов. Всю жизнь-с.

Верочка *(с легким присутствием слез в голосе).* Правду вы говорите?

Гольцов. Как перед богом-с! Поверьте душе моей!

Верочка *(несколько времени молчит, потом обнимает и целует Гольцова).* Саша, я хочу быть твоей женой!

Гольцов *(целуя руку).* Благодарю вас, Вера Павловна!

Верочка. Нет, не Вера Павловна, а Верочка.

Гольцов. Ну, хорошо, Верочка! Ах, как я рад, как я рад! А потом ты не скажешь, что не хочу замуж идти?

Верочка. Нет, никогда теперь не скажу, никогда!

Гольцов. Ну, Верочка, надо папеньке сказать! Ты меня извини, я тебя теперь оставлю на минуту. У меня еще дело есть. Я скоро приду. Прощай, Верочка! *(Целует ее.)*

Верочка. Прощай, Саша!

Входит Анна Павловна.

Явление пятое

Гольцов, Верочка и Анна Павловна.

Анна Павловна. Что она, все еще упрямится?

Гольцов. Нет-с, она согласна. Позвольте, Анна Павловна, ручку поцеловать! *(Целует руку.)* Теперь мы скоро родные будем-с. Я, Анна Павловна, пойду, куда говорил-с! Если бы еще это удалось, я бы сегодня был совершенно счастлив-с.

Анна Павловна. Ну, дай бог вам успеха. Прощайте!

Верочка. Прощай, Саша! *(Целует Гольцова.)*

Он уходит.

Анна Павловна. Верочка! Верочка! Это что еще за новости! Что-то скоро, моя милая!

Верочка. Я всегда его буду Сашей звать и целовать.

Анна Павловна. Понравилось?

Верочка. Да, понравилось.

Анна Павловна. Верочка, слушай, душа моя! Согласись сама, ведь это неловко.

Верочка. Нет, очень ловко. Не знаю, как тебе, а мне очень ловко. *(У ходит.)*

Анна Павловна *(вслед ей).* При мне-то нужды нет; только ты при чужих людях не вздумай!

Входит Хрюков, Анна Павловна кланяется ему.

Явление шестое

Анна Павловна и Хрюков.

Хрюков. А крыса приказная дома аль нет?

Анна Павловна. Папенька, должно быть, в комнате. Я позову его.

Хрюков *(садясь).* Мне ведь не родить: я и подождать могу. А может, тебе моя компания не нравится? Ну, уж позови отца, коль тебе противно со мной сидеть!

Анна Павловна. Нисколько не противно.

Хрюков. Разве я не вижу, что ты нос-то отворачиваешь? Не красавец я, это что говорить!

Анна Павловна. Мне решительно все равно.

Хрюков. Я вот прожил век и без красоты, стало быть без нее обойтись можно. Как ты об этом думаешь? А насчет того, что ежели полюбить меня, так это только стоит мне захотеть. За тем только

и дело стало, чтоб мне захотеть. Вот и все!

Анна Павловна. Не понимаю я вас.

Хрюков. Я не маленький, вашу братью хорошо раскусил: знаю, что вам нужно. Ты не сердись! Ты меня узнай прежде! Я человек дорогой, когда захочу мошной тряхнуть. Меня в те поры ничто не удержит, ни на кого не посмотрю! Про меня говорят, что я скуп; так это врут. Я для себя, для своего удовольствия, денег не жалел. Да ежели и теперь какая блажь в голову придет, тоже не пожалею.

Молчание.

Я молодца тут встретил, у ворот; у вас, что ль, был?

Анна Павловна. У нас.

Хрюков *(строго)*. А зачем он у вас был?

Анна Павловна. Он Верочкин жених.

Хрюков. Писарек, должно быть, из суда, какой-нибудь плохенький? По обличью-то показывает. Так, что ли?

Анна Павловна. Да, он служит.

Хрюков. Ну уж, я сейчас вижу, что за птица. Парнишка из себя не видный, гляди не каждый день досыта и ест-то.

Анна Павловна. Молод еще очень.

Хрюков. Голь, надо полагать, непокрытая. Гра-

бить еще не знает как. Где ему знать, как надо грабить! А вы за такого отдавайте, который грабить знает.

Анна Павловна. Зачем ему грабить? Он жалованье получает.

Хрюков. А много ли?

Анна Павловна. Триста рублей. Да мы за Верочкой дом даем. Жить можно будет. Вот только бы ему теперь к свадьбе очень нужно деньжонок.

Хрюков. А сколько?

Анна Павловна. Только триста рублей.

Хрюков. Только! Шутила ты, что ли! Триста рублей! Ведь это по старому счету тысяча с лишком.

Анна Павловна. Конечно, у кого нет, тому и рубль дорог; а все-таки, по нынешнему времени, триста рублей небольшие деньги.

Хрюков. А ты попробуй-ка их достать, так вот тогда и узнаешь, велики ли деньги. Вот пусть он, жених-то ваш, сунется к кому-нибудь просить: тогда и увидишь, что ему скажут.

Анна Павловна. Ведь ему нужда крайняя. Если б у меня были деньги, я, кажется, сейчас бы все отдала.

Хрюков. Как нет-то денег, так все так рассуждают.

Анна Павловна. А если б мы у вас попросили?

Что для вас значат триста рублей!

Хрюков. Может, для меня и триста тысяч ничего не значат; а все-таки я не дам. Взаймы я не даю, на это есть процентщики. Тому принеси верный залог, так сколько хочешь денег даст. А ежели дать так, на бедность, так по триста рублей я тоже не подаю. Рубля три дам к празднику, к большому. Ведь ишь ты каторжный народ какой! Жалованья грош, деньжонок своих нет, а он жениться да на бедность побираться! Точно для него так у всякого деньги и приготовлены. Пожалуйте, мол, берите! Не нужно ли вам еще чего-нибудь? Оглашенные, право оглашенные!

Анна Павловна. Ему обещали дать.

Хрюков. Как же, дадут! Держи карман-то! Обыкновенно посмеяться хотят, насмешку сделать.

Анна Павловна. Что же тут смешного?

Хрюков. Да как же не смешно! Человек бегает по улицам, ищет триста рублей! Самому-то цена грош, а он воображает, что ему кто-нибудь триста рублей поверит. Как тут не смеяться! Это ужасно смешно! «Дайте триста рублей!» А сам-то ты много ли стоишь? Ничего! Вот увидишь, что над ним шутку какую-нибудь сделают. Уж очень способно, сам лезет.

Анна Павловна. Какую же шутку?

Хрюков. Дураком поставят! Да и за дело! Не будь глуп, не смеши людей.

Анна Павловна. Он коли займет, так отдаст непременно

Хрюков. Да, может, и отдаст; да кто ж поверит, что он отдаст. А ведь я было подумал, что он к тебе ходит.

Анна Павловна. Зачем ко мне?

Хрюков. Зачем? Кто тебя знает? Я думал, уж не ты ль хочешь замуж идти, аль, может, так по душе пришелся.

Анна Павловна. Я замуж не пойду.

Хрюков *(подходит к ней).* Не пойдешь? Что ты?

Анна Павловна. Нет, не пойду. Во-первых, уж я в летах; во-вторых, папеньку не захочу одного оставить. Верочка выйдет замуж, переедет от нас, с кем же папенька останется?

Хрюков. Да, и не оставляй отца! Не оставляй! Что хорошего! Грех будет, грех! И живите тут скромненько, солидно.

Анна Павловна. Я и всегда так живу.

Хрюков. Ну, и умница! умница! *(Гладит ее по голове.)* И чтоб не ходил к вам никто, особенно молодые люди, чтоб разговору не было!

Анна Павловна. Какой может быть про меня

разговор!

Хрюков. Ну да, ты скромная, умная девушка! Нешто я не вижу! А все-таки лучше. Нет, ты не ходи замуж, не ходи! Так лучше проживешь, я тебе говорю. А денег, что ты говорила, я дам. Отцу не дам и жениху не дам, тебе дам. Никому не дам, а тебе дам, в твои руки. Что хочешь, то и делай с ними. Я завтра зайду поговорить с тобой. Ну, вот и понимай, как хочешь!

Входит Оброшенов.

Явление седьмое

Анна Павловна, Хрюков и Оброшенов.

Хрюков. Эй, ты, приказная строка! Мне тебя нужно, брат.

Оброшенов. Что нужно, батюшка, Филимон Протасьич? Батюшка, что нужно? приказывайте!

Хрюков. Да ты полно по-сорочьи-то разговаривать! Дело есть.

Оброшенов. Приказывайте рабу вашему, приказывайте!

Хрюков. Где ты пропадал? А вот теперь, видишь ты, мне некогда с тобой разговаривать. Ты забеги как-нибудь!

Оброшенов. Вы только вздумайте дома: «вот кабы Павел Прохоров пришел!» И посылать не

надо. Вы только вздумаете, а я тут, тут, тут.

Хрюков. Ах ты тетерев лохматый! Посмотри-ка в калитку, нет ли кого на улице?

Оброшенов. Зачем, батюшка, родной ты мой?

Хрюков. Зачем? Ах ты голова с мозгом! А затем вот, чтоб не видали, что я у тебя был.

Оброшенов. Отец и благодетель! Да что ж я, прокаженный, что ли, какой?

Хрюков. Эх! До старости ты, брат, дожил, а ума не нажил. Неужели кто подумает, что я к тебе хожу! Зачем я к тебе пойду, какие такие у нас дела с тобой! Нужно мне тебя, так только свистнуть стоит, ты и прибежишь как угорелый. Всякий это понимает. Вон что подумают! — видишь? *(Показывает на дочь).* Скажут: «Старый шут любовницу завел». А у нас народ какой? Сейчас на смех подымут. А для меня это мараль.

Оброшенов. Шутник, шутник, шутник! Я не сержусь. *(Дочери.)* И ты не сердись! Шутник, шутник! *(Отворяет калитку.)* Есть ли в поле жив человек? Ни души не видно.

Хрюков. Ну, прощайте! *(Идет к калитке.)*

Анна Павловна. Прощайте!

Оброшенов *(на ухо Хрюкову).* Кукареку!

Хрюков. Ах, ты! Провалиться тебе! Испугал как! Отец-то у тебя шут с гороху! *(Уходит.)*

Явление восьмое

Анна Павловна и Оброшенов.

Анна Павловна. Лучше б он к нам не ходил.

Оброшенов. Что ты, что ты, бог с тобой! Он благодетель, кормилец наш. Случится, деньги все подойдут, взять негде, а это с нами часто бывает, я сейчас к нему, как в свой карман. Конечно, я ему после заработаю; да где ж ты теперь таких людей найдешь! Ты знаешь ли, сколько я у него по мелочам-то забрал? То-то оно и есть!

Анна Павловна. Отчего же он со мной так дурно обращается?

Оброшенов. Отчего? Оттого, что благодетель всему семейству. Как ты не понимаешь! А ты смейся! Вот как я. Он тебе скажет что-нибудь, а ты: хи-хи-хи да ха-ха-ха! Оно все легче, не так обидно.

Анна Павловна. Папенька, мне что-то странно: он мне денег предлагал.

Оброшенов. Каких денег?

Анна Павловна. Давеча Александр Петрович говорил, что ему необходимо нужно денег. Я проговорилась при Хрюкове; он обещал дать мне: отцу, говорит, не дам, а тебе дам.

Оброшенов. Гм… Нет, брат, лучше не бери!

Анна Павловна. Я и не возьму.

Оброшенов. Они денег-то дадут, да потом не рад будешь жизни, что взял у них. Эх, благодетели, благодетели! А все-таки без них нам жить нельзя на свете. Уж разумеется, если б я был с состоянием, я б этого благодетеля к себе на порог не пустил. Однако пойти к нему; что ему там надо. Фрак надену для учтивости; вот, мол, как тебя уважают.

Уходят в дом.

В калитку входят: Гольцов, выпивши; Недоносков и Недоростков, заглянув в калитку и видя, что никого нет, входят.

Явление девятое

Гольцов, Недоносков и Недоростков.

Недоносков. Ты, Саша, не робь!

Недоростков. Валяй, значит, да и кончено дело!

Гольцов. Я робею? Никогда! Я сейчас ему все…

Недоносков. Что тебе занимать? Ведь отдавать надо будет.

Недоростков. Мы бы дали, слова не сказали; да зачем у чужих, когда у него много?

Недоносков. Он тебя надуть хотел.

Недоростков. Да не на того напал. Ты ведь,

Саша, голова!

Недоносков. Еще бы Сашу-то обмануть! Да тот трех дней не проживет, кто его обманет.

Недоростков. Сашка плут!

Гольцов. Нет, уж меня не надуешь! Шалишь!

Недоносков. Он видит, что ты влюблен, ну и прижимает.

Недоростков. Он воображает, что на дурака напал.

Недоносков. Ты ему прямо: давай, мол, денег; а то так и не надо. У него денег много, он сам сказывал.

Недоростков. У меня, мол, другая невеста есть, и шабаш.

Гольцов. Да, ишь вы разгулялись! Чтоб я Вероч-ку-то оставил? Да никогда!

Недоносков. Да что — Верочка, Верочка! Ты поедем с нами; мы тебе такую невесту, значит, покажем… на редкость.

Гольцов. Не поеду.

Недоростков. Съедят, что ль, тебя? Ты погляди только! Примут как! Первый сорт.

Гольцов. Да ну, хорошо.

Недоносков. А ты, Сашка, бедовый!

Недоростков. Уж я тебе говорил, что парень — нашего поля ягода. Ты скорее, мы ждем.

Недоносков. Еще б ему стаканчик!

Недоростков. Нет, в самую припорцию. У меня на это размер верный: в самый раз.

Уходят.

Гольцов. Он думает, что я влюблен, а как же мне? У меня такая крайность!.. Где ж я?.. Я не могу.

Входят Оброшенов и Анна Павловна.

Явление десятое

Гольцов, Оброшенов и Анна Павловна.

Оброшенов. А, Саша, друг любезный, ты здесь?

Гольцов. Я за деньгами.

Оброшенов. Что?

Гольцов. За деньгами.

Оброшенов. За какими деньгами?

Гольцов. Какие деньги? Ха-ха-ха! Триста рублей.

Оброшенов. Что?

Гольцов. Триста рублей.

Анна Павловна. Молчите! Что вы! Завтра я вам, может быть, денег достану; а теперь ступайте домой!

Гольцов. Завтра! Значит, правда, что у вас есть деньги. Завтра! Нет, это дудки!

Анна Павловна. Перестаньте! Ступайте домой!

Гольцов. Оставьте, пожалуйста, я с вами не разговариваю.

Анна Павловна. Папенька, что с ним сделалось?

Оброшенов. Саша! Саша! Не надо, не надо! Всякие шутки прочь! Ты еще молод, молод, любезный!

Гольцов. Да-с, обмануть хотели. Он влюблен… без денег возьмет, а у вас денег много… Пожалуйте денег, а не то…

Оброшенов. А то что? Ну, что? говори.

Гольцов. Не надо ничего… вот и все…

Оброшенов. А кто плакал вот здесь, на этом месте, руки мои целовал, чтоб я Верочку отдал? А теперь не надо?

Анна Павловна. Папенька, потише; а то Верочка услышит.

Оброшенов. Что я тебе говорил? Что я тебе говорил? Что ты молод, не умеешь на свете жить. Вот так оно и вышло. Еще ничего не видя, ты пьяный в дом лезешь да шумишь тут! Что же это ты делаешь с своей головой?

Гольцов. Что вы с моей головой делаете? Мне теперь либо повеситься, либо… другую невесту искать с деньгами.

Верочка сходит с крыльца.

Явление одиннадцатое

Оброшенов, Анна Павловна, Гольцов и Верочка.

Оброшенов. Хорошо, Саша, хорошо! Ну, бог с тобой! Нам, брат, денег взять больше негде.

Гольцов. Павел Прохорыч, дайте денег, не скупитесь… а то смотрите: мне сватают.

Верочка. Я сама не пойду за него ни за что на свете! Папаша, я с тобой останусь, я ни за кого не пойду.

Гольцов. А давеча-то что?

Верочка. Папаша, прогони его.

Гольцов. Кого это? Меня-то?

Верочка. Папаша, он меня давеча здесь целовал, обнимал, говорил, что всю жизнь так любить будет. Что же он теперь делает?

Оброшенов. Как же ты, мальчишка…

Верочка. Я его так полюбила…

Оброшенов. Слышишь ты, полюбила.

Верочка. Папаша, я сама виновата. Зачем я такая глупенькая девочка, что меня можно обманывать! Теперь уж я никому не буду верить. И ты, папаша, не верь! А то и тебя будут обманывать.

Оброшенов. Слышишь ты, слышишь?

Анна Павловна. И вам ее не жалко!

Гольцов. А ему разве нас с Верочкой жалко?

Деньги есть, а не хочет дать.

Оброшенов. Как ты смеешь…

Гольцов. Кабы не было денег! А то есть, и не дает. А я так люблю, так люблю.

Оброшенов. Молчи, молчи! Видим мы, как ты любишь-то! Поди отсюда!

Гольцов. Что ж это такое? Вы меня гоните, и вы меня гоните? Вам не жалко меня, что я совсем погибаю. Я ведь погибаю!

Верочка. Нет, мне вас жалко. Папаша, не гони его. Он сам сейчас уйдет.

Гольцов. Зачем же я уйду?

Верочка. Вам очень стыдно станет, что вы нас обманули.

Анна Павловна. Вы только вспомните, что вы наговорили.

Гольцов. Боже мой! Что же это со мной сделали? *(Стоит молча.)* Простите меня. Прощайте! *(Уходит.)*

Оброшенов. Вот поди, узнай человека-то! Эка беда-то! Где ж бы мне теперь тебе жениха-то поискать?

Верочка. Я, папаша, не пойду ни за кого, кроме него! *(Бросается на грудь отцу.)* А за него тоже не пойду… он не стоит.

Действие второе

ЛИЦА:

Оброшенов.

Гольцов.

Недоносков.

Недоростков.

Шилохвостов, лавочник в короткой люстриновой сибирке, сапоги бутылками.

Важная особа, в шинели нараспашку, на шее орден, тугой белый галстук и очень высокие воротнички.

Солидный человек, низенький, толстый; на шее толстая золотая цепь, на руках перстни, палка с золотым набалдашником.

Маменька, в темном шелковом салопе, покрыта темным платком.

Дочка, одетая по моде, в маленькой соломенной шляпке.

Девушка, в бурнусе, покрыта платочком, с картоном.

Молодой человек.

Чиновник 1-й.

Чиновник 2-й

Салопница, в руках завернутое свидетельство

о бедности.

Шарманка.

Певица.

Лакей в ливрее.

Лица разных наций, званий и пола: военные, чиновники, купцы, приказчики, мальчики, разносчики, татары, армяне, евреи, барыни, купчихи, мастерички, торговки.

Ворота, где торгуют картинками.

Явление первое

Разные лица стоят группами, некоторые приходят, некоторые уходят, многие под зонтиками. Солидный человек на видном месте. Входят первый и второй чиновники.

Первый чиновник. Так женился Пыжиков-то?

Второй чиновник. Женился.

Первый чиновник. Так это верно?

Второй чиновник. Верно.

Первый чиновник. Да неужто так, как говорили? За пару платья только?

Второй чиновник. Да, за пару платья. Что ж делать-то! Не в чем было в суд ходить; а теща сшила ему все.

Первый чиновник. И больше ничего?

Второй чиновник. Больше ничего.

Первый чиновник. А как износит?

Второй чиновник. Ну уж тогда как хочешь.

Отходят в толпу.

Входят девушка, покрытая платочком, с картоном, и молодой человек.

Девушка. Вы отстанете от меня или нет?

Молодой человек. Да за что вы сердитесь?

Девушка. Вы видите, что не хотят с вами говорить, а вы все пристаете! Это должно к стыду к вашему относиться.

Солидный человек. Именно к стыду. Нынче в молодых людях нравственности не ищи, пристают ко всем без разбору. Вы, милая, станьте сюда, поближе.

Девушка. Покорно вас благодарю. *(Переходит к солидному человеку.)*

Молодой человек за ней. Входит Шилохвостов, снимает и отряхивает картуз.

Шилохвостов *(обращаясь ко всем).* Дождик-с… Ничего не поделаешь! До лобного дошел — ничего-с, а там стало так понуждать, что заячьей рысью действовать пришлось… Одеяние легкое-с! Этого струменту *(показывая на зонтик) с* собой не захватил; ну, значит, и удирай до первых ворот.

Входят маменька с дочкой.

Наше почтение-с!

Маменька. Здравствуй, батюшка!

Дочка. Кто такой, маменька?

Маменька. А кто его знает.

Шилохвостов. Пожалуйте, вот здесь к сторонке-с! Покупки изволили сделать?

Маменька. Да, батюшка. *(Дочери тихо.)* Не гляди ты по сторонам, говорю я тебе!

Шилохвостов. Из каких предметов, из шерстяных или из шелковых-с?

Маменька. Шерстяное, батюшка! *(Дочери.)* Чтой-то ты, страмница, все головой-то вертишь!

Шилохвостов. Позвольте полюбопытствовать-с! Мы сами кругом этого товару ходим-с.

Маменька. Уж ты нам, батюшка, и цену скажи, настоящую.

Шилохвостов *(развертывает и разглядывает).* Оченно во вкусе-с. Гривенок на шесть-с?

Маменька. Что ты, батюшка! по три четвертака платила!

Шилохвостов. Не дорого-с. Дешевле копейки взять нельзя-с. Позвольте, заверну-с. *(Завертывает с ловкостью и отдает.)*

Девушка *(молодому человеку).* Я вам сказала, чтоб вы отстали от меня. Чего ж вам еще нужно?

Молодой человек отворачивается, как будто

не ему говорят, и начинает переглядываться с дочкой.

Солидный человек. Вам лучше бы уйти отсюда. И я бы… пошел.

Шилохвостов *(девушке).* В мастеричках изволите жить?

Девушка. А вам какое дело?

Шилохвостов. А вы не будьте так довольно горды! В вашем звании оно нейдет-с.

Девушка. А вы почем знаете мое звание? Может быть, вы оченно ошибаетесь?

Шилохвостов. По мундиру-то по вашему оно сейчас видно-с.

Все смеются. Девушка уходит. Солидный человек за ней. Молодой человек подвигается к дочке, вынимает бумажку и пишет карандашом записку.

Маменька *(дочке).* Перестанешь ты вертеться али нет?

Шилохвостов. Это от малодушества-с.

Маменька. Какое малодушество! Как она себе шею-то не свернет!

Шилохвостов *(подходя к татарину).* Что это, мыло у тебя?

Татарин. Сама настоящя, казанскя. Хорош товар, купи для вечера.

Шилохвостов. Сами, брат, этим товаром торгуем.

Входит важная особа с лакеем.

Лакей. Посторонитесь, господа, посторонитесь!

Важная особа *(чуйке).* Посторонись же, любезный!

Шилохвостов. Пожалуйте, ваше превосходительство! Вот здесь просторно-с!

Важная особа становится и все время стоит неподвижно, поднявши голову. Дочка роняет платок; молодой человек поднимает и вместе с запиской отдает ей.

Дочка. Мерси-с!

Маменька. Ну уж, дай ты мне только домой прийти! Вот ты тогда увидишь!

Дочка. На учтивость обнакновенно надобно учтивостью ответить. Нешто вы что понимаете!

Маменька. Ну, ладно!

Входят Оброшенов и Гольцов.

Явление второе

Те же, Оброшенов и Гольцов.

Гольцов. Мне, право, совестно и глядеть-то на вас.

Оброшенов. Ну ничего, ничего! *(Гладит его по плечу.)* Ишь ты вымочил сертучок-то!

Гольцов. Они мне приказали прийти к ним, сказали, что денег дадут. Вот я от вас и зашел; они завтракают сидят. Налили мне стакан шампанского. Вы знаете, я не пью.

Оброшенов. И не пей, Саша, не пей!

Гольцов. Я и отказывался, да насильно заставили, в рот влили; хотели облить всего. Я бы и ушел, да они все останавливали, обещали сейчас денег дать. Потом другой таким же манером заставили выпить, а уж третий, должно быть, я и не отказывался. Тут, уж как я захмелел-то, они и стали мне говорить: «Мы бы тебе и дали денег, да зачем тебе у чужих занимать, после отдавать надо будет; ты попроси у нареченного тестя». Я говорю, что у вас денег нет, что вы все на дом истратили. «Он, говорят, тебя обманывает, у него денег много награблено: это всем известно; он сам сказывал».

Оброшенов. Ах, разбойники! Ах, разбойники!

Гольцов. «Вот, говорят, ты теперь выпил для храбрости и ступай к нему. Припугни его хорошенько, он тебе сейчас и даст денег непременно. А не даст, так и не надо; у нас, говорят, есть невеста и лучше, и денег больше». *(Махнув рукой.)* И говорить-то совестно.

Оброшенов. Ничего, говори, говори!

Гольцов. Что у вас делал, сами знаете. Прова-

литься сквозь землю легче. Как ушел я от вас, повезли они меня к невесте. Привезли меня куда-то в дом, стали еще потчевать, народу сошлось много, вывели невесту. Только как я ни был пьян, а сейчас заметил, что это горничная переряженная. Так мне стыдно и обидно стало! А что ж делать! Сам виноват. Схватил шляпу, да бежать без оглядки. А они мне вслед кричат: «Ну, Саша, потешил ты нас сегодня!» Потешил я их... А каково мне!.. Как я к вам глаза покажу!..

Оброшенов. Ну ничего, ничего. Ты почем это сукно-то брал?

Гольцов. Да что сукно! Не утешайте вы меня, Павел Прохорыч! Не стою я этого. Какими глазами мне теперь смотреть на Веру Павловну!

Оброшенов. Велика птица Вера Павловна! С кем греха не бывает! Ну, виноват, да и конец! Не век же будет помнить!

Гольцов. Как сказать-то, что виноват? Кажется, от стыда слова не выговоришь. Они могут подумать, что со мной это часто случается.

Оброшенов. Могут подумать! Ничего она не подумает, она и думать-то еще ничего не умеет. Ты ведь ее любишь? Будешь беречь? Ведь это ребенок, Саша! Ангельская душка!

Гольцов. Уж поверьте, Павел Прохормч, жизни

своей не пожалею для Веры Павловны! Это только случай со мной несчастный, за который я всю жизнь буду казниться.

Оброшенов. Ну и хорошо, Саша, хорошо! Я тебе верю. Ты уж не бойся, я вас помирю; я тебе это дело устрою. Ах, Саша, Саша! А ты сокрушаться вздумал, что об тебе девчонка подумает! Хе-хе-хе! Право, девчонка: так, дрянь какая-то! У нас есть дела поважнее, есть о чем думать, кроме этого. Тебе на что деньги-то нужны, ты мне скажи!

Гольцов. И не спрашивайте, Павел Прохорыч!

Оброшенов. Как не спрашивать! Как не спрашивать! Коли нужно, так поискать надо будет, похлопотать.

Гольцов. Вот как нужно, Павел Прохорыч, хоть в петлю полезай.

Оброшенов. Да скажи, чудак-человек!

Гольцов. Я чужие деньги затратил.

Оброшенов. Что ты! Господь с тобой!

Гольцов. Крайность заставила, Павел Прохорыч. Делал я кое-какие делишки одному помещику, исправлял поручения, в Совет деньги вносил.

Оброшенов. Ну, ну!

Гольцов. Вот он и прислал мне денег в Совет внести за имение: триста рублей. Тут у меня матушка умерла, на похороны было взять негде:

за квартиру нужно было за четыре месяца отдавать… я больше половины денег-то и истратил.

Оброшенов. Да ведь уж это, никак, с полгода?

Гольцов. Больше полугоду-с. Я думал, что из жалованья я пополню; а тут начали за чин вычитать. Думал, награду дадут к празднику, не дали… Теперь последний срок приходит. Ну, как имение-то в опись назначат или вдруг сам приедет. Пожалуется председателю, ведь из суда выгонят. Да стыд-то какой! Боже мой!

Оброшенов. Что ж ты мне прежде не сказал?

Гольцов. Совестно было.

Оброшенов. Что ж ты это, Саша, наделал! Как теперь быть-то? Где денег-то взять? Вот беда-то! Ну уж не ожидал я от тебя, не ожидал!

Гольцов. Как хотите, так меня и судите, Павел Прохорыч!

Оброшенов. Да я тебя не виню, не виню. Полно ты! Какая тут вина, коли крайность. Только вот что, Саша, обидно, что между нас, бедных людей, не найдешь ты ни одного человека, у которого бы какой-нибудь беды не было. Ах ты, грех какой! Ума не приложу.

Гольцов. Да что вам беспокоиться, Павел Прохорыч! У вас своей заботы много. Ищите себе другого жениха, а меня оставьте. Выпутаюсь

— хорошо, не выпутаюсь — туда мне и дорога.

Оброшенов. Нет, Саша, как можно, чтоб я тебя оставил! Нет, я попытаюсь, побегаю. Что мне значит побегать! Богатых людей много знакомых; знаешь, этак, дурачком, дурачком, паясом; может, и достану тебе денег. Ты очень-то не горюй!

Гольцов. Выручите, Павел Прохорыч! Спасите меня!

Оброшенов. Бог милостив, Саша, бог милостив! Отчаяваться не надо.

Шилохвостов. Однако ко щам начинает поталкивать. Нечего и на Спасских смотреть, и без того знаю, что время.

Важная особа. Сегодня никто так не заслужил своего обеда, как я.

Шилохвостов. Тэк-с!

Салопница подходит и шепчет что-то на ухо.

Чего-с? Я в Ирбитской плачу-с.

Салопница. Как изволили сказать?

Шилохвостов. Я всегда вам всем в Ирбитской ярмарке плачу. Пора вам знать.

Все смеются. Салопница шепчет что-то.

Что же вы ко мне пристаете! Я сказал, что в Ирбитской! А то можно и Лютова позвать. Да, никак, это он идет; да, Лютов и есть.

Все смеются. Салопница быстро скрывается.

Важная особа. Кто такой Лютов?

Шилохвостов. Чего-с?

Важная особа. Кто такой Лютов? я тебя спрашиваю.

Шилохвостов. Ундер, ваше превосходительство! Эти просящие особенный страх к нему имеют.

Входят Недоносков и Недоростков.

Явление третье

Те же, Недоносков и Недоростков.

Недоносков. Сашка тут.

Недоростков. Опять его накалить.

Недоносков. Нет, теперь эта штука не выгорит; старик с ним. *(Отворачиваются в сторону.)*

Гольцов. Вот они пришли.

Оброшенов. Вот бы отчитать их хорошенько, Саша, да при народе! — они этого терпеть не могут. Да, может быть, Саша, они твои благодетели? Они тебе прежде помогали чем-нибудь?

Гольцов. Никогда я от них ни одной копейки не видал; кроме насмешки, ничего.

Оброшенов. Ну, так что ж на них смотреть! Вот кабы благодетели, тогда нельзя. Право, ты бы им выговорил — так, легонько, поучтивее. Ну, что хорошего! Только что издеваются, а пользы от

них никакой. Диви б маленькие. Коли ты хочешь утешаться, так ты бедному человеку сначала помоги, да потом и утешайся над ним. Так ведь я говорю, Саша?

Гольцов. Конечно, правда.

Оброшенов. Нет, ты им скажи: «Напрасно, мол, вы, господа, себе такие шутки позволяете!» Так и скажи! Вот и пусть они знают. А то всякий станет над тобой издеваться, и на свете жить нельзя будет.

Гольцов *(Недоноскову и Недоросткову).* Здравствуйте, господа! *(Раскланиваются.)* Покорно благодарю за угощение!

Недоносков. Не на чем.

Гольцов. Насилу до дому дошел.

Недоростков. Ты бы пил больше!

Гольцов. Да вы меня насильно заставляли.

Недоносков. Всякий сам об себе понимать должен.

Недоростков. Кто ежели этому не подвержен, насильно не заставишь.

Гольцов. Я не то что подвержен, я и в рот не беру.

Недоносков. Оно и по глазам видно.

Недоростков. Значит, у тебя совести нет, когда ты при людях сам говоришь, что вчера пьян был.

Другой бы скрывал.

Недоносков. Еще говоришь, что тебя насильно напоили. Кто же может теперича этому поверить? Кому нужно заниматься с тобой? Никто и внимания не возьмет. Антиресная канпания!

Недоростков. Кому ты можешь канпанию составить? И выходит, что ты пустой человек, не стоящий внимания.

Оброшенов. Вам тятенька много ли денег-то оставил на забавы?

Недоносков. Это в состав не входит.

Отворачиваются и разговаривают между собою.

Шилохвостов. Вот и я тоже, как домой пьяный приду, сейчас жене и говорю: запутали, мол, ничего не поделаешь.

Все смеются и поглядывают на Гольцова.

Гольцов. Меня ж пристыдили! Не знаю, как и на людей смотреть. Я уж лучше пойду.

Оброшенов. Куда?

Гольцов. К вам. Хочется поскорей увидаться с Верой Павловной. У меня как камень на сердце лежит. Уж что-нибудь одно: либо пан, либо пропал.

Оброшенов. Да ты не бойся! Эх, какой ты, право! Ничего, ступай смелей! А я после приду; мне

тут нужно забежать на минуту. Скажи дома, что сейчас, мол, придет. Да скажи Верочке, что я приказал ей с тобой помириться. А с этими молодцами я еще поговорю.

Гольцов идет к выходу.

Недоносков. Не хочешь ли опохмелиться опосля вчерашнего?

Все смеются.

Гольцов. Опохмеляйтесь сами! *(Уходит.)*

Явление четвертое

Те же, без Гольцова.

Оброшенов. Эх, господа! Как не грех вам бедного малого обижать! Он человек хороший, смирный!

Недоносков. Его смиренства никто и не снимает с него.

Недоростков. Так это при нем и останется.

Шилохвостов. Смиренство еще не важное какое дело! В столице живешь, так поневоле будешь смирен. Потому что ежели драться станешь, сейчас лопатки скрутят.

Смех.

Оброшенов. Он вина-то и в рот не брал, а вы вчера…

Шилохвостов. Вина не пьет, с воды пьян жи-

вет.

Смех.

Оброшенов. Ты к чему пристал? Туда же: «пьян живет»! Видал ты его пьяным?

Шилохвостов. Слухом земля полнится.

Оброшенов. От кого ты слышал? Ну, сказывай!

Шилохвостов. Мне теща сказывала; она теперича в Астрахань уехала.

Смех.

Оброшенов. Выжига ты, вот что!

Шилохвостов. Уж и видно, что стракулист: так и цепляется.

Смех.

Оброшенов. Что? что? что ты сказал?

Шилохвостов. Ничего-с. Это я не про вас, а про мать кресну: она свой человек — не обидится. *(Отходит к Недоноскову.)*

Оброшенов. Вот нынче народ-то какой стал! Ни за что мальчика обругали да облаяли. Вот эти господа что вчера с ним сделали.

Начинают прислушиваться и подходить.

Он вина в рот не брал, а они его насильно напоили да комедию себе на потеху состроили. Еще какую комедию-то!

Народ подвигается.

Недоносков. Что он там за разговоры развел!

Недоростков. При людях срамить вздумал!

Оброшенов. Видят, что человек ничего уж не понимает, в чужой дом повезли; там горничную девку невестой одели…

Один из толпы. Что он говорит?

Другой. Горничную невестой одели.

Недоносков. Он на нас мараль пущает.

Недоростков *(громко).* Разговаривать-то можно, слушать-то только нечего.

Оброшенов. Вот чем утешаются, знать дела-то другого нет у них! Коли есть дело, так глупости не пойдут на ум. Да и нашли кого обидеть! Парень безответный… Ведь этак они до того дошутятся, что могут совсем человека погубить. Разума-то у них хватит.

Недоносков. Я бы с него ничего не взял за такие его разговоры.

Недоростков. Надоть бы его хорошенько!

Шилохвостов. Штуку какую-нибудь над ним сочинить почуднее! Надо заняться придумать.

Недоносков *(Шилохвостову).* Что придумывать-то? Поди сюда! *(Шепчет ему на ухо. Шилохвостов хохочет.)* Вот тебе конверт! Поди положи газетной бумаги, в серединку положи записку; напиши… *(Шепчет. Шилохвостов хохочет* до *истерики. Важная особа улыбается.)* да и под-

кинь ему.

Шилохвостов. Я духом! *(Уходит.)*

Шарманщик с певицей играет «Под вечер осенью ненастной».

Певица *(поет)*

Под вечер, осенью ненастной,
Пустынным дева шла местам,
И тайный плод любви несчастной
Держала трепетным рукам.
Все были тихи, лес и горы,
Все спали в сумерки ночной,
Она внимательные взоры
Водила с ужасом вокруг…

Важная особа. Довольно!

Певица.

И на невинном сим творенье…

Важная особа. Довольно, я говорю!

Шарманка перестает. Шилохвостов входит.

Шилохвостов *(шарманщику).* Тяжеленько носить изволите.

Шарманщик. Своя ноша не тянет.

Шилохвостов. Другой подумает, что его за непочитание родителей заставили этакую штуку

таскать.

Смех. Шарманка уходит.

Готово-с. *(Показывает конверт.)*

Недоносков. Ну, теперь не зевай! Дождик-то проходит.

Оброшенов уходит. Шилохвостов убегает вперед, потом скоро возвращается.

Шилохвостов. Поднял-с!

Оброшенов вбегает бледный.

Оброшенов. Боже мой! *(Вынимает конверт из кармана и смотрит.)* Что это? Не во сне ли я вижу! Шестьдесят тысяч… объявить… третья часть — двадцать тысяч… Я задыхаюсь… Батюшки!.. Отлегло. Саша! Верочка! Вот они, деньги-то, вот они! *(Убегает.)*

Шилохвостов. Держи его! *(Хохочет.)*

Все смеются.

Важная особа *(уходя, останавливается).* Вот вам всем пример наказанного корыстолюбия.

Действие третье

ЛИЦА:
Оброшенов.
Анна Павловна.
Верочка.
Гольцов.
Улита Прохоровна, сестра Оброшенова, в чепчике, в салопе, с большим мешком в руках.

Комната в доме Оброшенова.

Явление первое

Анна Павловна сидит за работой, Улита Прохоровна сидит подле нее, и Верочка смотрит в окно.

Улита Прохоровна. Они его подбили, они; больше некому. Это у них первое удовольствие заманить к себе да напоить. Они ведь меня тоже вчера как испугали! Иду я мимо их дому-то, не помню об чем-то задумалась; вдруг наверху, над моей головой, кто-то кричит во все горло, я ажно присела. Взглянула это я наверх-то, а оттуда мне кулек на голову, так ноженьки и подкосились.

Насилу выпуталась из кулька-то. Отошла на другую сторону, смотрю: а у окна эти два балбеса, да и Гольцов с ними. Думала тут же зайти к вам да рассказать, так не хотела вас расстроивать. Ну, прощайте!

Анна Павловна. Да вы бы, тетенька, пообедать у нас остались!

Улита Прохоровна. Как же, нужно очень! Мало вас без меня! И так семья порядочная. Я не хочу брату в тягость быть. Я найду, где пообедать. Ты посмотри-ка, как меня везде принимают! А отчего? А оттого, что я смолоду в княжеских и в графских домах жила, хорошие порядки видела. Тому научу дураков-то, другому; так вот мне все и рады. Я таким манером двадцать лет из дому в дом брожу, к вам-то только повидаться захожу.

Анна Павловна. Право, тетенька, останьтесь.

Улита Прохоровна. Зачем дома обедать, коли в чужих людях можно? Ну, право! Вот кабы я набивалась, так бы худо; а то везде с честью принимают. Когда негде будет, надоем всем, ну уж тогда, нечего делать, дома обедать буду. А теперь что мне вас в лишний расход вводить! От вас к Хрюковым пойду. Хоть сам-то старик и плут, да мне все равно; у сыновей жены хороши, бабы добрые.

Анна Павловна. А как обеда не застанете?

Улита Прохоровна. А мешок-то на что? Тут у меня целый дом. Тут у меня и чай, и сахар, и ситец на платье, и свечи стеариновые, и лоскутки разные, вот воротник меховой подарили недавно, а вот две котлетки завернуты. Я ничем не брезгую; все прячу, что дают. Ну, прощайте! *(Целуется с обеими и уходит.)*

Явление второе

Анна Павловна и Верочка.

Анна Павловна. Ты что все в окно смотришь? Целое утро не отходишь!

Верочка. Папашу дожидаюсь.

Анна Павловна. Папашу ли?

Верочка. А то кого же еще? Мне больше некого дожидаться.

Анна Павловна. Уж и некого?

Верочка. Разумеется, некого. Ну, кого я стану ждать? скажи.

Анна Павловна. Ну, что ты со мной-то хитришь!

Верочка. Ты, может, думаешь, что я Сашу…

Анна Павловна *(смеясь).* Кого?

Верочка. Я ошиблась, а ты уж и рада. Ты думаешь, что я Александра Петровича дожидаюсь?

Так нет же, нет, нет, нет!

Анна Павловна. Ну, верю, верю.

Верочка. Я об нем и думать-то забыла.

Анна Павловна. Очень жаль.

Верочка. Кого?

Анна Павловна. Разумеется, тебя; а то кого же?

Верочка. Отчего тебе меня жаль?

Анна Павловна. Очень просто, душа моя: вчера ты называла Александра Петровича своим женихом, Сашей, целовала его; а сегодня забыла и думать. Значит, у тебя дурное сердце.

Верочка. Я тогда не знала, что он такой противный.

Анна Павловна. Может быть, он совсем и не противный.

Верочка. Уж ты, пожалуйста, за него не заступайся.

Анна Павловна. А мне что за него заступаться? он — твой жених, а не мой.

Верочка. Ну уж это извините-с.

Анна Павловна. А вот увидим.

Верочка. Нет уж, я лучше умру, а не пойду за него.

Анна Павловна. Зачем умирать! Тебя никто и не принуждает идти за него. Можешь выйти за кого угодно.

Верочка. И за другого не пойду.

Анна Павловна. Как хочешь, душа моя; твоя воля.

Молчание.

Верочка. Аннушка!

Анна Павловна. Что?

Верочка. Душенька, что я у тебя спрошу, ты мне скажешь? *(Плачет.)*

Анна Павловна. Конечно, скажу. О чем же ты, милочка, плачешь?

Верочка. Мне очень скучно.

Анна Павловна. Ну, что же ты хотела спросить?

Верочка. Придет он к нам еще когда-нибудь или нет?

Анна Павловна. Не знаю, душенька. У него ума-то тоже немного больше твоего. С неделю от стыда не пойдет, а потом будет совеститься, что долго не был. Это всегда так бывает. А тебе хотелось бы, чтобы он пришел?

Верочка. Да, очень хотелось бы. Мне так скучно, так скучно!

Анна Павловна. Кто ж его знает! Может быть, возьмется за ум и придет.

Верочка. Нет уж, я знаю, что не придет. *(Плачет.)*

Анна Павловна. Надолго ли твоего сердца-то хватило?

Верочка. Ты думаешь, я ему прощу? Нет, нет, я ему никогда не прощу; я только хочу, чтоб он пришел.

Анна Павловна. Один раз?

Верочка. Нет, чтоб и еще приходил.

Анна Павловна. А вот подождем денька три.

Верочка. Денька три! Что это ты! Нет, я не хочу. Я хочу, чтоб нынче пришел.

Анна Павловна. Ну, это едва ли.

Верочка. Знаешь что, душенька, Аннушка! Если он сегодня не придет, я к нему тетеньку пошлю.

Анна Павловна. Как это можно! Что ты выдумываешь! Надо подождать еще хоть два дня.

Верочка. Ну как он, в самом деле, долго не придет — с тоски умрешь. Уж как бы я была рада, кабы он пришел; кажется, и сердиться бы на него перестала. *(Смотрит в окно.)* Идет! Уйду, уйду, в свою комнату уйду! И чтоб он не смел туда ходить! Ты слышишь, что я тебе говорю, сестрица! *(Убегает.)*

Анна Павловна. Ах, молодость, молодость! Блаженное время! И я была молода, да нечем мне вспомнить мою молодость! *(Утирает глаза.)*

Что ж это? Неужели я завидую ей! Сестре-то! Нет, какая зависть! А как-то невольно, когда видишь чужое счастье, хочется и себе хоть немножко. Ну, что ж делать! Мое время прошло. Теперь остается только мне всех любить, а меня уж никто не полюбит. Отец скоро совсем состареется, у сестры будут дети; вот и ухаживай за всеми. Ей, скажут, и делать-то больше нечего, это ее прямая обязанность.

Входит Гольцов и останавливается у двери.

Явление третье

Анна Павловна и Гольцов.

Анна Павловна. Войдите! Что же вы стали?

Гольцов. Если позволите? Мне, право, так совестно-с.

Анна Павловна. Перестаньте! Что за вздор! Мы уж и забыли. Садитесь! Видели папеньку?

Гольцов. Видел-с. Он сейчас придет; мы вместе шли из городу.

Анна Павловна. Где же он теперь?

Гольцов. Хотел зайти насчет денег похлопотать.

Анна Павловна. Для вас?

Гольцов. Для меня-с.

Анна Павловна. Однако вы очень деньги лю-

бите. Я не знала, что вы такой корыстолюбивый.

Гольцов. Какое корыстолюбие, Анна Павловна! Просто мне нужны деньги до зарезу.

Анна Павловна. Нет, в самом деле? Вы не шутя говорите?

Гольцов. Плохие шутки! Если я не достану денег, я могу лишиться и службы, да и больше того, и чести.

Анна Павловна. Что вы говорите! Это ужасно. Но, послушайте, вы не беспокойтесь очень-то, не расстроивайте себя! Еще дело может поправиться. Только вы не говорите, ради бога, Верочке, не пугайте ее!

Гольцов. Что вы! Помилуйте! А можно мне их видеть-с?

Анна Павловна. Не знаю. Она сейчас только убежала в свою комнату и велела сказать вам, чтобы вы туда не ходили.

Гольцов. И сами не выдут-с?

Анна Павловна. Право, не могу вам сказать. Кто же ее знает!

Гольцов. Что я наделал! Ведь теперь Вера Павловна ни за что моей любви не поверит-с, как я ни уверяй. А я, Анна Павловна, ей-богу, влюблен, так влюблен, что я уж и не знаю как. Я давеча плакал все утро.

Анна Павловна. Вы думаете, что она вас разлюбила?

Гольцов. Что ж мудреного, после этакого случая.

Анна Павловна *(с улыбкой).* Да, конечно.

Гольцов. Ах, боже мой! Желал ли я когда обидеть Веру Павловну! А вот что вышло!

Анна Павловна. Вы говорили с папенькой о Верочке?

Гольцов. Как же-с! Об чем же мне говорить-то!

Анна Павловна. Что ж он?

Гольцов. Он-то ничего-с. Обнадеживал очень. «Поди, говорит, скажи Верочке, что я приказал ей с тобой помириться».

Анна Павловна *(смеясь).* Ну так чего же вам бояться?

Гольцов. Все-таки-с…

Анна Павловна *(громко).* Верочка!

Верочка за сценой: «Что тебе?»

Поди сюда!

Верочка за сценой: «Зачем?»

Папенька приказал тебе помириться с Александром Петровичем.

Верочка за сценой: «Хорошо, я сейчас приду!»

Гольцов. Вы меня поддержите!

Анна Павловна. Нет, я вас оставлю вдвоем. Это,

мне кажется, лучше будет.

Гольцов. Нет, что вы! Помилуйте!

Анна Павловна. А еще жених! Боитесь с невестой остаться!

Верочка входит.

Ты слышала, что папенька приказал? *(Гольцову.)* Ну, вот мы и посмотрим, как она не послушает отца. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Гольцов и Верочка.

Гольцов. Простите меня, Вера Павловна!

Верочка. Я не могу вас не простить.

Гольцов. Отчего же-с?

Верочка. Так папаше угодно.

Гольцов. Только потому-с?

Верочка. Разумеется. Я бы и не вышла к вам ни за что на свете.

Гольцов. В этом радости для меня не много-с. Я бы желал знать, что вы сами обо мне думаете-с.

Верочка. Что вы ко мне пристаете!

Гольцов *(хочет взять руку).* Позвольте-с!

Верочка. Это что еще?

Гольцов. Ручку поцеловать.

Верочка. С чего это вы выдумали!

Гольцов. Ведь уж вы меня простили?

Верочка. Да, я вас простила, а руки не дам.

Гольцов. И вы долго будете сердиться-с?

Верочка. Долго! Вот новости! Всю жизнь.

Гольцов. Да помилуйте, как же это можно-с, когда вы…

Верочка. Что я?

Гольцов. Да как же, вы изволили обещать-с…

Верочка. Что такое?

Гольцов. Да вчера изволили… быть столько добры-с… за меня замуж…

Верочка. За вас замуж? Кто же это вам сказал?

Гольцов. Да и Павел Прохорыч говорит-с…

Верочка. Папаша может мне приказать помириться с вами, а этого не может.

Гольцов. Значит, мне нельзя никакой и надежды иметь?

Верочка. Никакой.

Гольцов. Извините, что я вас побеспокоил. Делать мне здесь нечего-с. Прощайте-с!

Молчание.

Честь имею кланяться. *(Хочет идти.)*

Верочка. Послушайте, куда же вы?

Гольцов. Домой-с. Засвидетельствуйте мое почтение Павлу Прохоровичу. *(Идет к двери.)*

Верочка. Не ходите!

Гольцов *(в дверях).* Помилуйте, Вера Павлов-

на! Что же мне здесь оставаться! Только одно мучение.

Верочка. Если вы уйдете, я так рассержусь, так рассержусь, что…

Гольцов. Ведь уж как ни сердитесь, хуже этого для меня не будет-с. Чего же еще! Вы даже и надежды не позволяете иметь.

Верочка. Еще бы позволить! Нет, вы вот что скажите: если вы уйдете теперь, вы уж никогда больше не придете?

Гольцов. Зачем же я пойду, рассудите сами-с.

Верочка. Так никогда?

Гольцов. Никогда-с.

Верочка. Ну и прекрасно! И не надо вас! Не приходите! Прощайте!

Гольцов. Прощайте! Бог с вами!

Верочка. Прощайте! *(Вырывает у Гольцова шляпу.)* Уходите! Что ж вы нейдете?

Гольцов. Что ж это за насмешки-с! Пожалуйте шляпу-с!

Верочка. Нет уж, теперь не отдам. *(Прячет шляпу за себя.)*

Гольцов. Ах, позвольте! Изломаете, право изломаете.

Верочка. Ни за что, ни за что не отдам! Ну, уж возьмите! *(Гольцов протягивет руку, она прячет*

шляпу.)

Гольцов. Вы уж лучше простите меня; помиримтесь как следует, тогда я сам останусь.

Верочка. Отымите у меня шляпу, тогда помирюсь.

Гольцов. Ведь захочу, так отниму-с.

Верочка. Попробуйте!

Гольцов. Извольте! *(Обхватывает руками Верочку, она сопротивляется, он ее целует.)*

Верочка. Это что еще! *(Топает ногой.)* Кто вам позволил? Вы хотите, чтоб я вас прогнала?

Гольцов. Виноват-с! Пожалуйте шляпу, я сам уйду.

Верочка. Возьмите! *(Отдает шляпу.)*

Гольцов. Прощайте! *(Идет к дверям.)*

Верочка *(тихо).* Саша!

Гольцов. Что вам угодно-с?

Верочка. Что вы воротились? Я совсем вас не звала. Это я про себя.

Гольцов. Извините-с! *(Уходит.)*

Верочка *(кричит все громче и громче).* Саша! Саша! Саша! Ах, какой противный! Он, пожалуй, в самом деле уйдет. *(У окна.)* Саша! Саша, воротись! Воротился, воротился! *(Прыгает от радости.)*

Гольцов входит.

Ты, Саша, такой… такой… нехороший! Ты не

стоишь, чтоб тебя любили! Ты хотел уйти и никогда не приходить. И выходит, что ты злой, а я добрая.

Гольцов. Значит, вы меня совсем прощаете?

Верочка. Совсем.

Гольцов. И я опять смею называть вас Верочкой?

Верочка. Нет, не смеешь. Ну, да называй, пожалуй.

Гольцов. И ручку поцеловать можно?

Верочка. Можно. На! *(Протягивает ему руку.)*

Гольцов *(целуя руку).* Мы уж, Верочка, об этой ссоре и поминать не будем.

Верочка. Не будем.

Гольцов. И замуж, Верочка, пойдешь за меня?

Верочка. Пойду. Только ты не уходи.

Гольцов целует руку. Входит Анна Павловна.

Явление пятое

Гольцов, Верочка и Анна Павловна.

Анна Павловна. Целуйтесь, целуйтесь, я не помешаю. Это лучше, чем ссориться.

Гольцов. Уж теперь кончено-с.

Анна Павловна. Ну и прекрасно!

Верочка. Он теперь опять мой жених.

Анна Павловна. Очень рада твоей радости.

Верочка. А вот калитка стукнула, должно быть папаша.

Анна Павловна *(взглянув в окно).* Он и есть.

Гольцов. Не денег ли несет! Вот бы счастливый-то день для меня.

Анна Павловна. Должно быть, что-нибудь есть; что-то он очень весел.

Входит Оброшенов, дочери целуют его.

Явление шестое

Оброшенов, Гольцов, Анна Павловна и Верочка.

Оброшенов *(гладит дочерей по головам).* Ну, козы, прыгайте!

Верочка. Зачем, папаша?

Оброшенов. От радости. Я бы и сам прыгал, да ноги устарели. *(Оглядывая всех.)* Ах, дурочки вы мои, дурочки! Право, дурочки!

Верочка. Папаша, за что ты бранишься?

Оброшенов. Нет, он-то, он-то! Плачет; несчастие, говорит; чужие деньги затратил. Ха-ха-ха, хи-хи!

Анна Павловна. Папенька, я вижу, вы денег достали?

Оброшенов. Нет, что он-то, Аннушка, говорит! Погибаю, говорит, из суда выгонят! Ах чудак, чудак!

Гольцов. Да вы говорите! Достали, что ли?

Оброшенов. Голенький ох, а за голеньким бог! Никогда не отчаявайся! Помни: голенький ох, а за голеньким бог.

Гольцов. Значит, достали?

Оброшенов. Еще бы! Я-то не достану! Ах ты, Саша, Саша! Кто ж и достанет, как не я!

Гольцов. Много ли?

Оброшенов. На всех хватит. Еще дом купим; лошадей тебе пару куплю.

Верочка. Откуда же это, папаша?

Оброшенов. Много будешь знать, скоро состареешься.

Анна Павловна. Разве ты не видишь, папенька шутит.

Оброшенов. Шучу? Нет, уж будет шутить! Что? Удивил вас? Удивил? Погодите, еще так ли вас удивлю! Вицмундир мне надо, Аннушка. Там он?

Верочка. На что вам, папаша, вицмундир?

Оброшенов. Еду, еду! Нельзя в этом ехать, неприлично.

Верочка. А обедать?

Оброшенов. Какой теперь обед! Пойдет ли на ум! Надо скорей ехать! Скорей объявить… *(Вынимает из кармана конверт, завернутый в платок, кладет его на стол и накрывает шляпой.)* Шш!

Шш! Никто! Пальцем никто! Слышите! *(Уходит.)*

Анна Павловна. Что ж это такое? Я ничего не понимаю.

Верочка. Саша, что это такое? Что там под шляпой?

Гольцов. Не знаю. Должно быть, нашел на дороге деньги. Хочет поехать объявить и получить третью часть.

Входит Оброшенов.

Оброшенов *(снимая шляпу и вынимая из платка конверт).* Ах, дурачки вы мои, дурачки! Много тут денег, много! Вы столько никогда и не видывали. Вот они! Ну-ка, посмотрите! *(Читает.)* «Со вложением шестидесяти тысяч банковыми билетами». Может быть, тут есть билетик в двадцать тысяч на имя неизвестного. Вот его-то мне и пожалуйте. Третья часть! Имею право… по закону могу требовать. Видишь ты, конверт подрезан! Это всегда так. Вот и поглядим! *(Осторожно вынимает из конверта газеты.)* Это не то. Ишь ты, завернули в бумагу для осторожности. *(Вертит газетную бумагу.)* Где же тут? Где же? На пол как не упали ли? Поглядите хорошенько! А! Да!.. *(Ударяет себя по лбу.)* А еще старик! Осторожный человек! Это я, Аннушка, конверт-то вот так… вот этой стороной… в карман-то… понимаешь ты?

Тут разрезано… вот они и вывалились туда… в карман-то. Они там… в сертуке… в кармане-то, в боковом-то… Понимаете вы? Ну да, там, там! А то где же им быть-то? ну где же им быть-то? Ну, рассудите! Вот сейчас пойду и принесу вам… принесу вам. Экой я! Экой я неосторожный! Сейчас сюда принесу, и положим… положим в конверт-то. *(Уходит.)*

Гольцов рассматривает газетную бумагу, на стол выпадает записка. Оброшенов возвращается, отталкивает Гольцова.

Что я там ищу! Они тут.

Гольцов. Тут нет, уж вы искали.

Оброшенов *(растерявшись).* Где ж они? Неужели я потерял? *(Хватается рукой* за *голову.)* Вспомнил, вспомнил! Вынимал я конверт дорогой-то, любовался все на печати, тут и потерял. Чужие деньги! Шестьдесят тысяч! Побежим, Саша! Может, еще никто не поднял. Спрашивать будем, не поднимал ли кто? Шестьдесят тысяч! *(Плачет.)*

Гольцов *(взяв со стола записку).* Тут денег и не было. Вот и записка безграмотная: «Не ганис за чужим добром!»

Оброшенов *(смотрит записку). О,* боже мой! Как над мальчишкой насмеялись! Над стариком-

то! Над родительским чувством насмеялись! Да нет! Вы все лжете! Этак не шутят. Таких шуток не бывает! Какая это записка! Это вздор! Тут ничего и не написано! Шестьдесят ведь тысяч! Шестьдесят тысяч! Они там! Там в кармане… за подкладку как-нибудь завалились. *(Идет шатаясь в другую комнату, за ним дочери; Верочка сейчас же возвращается.)*

Верочка *(падает на шею Гольцову).* Ах, папаша! Что с ним? Ему дурно!

Анна Павловна входит.

Анна Павловна. Бегите за доктором! Я боюсь, что он помешается. Не оставьте нас в несчастии, Александр Петрович! Верочка может сиротой остаться. Вы свое горе забудьте! Денег я вам достану, выпрошу у Хрюкова. Какого бы мне это унижения ни стоило, а уж выпрошу. *(Уходит.)*

Верочка. Беги, Саша, за доктором, беги!

Гольцов уходит.

Действие четвертое

ЛИЦА:
Оброшенов.
Анна Павловна.
Верочка.
Гольцов.
Хрюков.
Улита Прохоровна.
Молодец от Хрюкова.

Комната третьего действия.

Явление первое

Анна Павловна и Улита Прохоровна (выходят из боковой двери).

Улита Прохоровна. Ишь ты какие шутки глупые! Нечего им делать-то, вот они и озорничают. Еще слава богу, что так обошлось. Долго ли старику совсем с ума свихнуться!

Анна Павловна. Да, мы вчера очень боялись. После припадка он заснул, и с ним сильный бред сделался. Впрочем, доктор сказал, что опасности нет никакой, что ему нужно только денька два

успокоиться.

Улита Прохоровна. Ну, а сегодня-то он что?

Анна Павловна. Ничего. Поутру гулять ходил, теперь прилег заснуть.

Улита Прохоровна. Да, вот тоже и со мной тогда такую же штуку сделали! Уж я их ругала-ругала; да стыда-то у них нет в глазах, так им все равно.

Анна Павловна. Что ж вы, тетенька, так скоро ушли от Хрюковых? Что не погостили?

Улита Прохоровна. Аль я вам надоела?

Анна Павловна. Нет, тетенька! Я так спрашиваю.

Улита Прохоровна. Ушла я от безобразия от ихнего! Там теперь не то что посторонним, и своим-то приходится бежать из дому. Старик сыновей гонит; дом хочет заново отделывать, чтоб ему одному жить.

Анна Павловна. Зачем же?

Улита Прохоровна. Говорят, жениться хочет.

Анна Павловна. В шестьдесят-то лет?

Улита Прохоровна. Да разве для них закон какой писан! Что чудней, то и делают. Спальню да женину уборную штофом да бархатом обивает, на окна кружевных занавесок накупил.

Анна Павловна. Кто ж за него пойдет?

Улита Прохоровна. Пойтить-то пойдут. Кото-

рая за деньги, а другую сиротку и так отдадут, не спросясь. Сыновья теперь по квартирам разъезжаются. Срам! Из своего-то дома! Я старику говорила: «Жила я в княжеских и в графских домах, нигде такого безобразия не видала».

Анна Павловна. Что же он?

Улита Прохоровна. Известно, что. Обругал как нельзя хуже. Чего ж от него ждать-то!

Анна Павловна. Интересно бы узнать, кто его невеста.

Улита Прохоровна. Как же, узнаешь! Он прескрытный старичишка! Его мыслей никто не знает. Уж такой хитрый. Ну, я теперь пойду.

Анна Павловна. Куда же вы? Посидите!

Улита Прохоровна. Ну вот еще! Я вас и так часто вижу. Пойду где-нибудь в чужих людях пообедаю; все-таки вам расходу меньше. А коли хорошо примут, так и погощу. Вон к вам Хрюков идет. Какого ему еще рожна нужно! Я с ним и встречаться-то не хочу, я через кухню пройду. Прощай!

Анна Павловна. Прощайте, тетенька!

Улита Прохоровна уходит в боковую дверь, входит Хрюков.

Явление второе

Анна Павловна и Хрюков.

Хрюков. Здравствуй, душа моя!

Анна Павловна. Здравствуйте! Садитесь!

Хрюков. И без просьбы твоей сяду. Ты думаешь, буду стоять перед тобой? Уж это много чести для тебя. *(Садится.)* А что ж крапивное-то семя вчера не приходил? ведь я ему приказывал.

Анна Павловна. Папенька нездоров.

Хрюков. С перепою, должно быть?

Анна Павловна. Как вам не стыдно! что вы говорите!

Хрюков. То и говорю, что знаю. Уж есть ли таких пьяниц, как стракулистов! В самом деле, что ль, болен?

Анна Павловна. Теперь поправляется.

Хрюков. А кляузы строчить может?

Анна Павловна. Он спит теперь. Как проснется, тогда с самим поговорите.

Хрюков. Ну что ж, этот, как его? Жених-то ваш? Нашел денег?

Анна Павловна *(печально).* Нет.

Хрюков. И вы-то хороши! Отдаете за голоного-го за какого-то! Польстились, что молод. Вы бы лучше хоть постарше, да попристойнее искали.

Анна Павловна. Нам и этот хорош.

Хрюков. Сядет он на вашу шею. Еще наплачетесь с ним.

Анна Павловна. Там что бог даст. Уж это дело решенное.

Хрюков. Зять-то бы кормить должен семью, а тут ему денег подавай. И пойдете побираться по знакомым, занимать у того и у другого.

Анна Павловна. Они будут совсем обеспечены; папенька им дом купил.

Хрюков. Слышал я, слышал. У меня ж денег-то брали. Уж и дом! Стань к лесу задом, ко мне передом.

Анна Павловна. По деньгам и дом.

Хрюков. Разумеется. Не каменные же палаты вам на две-то тысячи купить!

Анна Павловна. И две-то тысячи насилу набрали. Теперь бы нам только триста рублей на короткое время призанять.

Хрюков. Знаю я это короткое-то время. Дай я вам теперь триста рублей — через неделю еще столько же просить придете, а то так и больше.

Анна Павловна. Не придем. И эти деньги возвратим вам с благодарностию. Я вам ручаюсь за это.

Хрюков. Ты ручаешься? А что с тебя взять-то?

Анна Павловна. Я вам словом ручаюсь.

Хрюков. А что из твоего слова сделаешь? Шубу не сошьешь. Да оно отчего бы не дать! Деньги не велики. Кабы вы только могли чувствовать.

Анна Павловна. Что это значит? Как чувствовать?

Хрюков. Так и чувствовать. Уважать своих благодетелев; вот как чувствовать.

Анна Павловна. Мы вас и уважаем и будем уважать.

Хрюков. А вот посмотрю я! *(Подходит. Гладит по голове Анну Павловну.)* Ишь ты как гладко причесана: волосок к волоску! Так много ли ж тебе денег-то нужно?

Анна Павловна. Триста рублей.

Хрюков. А двести нельзя?

Анна Павловна. Нет, нельзя.

Хрюков. Двухсот не возьмешь?

Анна Павловна. Возьму, только еще сто рублей надобно занимать будет.

Хрюков. Уж так будто нужно ровно триста, ни копейки меньше?

Анна Павловна. Нужно ровно.

Хрюков. Ну, а ежели я дам двести девяносто?

Анна Павловна. Сколько бы ни дали, мы будем вам благодарны. Только мне нужно ровно

триста.

Хрюков. Уж так в обрез? Чудно что-то! *(Смеется.)* Капрыз!

Анна Павловна. Ничуть не каприз.

Хрюков. Ну да что ж! Я и капрыз твой уважу. *(Вынимает бумажник.)* Вот они деньги-то! Хочешь, все отдам?

Анна Павловна. Не нужно мне.

Хрюков. Что больно горда! Другая бы взяла, право взяла. Есть такие. Да и ты глупа, что не берешь. Могу жертвовать. Эй, бери, а то спрячу!

Анна Павловна. Вы мне дайте только то, что я прошу у вас.

Хрюков. На, возьми сама, сколько нужно. *(Подает бумажник.)*

Анна Павловна. Нет, зачем! Вы сами дайте.

Хрюков. Триста?

Анна Павловна. Триста.

Хрюков. Я могу тебе и больше дать.

Анна Павловна. Ни больше, ни меньше.

Хрюков. Ну, право, возьми! Чего боишься? Я никому не скажу. Сколько хочешь бери. Хочешь пятьсот — пятьсот бери. Я денег не жалею; а для тебя хошь все отдам.

Анна Павловна. Мне нужно только триста!

Хрюков. Триста да триста! Наладила! *(Кладет*

деньги на стол.) Ну, на тебе твои триста! Я с тебя и расписки не беру!

Анна Павловна *(встает и кланяется).* Вы меня так одолжили, Филимон Протасьич, что я и не знаю, как благодарить вас! Вы будьте уверены, что при первой возможности мы вам заплатим.

Хрюков. Что мне, крайность, что ли, в деньгах-то! Хошь и не заплатишь — не разорюсь.

Анна Павловна. Вы, конечно, не разоритесь, да мы-то должны отдать долг.

Хрюков. А может, я прощу.

Анна Павловна. Вы нас обидите.

Хрюков. Все ты не то толкуешь! Вот видишь ты, я на деньги все могу иметь и все имел, то есть всякое удовольствие, и любили меня всякие красавицы, да всё из такого круга, что образования никакого нет, ну и скромности. Чтобы по-благородному вести себя, так не умеют. А мне надо, чтоб по-благородному, потому это самое необразование мне надоело.

Анна Павловна. Не понимаю я вас.

Хрюков *(тихо).* Чего тут не понимать-то! Ну, просто тебе говорю, осыплю тебя золотом, да и все тут.

Анна Павловна. Что такое?

Хрюков. Да ты тише, а то отца разбудишь.

Анна Павловна. Что вы говорите?

Хрюков. А вот что! Ты мне понравилась. Если ты меня полюбишь, так я всему вашему семейству могу благодетелем быть. В экономки ко мне хочешь?

Анна Павловна. Как вы смеете такие вещи говорить!

Хрюков. Тише, я тебе говорю! Что шумишь? Услышит кто-нибудь. И этих денег с вас не потребую и еще дам, сколько хочешь. Вот он, бумажник-то, со мной!

Анна Павловна *(бросает деньги).* Возьмите ваши деньги и ступайте вон!

Хрюков *(поднимает деньги).* Что ты бросаешь? — ведь это не щепки. Что ты развоевалась!

Анна Павловна. Подите вон, я вам говорю!

Хрюков. Постой! Разве я тебя чем обидел? Я тебе обидного не сказал. На все это есть твоя воля: хочешь — ладно; не хочешь, так и скажи: тебя никто не принуждает. За что ж тут обижаться!

Входит Оброшенов.

Явление третье

Анна Павловна, Хрюков и Оброшенов.

Оброшенов. Аннушка, что с тобой? Что с тобой, моя милая?

Анна Павловна. Папенька, прикажите ему уйти. Можно ли переносить, что он говорит! Я уйду, я не могу видеть его!

Оброшенов. Погоди, погоди! Благодетель мой! За что же девушку-то обижать? Ну я таковский, уж надо мной бы над одним и тешили свою душу. А она к этому непривычна: я их берег, лелеял, обижать никому не позволял.

Хрюков. Что ты ее слушаешь! Она врет. Я ей ничего обидного не сказал. Вольно ей горячиться-то! Ишь она какая сердитая у тебя!

Оброшенов. Уж даром она, благодетель мой, Филимон Протасьич, не рассердится. А вы вот что! Попросите у ней извинения за невежество, ручку поцелуйте, как следует у барышни, она вас и простит по своей ангельской доброте. Хе-хе-хе! Так ведь я говорю, Аннушка?

Хрюков. Ручку поцелуйте! Выдумывай еще! Ты слушай, старая тетеря! Мои резонты слушай! Должен ты мне много! Теперь она еще просит триста рублей. Что ж, у меня для вас яма бездонная, что ли, денег-то приготовлена?

Оброшенов. Так не давайте! А зачем обижать-то?

Хрюков. Не давайте! А я вот хочу дать. Да ты слушай! Девушка она в летах, замуж не пойдет,

поведенья скромного; а мне это и нужно. Пусть переезжает ко мне в экономки. Обиды ей не будет, и вам всем будет хорошо.

Анна Павловна. Ну, вот слышите, папенька, что он говорит. Можно это слушать равнодушно? *(Уходит.)*

Явление четвертое

Оброшенов и хрюков.

Оброшенов. Не ждал я, Филимон Протасьич, от вас, от благодетеля, такого сраму на свою седую голову.

Хрюков. Какой тут страм! Мне страм, что я с вами связался. Я ей добра желал, а она обиделась; еще, пожалуй, рассказывать будет. Значит, разговор пойдет, и будет страм для меня, а не для вас. Про меня пойдет мараль; а вам что?

Оброшенов. А если про нас будут говорить, значит, вам до этого дела нет!

Хрюков. Сравнял ты себя со мной! Вы люди ничтожные! Про тебя с дочерьми с твоими как хочешь дурно разговаривай, так в этом важности ровно никакой нет. Потому цена вам всем грош. А я человек известный. Понял ты?

Оброшенов. Мне цена грош, я и не спорю; а дочерей моих я не позволю обидеть ни за милли-

оны. Тебе честь дорога, а мне дороже твоего.

Хрюков. Что за честь, коли нечего есть! Видимая твоя бедность или нет? Всякому видимая. Я тебе ж, убогому, помочь хотел; ты бы должен это чувствовать! А велика важность, что про твою дочь поговорят дурно. Поговорят, да и перестанут.

Оброшенов. Я чести своей не продавал; слышишь ты, не продавал!

Хрюков. Да что за бесчестье, что дочь твоя будет жить в моем доме? Разве только скажут, что она любовница моя. Так и то не беда. Всякий умный человек рассудит, что она это от бедности.

Оброшенов. Молчи! Задушу! Молчи! Ты этого от меня еще не слыхивал, так вот слушай теперь! Ты думал, что я шут! Ну да, я шут и есть, только за дочерей убью, всякого убью! *(Хватает стул.)*

Хрюков. Скотина не узнала своего господина. Что ты, повредился, что ли? Ты мне деньги-то отдай, которые забрал.

Оброшенов. Отдам, отдам…

Хрюков. А за грубость я тебя в сибирку посажу.

Оброшенов. Я сам с тебя бесчестье потребую, а за дочь по закону вчетверо заплатишь.

Хрюков. Держи карман-то! Свидетелев не было. Ты деньги-то принеси! *(Уходит.)*

Оброшенов *(вслед ему).* Принесу, завтра же принесу.

Входят Анна Павловна и Верочка.

Явление пятое

Оброшенов, Анна Павловна и Верочка.

Анна Павловна. Папенька, успокойтесь! Не расстроивайте себя.

Верочка. Ты, папаша, опять захвораешь.

Оброшенов *(в изнеможении садится на стул).* Ах ты, анафема! Нет, теперь хворать нельзя, некогда. Захворай теперь, так с голоду умрешь. Надо сейчас денег доставать. Саше нужно, да этому лешему отдать. Вот отдохну и побегу.

Анна Павловна. Куда вы, папенька, пойдете? Вы так слабы. Вы у кого хотите просить денег-то? Вы лучше напишите ему записочку, я снесу.

Оброшенов. Что ты! Можно ли это? Позволю я тебе идти милостыню просить! Чтоб опять такая же история вышла.

Верочка. Саша сходит.

Оброшенов. И ему нельзя, стыдно — он молодой человек. А мне ничего не стыдно; у меня уж давно стыда нет. Я бы теперь украл для вас и не постыдился бы. Пуще всего надо Хрюкову отдать. А то после этой ссоры он меня со свету сживет.

Анна Павловна. Много вы ему должны, папенька?

Оброшенов. Много. Не разделаться всю жизнь. Все по распискам; уж некоторым и срок вышел. Надо его укланять как-нибудь, чтобы, вместо денег, хоть документ взял на год сроком. Будем выплачивать понемногу.

Анна Павловна. Вот несчастие-то!

Оброшенов. Пугнул я его, а теперь уж и самому страшно. Кругом я обязан человеку, пропасть должен, — и вдруг выгнал из дому, убить хотел. Кого? Благодетеля своего.

Анна Павловна. Он, папенька, стоил этого.

Оброшенов. Стоил-то стоил. Его б отсюда не в дверь, а в окно надо было проводить! Да то-то вот, Аннушка, душа-то у меня коротка. Давеча погорячился, поступил с ним, как следует благородному человеку, а теперь вот и струсил. Бедность-то нас изуродовала. Тебя оскорбляют, ругаются над детьми твоими, а ты гнись да гнись да кланяйся. Покипит сердце-то, покипит, да и перестанет. Вот что я сделал дурного? Вступился за дочь, выгнал невежу вон. Что ж бы я был за отец, если б этого не сделал? Кто ж допустит такое нахальство в своем доме? Стало быть, я хорошо сделал, что прогнал его; а у меня вот от страху ноги трясутся. Вот так

и жду, что он пришлет за мной. А ведь надо будет идти; упрямиться-то нельзя; надо будет кланяться, чтоб пообождал немного. А сколько брани-то я от него услышу! Как в глаза позорить-то станет! А мне и языком пошевелить нельзя. Нагни голову да слушай! Уж он теперь дома, — далёко ль ему, только через улицу перейти. Пришлет! Чувствует мое сердце, что пришлет!

Входит молодец от Хрюкова.

Ты зачем?

Молодец. Филимон Протасьич приказали вам сейчас прийти к ним.

Оброшенов. Зачем?

Молодец. Это, выходит, я не знаю; а только приказывали, чтоб сейчас.

Оброшенов. Что ж! Надо идти. Право, лучше идти. Скажи, что сейчас буду.

Молодец уходит.

Подай шляпу!

Верочка подает.

Пойду!

Входит Гольцов.

Явление шестое

Оброшенов, Анна Павловна, Верочка и Гольцов.

Оброшенов. Вот, Саша, беда у нас, право беда!

Гольцов *(не слушая).* Денег не достали-с?

Оброшенов. Какие тебе деньги! С меня с самого долг тянут. Вот сейчас иду умаливать, чтоб подождали.

Гольцов *(схватывается за голову).* Ах, боже мой!

Оброшенов. Что ты, Саша, что ты?

Гольцов. Сейчас письмо получил-с.

Оброшенов. Какое?

Гольцов *(тихо).* Этот помещик, чьи я деньги затратил, через два дни будет в Москве.

Оброшенов. Ничего, Саша, ничего! Не тужи! Вот я сбегаю по своему делу, а ты тут подожди меня, поболтай! Старайся не думать! Забудь об этом! А я ворочусь, потолкуем: может быть, что и придумаем. Ну, прощайте! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Анна Павловна, Верочка и Гольцов.

Верочка *(целуя Гольцова).* Здравствуй, Саша! Ты уж и не видишь меня.

Гольцов. Здравствуй, Верочка! Извини! Что же, Анна Павловна?

Анна Павловна. У меня сейчас в руках были триста рублей, да я их сама назад отдала.

Гольцов. Что же вы сделали! Ведь я погибаю.

Анна Павловна. А вы бы послушали, с каким гнусным предложением мне их давали!

Гольцов. Неужели-с? Ну, разумеется, взять нельзя-с. Кто же это?

Анна Павловна. Старик Хрюков.

Гольцов. Вы бы ему в лицо их бросили!

Анна Павловна. Я так и сделала.

Верочка. Что такое вы про Хрюкова говорите? Я не понимаю ничего.

Анна Павловна. Нечего тебе и понимать-то, душа моя.

Верочка. Что он такое обидное тебе сказал? Папенька рассердился, ты тоже.

Анна Павловна. Совсем не нужно тебе знать этого, Верочка.

Верочка. Сестрица, голубушка, скажи!

Анна Павловна. Ну, изволь! Он хотел, чтоб я пошла к нему в экономки.

Верочка. Ах, сестрица! Как же он смел! Ведь это все равно что в услужение идти и жалованье от него получать?

Анна Павловна. Ну да, да!

Верочка. За дело его папенька прогнал.

Анна Павловна. Так вот, Александр Петрович! А мы ему должны очень много; он теперь деньги требует. Вот какое положение.

Гольцов *(тихо).* А мое-то положение! Знаете ли, я давеча было за бритву ухватился.

Анна Павловна. Что вы! Что вы! А Верочка-то?

Гольцов. Только она-с, а то бы кончено дело.

Анна Павловна. Что вы! Страшно слушать.

Гольцов. А каково мне будет, как выгонят из суда, да осрамят на всю Москву, да судить будут, как вора!

Верочка. Что вы шепчетесь! Должно быть, что-нибудь нехорошо, что вы шепчетесь?

Анна Павловна. Ты сама знаешь, что дела наши очень плохи.

Верочка *(хватаясь за Гольцова).* А он! С ним ничего не будет? Он с нами останется?

Гольцов *(закрывая лицо руками).* Я не знаю, Верочка, где я буду.

Верочка *(кидается ему на шею).* Саша! Саша!

Голос Оброшенова за сценой: «Молитесь богу! Молитесь богу!» Вбегает.

Явление восьмое

Анна Павловна, Верочка, Гольцов и Оброшенов.

Оброшенов. Молитесь богу! Молитесь богу!

Анна Павловна. Что вы, папенька?

Оброшенов. Аннушка! Аннушка! *(Гольцову и Верочке.)* Вы! Становитесь! Оба становитесь на ко-

лени! И я стану. *(Хочет становиться на колени.)*

Анна Павловна. Папенька, что вы делаете?

Оброшенов. Ты наша спасительница! Ты! Нет, еще не все! Что же я обрадовался! Еще не все. Нет, я стану перед тобой на колени.

Анна Павловна. Ах, папенька! Что вы это! Зачем?

Оброшенов. Просить тебя, просить великое дело для нас сделать. И вы становитесь! Вот она! Она одна может.

Анна Павловна. Я ничего не понимаю.

Оброшенов. Нет, я стану… Это стоит, чтоб стать на колени. Злодей твой не станет того просить, что отец просить будет.

Анна Павловна. Вы меня пугаете.

Оброшенов. Будь тверже, Аннушка, будь тверже! Хрюков просит руки твоей и двадцать тысяч на приданое дает! Падайте! Аннушка! Падаем, падаем к ногам твоим! *(Хочет стать на колени.)*

Анна Павловна *(удерживает его).* И вы думаете, что я откажусь? Вы боитесь, папенька? Нет. Вы больны, вы стары: вам нужен покой. А вы для нас работаете, убиваете последние силы… Я буду иметь возможность ходить за вами, покоить вас, баловать, как малого ребенка… и вы подумали, что я откажусь от этого! *(Обнимает Верочку.)* И ее,

мою куклу, я могу рядить, во что мне захочется, могу ее тешить, доставлять ей удовольствия… И я откажусь! Папенька, что вы! Я умереть для вас готова, только бы вы были счастливы!

Оброшенов. Да, да, да! Я так и знал. Вот она дочь-то какая! Вот с такими дочерьми хорошо жить на свете! Ну, спасибо тебе! Спасибо! *(Целует ее.)* Вот я здоров и весел. Я и плясать буду на твоей свадьбе.

Верочка. А что ж он давеча-то говорил: в экономки?

Оброшенов. Да, да! Я его бранил за это. Ужас как бранил! А он говорит: я шутил, я только испытать хотел. Я, говорит, уж давно жениться задумал за непочтение детей. И много невест смотрел, да все не по сердцу; а твоя по сердцу пришла. А это, говорит, я шутил, шутил; пусть не сердится: я шутил с ней.

Верочка. Что это с нами все шутят?

Анна Павловна. А вот, Верочка, будем жить богато да весело, а главное, не будем ни в ком нуждаться, так перестанут над нами шутить.

Оброшенов. Перестанут, милые мои, родные мои, перестанут!

Комментарии

Козьма Захарьич Минин, Сухорук (1-я редакция)[*]

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Современник», 1862, № 1.

В Московском университете А. Н. Островскому довелось слушать блестящие лекции профессоров Д. Л. Крюкова по истории древнего мира и Т. Н. Грановского по европейскому средневековью. Русскую историю в университете преподавал профессор М. П. Погодин, широко использовавший в своих лекциях документы и архивные материалы. Университетские годы привили Островскому интерес к историческому прошлому русского народа. Несколько лет спустя в наброске «О романе Ч. Диккенса „Домби и сын“» (1847–1848) Островский писал: «...изучение изящных памятников древности... пусть будет приготовлением художнику к священному делу изучения своей родины, пусть с этим запасом входит он в народную жизнь, в ее интересы и ожидания» (А. Н. Островский, Полн. собр. соч., М. 1949–1953, т. XIII, стр. 137. В дальнейшем при ссылках на

это издание указываются только том и страница). Значительная часть дневника путешествия Островского в 1848 г. в усадьбу Щелыково через Ярославль и Кострому посвящена записям о культурно-исторических памятниках (т. XIII, стр. 182–183, 185).

Одним из первых опытов молодого драматурга была пьеса «Лиса Патрикеевна» (1849–1850), сюжет которой связан с личностью Бориса Годунова. Работа над этой пьесой оборвалась по каким-то причинам в самом начале (см. А. И. Ревякин. «Неоконченные произведения А. Н. Островского „Лиса Патрикеевна“ и „Александр Македонский“». Ученые записки кафедры русской литературы Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, М. 1953, т. XX, вып. 2.)

В 1881 г. в «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» Островский писал: «Историк передает, что было: драматический поэт показывает, как было, он переносит зрителя на самое место действия и делает его участником события. Не всякий человек растрогается, прочитав, что Минин в нижегородском кремле собирал добровольные приношения на священную войну, что несли ему кто мог, и бедные и богатые, что многие отдавали послед-

нюю копейку, но тот же самый простой человек непременно прослезится, когда увидит Минина живого, услышит его горячую, восторженную речь, увидит, как женщины кладут к его ногам ожерелья, как бедняки снимают свои медные кресты с шеи на святое дело» (т. XII, стр. 122).

Первой законченной исторической пьесой Островского явилась драматическая хроника «Козьма Захарьич Минин, Сухорук».

Работе над этой пьесой предшествовало тщательное изучение исторических источников. М. И. Семевский в письме к своему учителю Г. Е. Благосветлову от 19 ноября 1855 г. писал: «Был у Островского. Застал его за выписками из актов археографической комиссии (точнее — экспедиции. — *А. Р.*); толковали о множестве изданных ныне материалов отечественной истории… Островский, любя отчизну, ревностно занимается памятниками нашей старины» (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома). Письма М. И. Семевского к родителям и Г. Е. Благосветлову). В актах археографической экспедиции, содержащих разнообразный документальный материал за 1294–1700 гг., драматург почерпнул «не только имена действующих лиц, но и подробности от-

носительно их общественного положения, а что касается гонцов, то и главные очертания их характеров» (Н. П. Кашин, «Драматическая хроника Островского „Козьма Захарьич Минин, Сухорук“ и ее источники», СПБ 1910, стр. 5).

Кроме «Актов археографической экспедиции», Островский использовал для своей пьесы летописи («Никоновскую летопись», «Новый летописец», составленный в царствование Михаила Федоровича и изданный по списку князя М. А. Оболенского в 1853 г.). исторические повести («Иное сказание о самозванцах», «Летопись о многих мятежах») и многие другие материалы: например, для образа Марфы Борисовны — «Житие Юлианин Лазаревской» (умерла в 1604 г.), написанное ее сыном дворянином из боярских детей Калистратом Осорьиньм.

В 1855 г., работая над пьесой «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», Островский предполагал закончить ее к 15 апреля 1856 г. Но путешествие по Волге (1856–1857) прервало его работу над этой пьесой. «Что же касается до драмы его „Минин“, — извещал 15 июня 1856 г. М. И. Семевский Г. Е. Благосветлова, — то, сколько можно было заметить, Александр Николаевич, придавая ей особенно серьезное значение, трудится над ней

не торопясь, по пословице: поспешишь — людей насмешишь» (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома). Письма М. И. Семевского к родителям и Г. Е. Благосветлову).

24 января 1858 г. драматург сообщал Н. А. Некрасову; «Я постом окончу „Минина“ непременно» (т. XIV, стр. 68). Однако к этому сроку пьеса не была завершена. 26 октября 1861 г. Островский в письме к начальнику репертуарной части петербургских императорских театров П. С. Федорову писал: «...на днях я оканчиваю „Минина“, который мне стоит многолетних трудов» (т. XIV, стр. 92). Но «Минин» был закончен лишь 9 декабря 1861 г.

В процессе работы над пьесой он отметил для себя: «О народе и сказать все, что можно» (Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. А. Н. Островский, «Козьма Захарьич Минин, Сухорук»), Руководствуясь этой мыслью, драматург показывает в пьесе, что освободителем отечества от иностранных интервентов явился простой народ.

Драматическая хроника Островского о Минине, появившаяся в пору обостренной социально-политической борьбы, не удовлетворила ни левые,

ни правые круги тогдашней общественности и литературной критики.

Консервативной дворянской общественности и критике претили в этой пьесе явные симпатии драматурга к простому народу, резкое обличение боярско-дворянских кругов и противопоставление им торгового сословия. Поэтому консервативная общественность не признавала за пьесой никаких достоинств.

Выразителем мнения этой части общества выступил поэт Н. Ф. Щербина, известный враждебностью к революционным демократам и неприязнью к Островскому, которого он называл «Гостинодворским Коцебу» (Н. Щербина, Стихотворения, М. 1937, стр. 189). В статье, напечатанной под псевдонимом «Н. Омега» в журнале «Библиотека для чтения», он пытался доказать, что драматическая хроника Островского не отражает духа эпохи, не заключает в себе ничего драматического, почти лишена характеров, чужда подлинной поэзии, ординарна по языку и бесцветна по стиху. Главное действующее лицо хроники — Минин — «выходит какою-то смесью Русакова с Жанной д'Арк и даже иногда кажет себя человеком, начитавшимся современного нам поэта Н. А. Некрасова, как, например, в мо-

нологе, где он говорит о народной песне». Марфу Борисовну критик назвал «кокеткой на лампадном масле» («Библиотека для чтения», 1862, № 6, «Современная летопись», стр. 12).

Прогрессивная критика не могла принять в «Минине» преувеличения роли религиозного чувства в действиях русских патриотов. Не удовлетворила ее и вялость в развитии действия пьесы. Так, критик журнала «Отечественные записки», обвиняя Островского в односторонне-религиозном освещении событий, заявлял, что все действующие лица пьесы «точно выпущены из монастыря и в земском деле видят одно религиозное дело… Этим-то религиозным чувством подвигается Нижний Новгород на то историческое событие, которое решает судьбу России. Так ли все это? Нет ли тут исторического обмана?.. И действительно, много других пружин упущено автором из виду… упущено единогласное желание всей земли, подготовленное Ляпуновым, отстаивать своя права. Упущена из виду сама земля… Не Петром Пустынником должен быть Минин, а человеком практически гениальным; не расплываться должен он в религиозных мечтаниях, а с страшной энергией человека, движущего массами, практического, должен быть

проникнут той страстностью, силою, которая дышит в Пугачеве». Недостаток пьесы критик видел также в узости ее темы, в том, что действие происходит лишь в Нижнем Новгороде, в среде горожан-купцов, а драматическая борьба «совершается в душе Минина и ограничивается одним вопросом: идти или не идти на Москву». Это повело к «ужасным длиннотам». Но при всем том критик отметил и большие достоинства языка хроники. «Заслуга эта останется при г. Островском, — писал он. — Плавный, мягкий, звучный, не выписанный из летописей, но созданный под их влиянием и под влиянием нынешнего народного языка, он составляет действительное литературное приобретение» («Отечественные записки», 1862, № 1, стр. 353–355).

Редакция «Отечественных записок» через семь месяцев напечатала еще более резкую статью о «Минине» критика В. К. Иванова.

В. К. Иванов упрекал Островского в том, что он, создавая свою пьесу, якобы «ограничился только несколькими страницами „Истории России с древнейших времен“ Сергея Соловьева», не показал ни типов, ни драматической борьбы эпохи и исказил образ Минина, положив в основу его действий «фанатическое верование в привиде-

ния». Критик утверждал, что в «Минине» нет «ни хроники, ни драмы», ни «самого Минина», так как вместо Минина, хотя и очень религиозного, но по преимуществу политического деятеля, в пьесе выступает какой-то сентиментально-чувствительный ритор, «произносящий скучные и однообразные речи весьма посредственными стихами» («Отечественные записки», 1862, № 8, «Современная политика», стр. 215, 241, 244–246).

И. С. Тургенев с большим нетерпением ждал появления «Минина», но, прочтя его, разочаровался. «На днях, — писал он Ф. М. Достоевскому 2 марта, — я прочел „Минина“ — и, говоря по совести, остался холоден. Стихи удивительные, язык прекрасный — но где жизнь, разнообразие и движение каждого характера, где драма, где история, наконец? Я совсем другого ожидал от Островского — я никак не думал, что и он станет вытягивать каждый характер в одну струнку. Есть места чудесные — надо всем произведением веет чем-то чистым, русским, мягким — но этого мало… особенно от Островского этого мало» (И. С. Тургенев, Собр. соч. в 12 томах, т. 12, М. 1958, стр. 333).

Наиболее передовую, революционную часть прогрессивной общественности не удовлетво-

ряло не только преувеличение в пьесе роли религии в исторических событиях, но и умаление роли народных масс за счет излишнего выдвижения личности выборного — Кузьмы Минина. Особенно резким был отзыв Д. И. Писарева, отождествившего «Минина» с реакционной мелодрамой Н. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Писарев возмущался тем, что «у г. Островского на первом плане колоссальный Минин, за ним — его страдания наяву и видения но сне, а совсем назади два-три карапузика изображают русский народ, спасающий отечество. По-настоящему следовало бы всю картину перевернуть, потому что в нашей истории Минин, а во французской — Иоанна д'Арк понятны только как продукты сильнейшего народного воодушевления» («Русское слово», 1864, № 3. отд. II, стр. 37).

Островский не соглашался с доводами критики о преувеличении в пьесе религиозных мотивов. В конце 1862 г. он писал А. А. Григорьеву: «Неуспех „Минина“ я предвидел и не боялся этого: теперь овладело всеми *вечевое бешенство*, и в Минине хотят видеть демагога. Этого ничего не было, и лгать я не согласен. Подняло в то время Россию не земство, а боязнь костела, и Минин видел в земстве не цель, а средство. Он собирал деньги

на великое дело, как собирают их на церковное строение… Оппозиция как личная, так и общинная перед целым рядом самодурств (начиная от свято-благодушествующего и до зверски-дикого) была у нас слаба и оставила по себе весьма бледные краски. Да и те я соберу и покажу — и опять потерплю неуспех, да зато уж тем дело и кончится; ругаться будут, а вернее и русее никто не покажет» (т. XIV, стр. 104–105).

В защиту «Минина», в пору его появления, выступили лишь П. В. Анненков и А. Григорьев.

П. В. Анненков, либеральный критик, доказывал, что Островский правильно изобразил народно-патриотическое движение, начавшееся в Нижнем Новгороде, обнаружил «верное понимание задачи, когда сохранил Минину его эпическую физиономию, добавив ее только теми чертами, которые составляют ее же естественную принадлежность», и создал «первый серьезный опыт русской *исторической* драмы после „Бориса Годунова“ Пушкина». Критик отмечал и недостатки пьесы, которые он видел по преимуществу в том, что вся ее перспектива «вполне открывается зрителю с первых же сцен», а также в том, что в ней слишком мало места и значения отведено «элементу противоборствующему, который су-

ществовал в то время и существует при каждом историческом явлении». Но в то же время он полагал, что эти недостатки определены в основном условиями избранного Островским жанра хроники и «как неизбежные, почти перестают быть недостатками». К частным недостаткам пьесы Анненков относил неясность и незавершенность образа Марфы Борисовны («Русский вестник», 1862, № 9, стр. 410–412).

А. Григорьев, критик славянофильского направления, оценил хронику «Минин» как «великое произведение», как подлинную национальную драму, в которой прошлое воспроизведено в исторической и художественной истинности. Он писал об «изумительной целости великой исторической картины», нарисованной в этой пьесе, где, по его мнению, «не в пример другим историческим картинам великих мастеров искусства, даже частный эпизод любви сливается с целым» и где правда проявляется во всем ее «тоне», «колорите» и «высокопоэтической» речи («Якорь», 1863, № 2, стр. 22–23. См. также: «А. Григорьев. Материалы для биографии», Пг. 1917, стр. 281, 290, 297).

Только что назначенный тогда министром народного просвещения А. В. Головнин, умеренный

либерал, прочтя драматическую хронику Островского в «Современнике», решил представить ее за патриотическое направление царю.

На представление А. В. Головнина царь ответил унизительным по своей незначительности подарком Островскому бриллиантового перстня ценою в четыреста пятьдесят рублей. Царский подарок Островский воспринял как очередное оскорбление и назвал его в не дошедшем до нас письме к брату М. Н. Островскому — «пошлым». М. Н. Островский, утешая драматурга, указывал на важность высочайшего внимания: «Ты пишешь, что известие о перстне на тебя неприятно подействовало: ты не ожидал такого пошлого конца… Но в настоящую минуту ничего другого ожидать было нельзя, и важность совсем не в перстне, а в том, что на тебя обращено внимание, что может быть весьма полезно при столкновениях твоих с цензурой или дирекцией» (Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Письмо М. Н. Островского к А. Н. Островскому от 24 февраля 1862 г.).

Царское «благоволение» было официальным признанием благонадежности пьесы, и дирекция императорских театров, казалось бы, должна была немедленно предложить Островскому

постановку его драматической хроники в Петербурге и в Москве, во предложения не последовало. Демократизм пьесы, утверждение в ней силы и величия народа, изображение Минина защитником обездоленных и угнетенных боярской властью, не могли нравиться дирекции императорских театров. К тому же было ясно, что царское «благоволение» носило формальный характер.

Политические события, развертывавшиеся в стране, укрепляли дирекцию в ее отрицательном решении. Нарастали крестьянские волнения, а в январе 1863 г. вспыхнуло восстание в Польше. В связи с этим усилились репрессии против прогрессивной печати и передовой общественности.

Не получив предложения со стороны дирекции императорских театров, Островский начинает сам добиваться продвижения хроники на сцену. Он посылает пьесу в Театрально-литературный комитет, где она была одобрена 13 июля 1863 г. Вслед за этим пьеса была послана в драматическую цензуру.

О положительном и скором отзыве деятельно хлопотали в цензуре друзья Островского — Ф. А. Бурдин и И. Ф. Горбунов. После царского «благоволения» положительный отзыв на пьесу уже не составлял риска. И все же цензор И. А. Нордстрем

задерживал отзыв более двух месяцев.

Наконец Нордстрем написал отзыв, в котором он, явно в интересах Островского, подчеркивал религиозные мотивы пьесы и совершенно обходил ее глубоко демократический пафос. Однако он исключил из пьесы следующее место:

Лыткин

Теперь такое время, Петр Аксеныч,
Хорошему не верь, а что дурное
Услышишь, это, брат, уж верно правда.

Темкин

Так подошло, хоть не живи на свете!

Аксенов

Бедам конца не видно. Знать, Господь
Нам прегрешений наших не отпустит
И до конца нас хочет погубить.

(д. 1, явл. 3.)

Но управляющий III отделением царской канцелярии А. Л. Потапов не решился дозволить пьесу к представлению. Принимая во внимание крайнюю напряженность политической обстановки в стране, он, ввиду отсутствия в Петербурге

в это время шефа жандармов князя В. А. Долгорукова, счел необходимым проконсультироваться с министром двора графом В. Ф. Адлербергом. Адлерберг поддержал опасения Потапова. Оба они побоялись показать на сцене народного вожака Минина, устрашились критики дворянства. Историческая хроника Островского оказалась слишком злободневной. Постановка ее на сцене была признана несвоевременной, и на одобрительном рапорте Нордстрема появилась отрицательная резолюция: «Вследствие словесного объяснения с г. Министром императорского двора запретить. 6 октября 1863 г. Потапов».

Бурдин, возмущенный запрещением пьесы, послал Островскому 9 октября следующее письмо:

«*„Минин“ запрещен!* Я сейчас из цензуры — это дело вопиющее — в рапорте сказано, что пиеса безукоризненно честная, исполнена искренних, высоких и патриотических идей — и все-таки запрещена — почему, этого никто не знает!

Стыд тебе, позор, бесчестье на всю жизнь, если ты это дело оставишь так! Лучше разбить чернильницу, сломать перья, отказаться от всякой деятельности, чем переносить такие интриги и несправедливости!.. Что за несчастная русская сцена — ты единственное лицо, которым она

дышит, и с тобой так поступают. Это не возможно ни с кем и нигде! Для тебя и всех драматических писателей это вопрос *быть или не быть*! Ставя высоко драматическое дело — ты не должен, ты не смеешь его бросить без внимания» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М. — Пг. 1923, стр. 18).

Островский приехал в Петербург 23 октября 1863 г., пробыл там более двух недель, но добиться разрешения пьесы для сцены не мог.

В начале февраля 1864 г. Островский делает попытку возобновить хлопоты о «Минине» и просит Бурдина: «Спроси как-нибудь, при случае, у Федорова, не может ли он сказать чего-нибудь о судьбе „Минина“ хоть в будущем» (т. XIV, стр. 1 12). Но П. С. Федоров ничего утешительного драматургу не сообщил.

Пьеса в этой редакции так и не увидела сцены.

Козьма Захарьич Минин, Сухорук (2-я редакция)[*]

Впервые пьеса была опубликована в четвертом томе Полного собрания сочинений А. Н. Островского, изд. товарищества «Просвещение», 1904. Печатается по цензурованной рукописи, хранящейся в Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде.

Островский, потеряв всякую надежду увидеть «Минина» на сцене, решил в 1866 г. переделать пьесу и хлопотать о ее разрешении для представления уже в новой редакции. Во второй редакции пьесы он вынужден был из-за цензурных опасений несколько ослабить в речах Минина то, что свидетельствовало о связи Минина с народом и сочувствии его страданиям, а также обличения бояр. Например, во втором действии из последнего монолога Минина был исключен отрывок, начинающийся словами: «Не за свои грехи» и заканчивающийся словами: «Народ несет, как будто ждет чего» (стр. 39 наст. т.). Исчезло высказывание Минина о предательстве бояр: «...а то так в Польшу. Да и целуют крест кому попало» (стр. 86 наст. т.). В начале пятого действия были сокращены реплики Минина об отсутствии истинного патриотизма у богатых людей; оказались вычеркнутыми и следующие слова Минина:

Соблазну власти я не поддавался;
И как наседка бережет цыплят.
Так я берег от властных и богатых
Молодшую, обидимую братью.

Идейно несколько ослабив пьесу, Островский сохранил ее общий демократический пафос.

Не согласившись полностью со своими критиками, Островский во второй редакции хроники все же несколько смягчил религиозные мотивы. Это сказалось, например, в сокращении монолога Минина в шестом явлении первого действия, в котором дается положительная оценка роли патриарха в борьбе с иноземцами. В образе Марфы Борисовны были устранены черты аскетизма.

Драматург ввел в пятое действие эпизоды борьбы ратников Пожарского и Минина с поляками и сцену возвращения ратников в Нижний Новгород.

12 августа 1866 г. Островский просит Ф. А. Бурдина «поговорить с Павлом Степановичем (Федоровым, начальником репертуара петербургских императорских театров. — А. Р.), не может ли пройти „Минин“ совершенно переделанный так, что будет почти новая пьеса» (т. XIV, стр. 137). 11 сентября Бурдин известил Островского, что П. С. Федоров согласился принять «Минина», если он будет переделан сценично и его постановка не потребует больших расходов. Бурдин обещал также «протащить» хронику немедленно «по всем официальным мытарствам» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М.-Пг. 1923, стр. 42). Ко всему этому у артиста С. Я.

Марковецкого не оказалось для бенефиса пьесы, Бурдин предложил ему взять «Минина», и Марковецкий обратился к Островскому с просьбой о предоставлении ему хроники. Островский немедленно ответил Бурдину, что «Минин» «готов, но на клочках и не приведен в порядок. Чтобы приготовить его для отсылки в Петербург, то есть собрать, отделать и переписать два экземпляра, нужно по крайней мере неделю самого усиленного труда… „Минин“ является совсем в новом виде, из него выйдет живая и сценическая пьеса» (т. XIV, стр. 137).

В конце сентября 1866 г. работа над втоюой редакцией «Минина» была завершена. «Эту пьесу, — писал Островский артисту В. В. Самойлову, — я совершенно переделал, сократил ее так, что остались только самые эффектные места, сверх того я прибавил две новые сцены: „битву под Москвой и возвращение в Нижний“. В новом виде хроника обнимает всю деятельность Минина, и публика может видеть на деле, как совершилось спасение Руси» (т. XIV, стр. 140).

24–25 сентября 1866 г., посылая рукопись Бурдину, драматург просил: «Перечитай хорошенько „Минина“, посылается нечитанный, некогда было» (т. XIV, стр. 139). В рукописи, являющейся

писарской копией пьесы (автограф не сохранился), имеются явные описки, разделения актов на явления нет, поэтому в настоящем издании их пришлось ввести по режиссерскому экземпляру Александрийского театра, хранящемуся в Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде.

12 октября 1866 г. драматическая цензура разрешила «Минина» к представлению, изъяв из пьесы ту часть диалога Минина и Воеводы во второй сцене третьего акта, где речь идет о способах получения боярства, от слов «Другой боярин-то» до ремарки «Голоса» (стр. 196–197 наст. т.).

Успешный исход хлопот о разрешении пьесы определили не столько связи Бурдина в цензуре, сколько переделка пьесы и новые социально-политические обстоятельства в стране. Национально-освободительное движение в Польше было жестоко подавлено. Силою карательных войск царская власть «успокоила» и русских крестьян, добивавшихся своих прав на землю. Самодержавие торжествовало. В этих условиях у цензурных властей уже не было той обостренной придирчивости, какую они проявляли к прогрессивным драматическим произведениям в 1863 г.

Постановка пьесы в Петербурге и Москве вы-

звала новые отклики в прессе.

А. С. Суворин, примыкавший в ту пору к прогрессивному лагерю, писал, что пьеса «отличается несомненным поэтическим обаянием и редкой прелестью стиха». Но при этом он считал, что пьеса «при всех ее достоинствах» воспроизводит не самый драматический момент «нижегородского движения». Нижний и Москва, изображенные Островским, лишь пролог и эпилог великой драмы, завершившейся избранием нового царя. «Главная ошибка г. Островского, — утверждал Суворин, — заключается в выборе драматического момента. Мгновенная вспышка патриотизма недостаточна для драмы, задавшейся изображением великого события в русской истории, события вполне народного. Для обрисовки характера Минина слишком мало той сравнительно ничтожной борьбы, которая предстояла ему в Нижнем. Настоящая борьба, где нужно было пускать все средства ума, где приходилось бороться с самыми разнообразными стремлениями областей и городов, где нужно было согласить почти противоположные интересы, происходила не в Нижнем, а в Ярославле». По мнению Суворина, пьеса от переделки по существу не выиграла. Ее последняя сцена лишняя, а Поспелов и Марфа

Борисовна только «заслоняют собой главный мотив» («Санкт-Петербургские ведомости», 1866, № 330, 11 декабря).

Отрицательное отношение к пьесе реакционной общественности выразил рецензент газеты «Русские ведомости». Явно не принимая взгляда Островского на Минина как на представителя «молодших людей», на простой народ как на основную силу, избавившую родину от иноземных поработителей, рецензент писал, что широкий народный характер нижегородского движения должен был выразиться «не в одной только форме мужицкой толпы, а в каждом из действующих лиц». Не принимая идейной концепции «Минина», рецензент «Русских ведомостей» отрицал в нем и наличие каких-либо художественных достоинств («Русские ведомости», 1867, № 11, 26 января).

Во второй редакции «Минин» впервые был показан в Петербурге в Александрийском театре 9 декабря 1866 г.

Островский очень хотел, чтобы роль Минина исполнял В. В. Самойлов. «Лицо Минина, — писал он артисту 22–23 октября, — прямо подходит к Вам… Я помню картину М. И. Скотти — „Битва под Москвой“… там лицо Минина, энергический

жест его и вся фигура совершенно напоминают Вас... Если Вы с такой верностью изображаете исторические лица других национальностей, то от кого же ждать нам, как не от Вас. изображения наших родных героев» (т. XIV, стр. 140–141). Самойлов выразил желание играть юродивого, и роль Минина была передана Бурдину. Но дирекция отказалась дать Самойлову роль юродивого («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М. — Пг. 1923, стр. 57).

Островский писал 8–9 декабря Бурдину, готовившему роль Минина: «Оставь ты свою сентиментальность, брось бабью расплываемость, будь на сцене мужчиной твердым, лучше меньше чувства и больше резонерства, но твердого. Минин не Дева Орлеанская, то есть не энтузиаст, он также и не плакса; он резонер в лучшем смысле этого слова, то есть энергический, умный и твердый» (т. XIV, стр. 146). Но Бурдин не внял советам Островского и играл Минина в тоне ходульной, фальшивой декламации. Бурдин «до того изуродовал» роль Минина, писал рецензент газеты «Неделя», что «в его исполнении не осталось и следа от типа, мастерски очерченного и задуманного автором... Бурдин просто не понял этого типа, и в его исполнении нижегородский

мясник явился каким-то не то мелодраматическим героем, не то юродивым» («Неделя», 1866, № 41, 18 декабря).

О ходульности, неестественности, крикливости исполнения Бурдиным роли Минина писали и другие газеты. Даже М. Н. Островский, всегда доброжелательно относившийся к Бурдину, сообщал драматургу, что Бурдин в роли Минина был по преимуществу «просто ужасен», а в некоторых местах «до того завывал, что превосходил сам себя… Мне так было за него совестно, — заключал письмо М. Н. Островский, — что не мог смотреть на сцену. Вообще с Бурдиным, кажется, надо кончать» (М. Н. Островский — А. Н. Островскому от 10 декабря 1866 г. Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина).

Риторики и декламации не избежали и многие другие участники спектакля. «Всякий старался о том, чтоб получше выкрикнуть эффектную фразу или ударить себя в грудь кулаком так, чтоб удар был слышен в галерее» («Санкт-Петербургские ведомости», 1866, № 330, 11 декабря).

По мнению А. С. Суворина, вполне хорошо играли здесь И. И. Сосницкий — Аксенов, И. Ф. Горбунов — Темкин и отчасти А. А. Нильский — Пожарский. Вызывала похвалы и Е. В. Влади-

мирова — Марфа Борисовна.

Кроме того, в спектакле были заняты: Л. Л. Леонидов — Воевода, Пронский — Биркин, П. С. Степанов — Колзаков, П. И. Григорьев — Семенов, П. В. Васильев — Пахомов, Волков — Мосеев, П. И. Зубров — Лыткин, П. К. Громова — Татьяна Юрьевна, Калугин — Нефед, Озеров — Губанин, Н. Ф. Сазонов — юродивый, С. Я. Марковецкий — Павлик.

Спектакль оказался плох и по художественному оформлению: все декорации были взяты из предшествующих постановок, в основном из «Воеводы», костюмы старые, массовые сцены поставлены небрежно. Но, несмотря на бедную постановку, зрители тепло принимали спектакль, и он имел успех.

20 января 1867 г. пьеса было представлена в Москве на сцене Большого театра в бенефис П. М. Садовского.

Этот спектакль, убогий по оформлению и весьма слабый по игре, не имел успеха у зрителя.

Дирекция императорских театров, затрачивая огромные суммы на представления пьес иностранных авторов, не отпускала средств на постановку русских пьес, в особенности патриотических. Исторические пьесы в 70-е гг.

ставились ею весьма редко. Островский, недовольный этим, писал, что русские люди, со всех сторон собирающиеся в Москву, «да и сами московские обывателя имеют полное право желать полюбоваться своим Мининым и его сподвижником кн. Пожарским не только в бронзе, а и на сцене» (т. XII, стр. 136).

П. М. Садовский, исполнявший роль Минина, не играл, а декламировал свою роль строго внушительным тоном. В. И. Живокини в роли Колзакова постоянно вызывал у зрителя улыбки и смех («Русские ведомости», 1867, № 11, 26 января). М. В. Васильева представила Марфу Борисовну «мямлей и плаксой» и почти всю роль «проныла» («Антракт», 1867, № 4). Живее и правдивее других здесь играли Н. М. Никифоров — Павлик и П. Я. Рябов — юродивый. Первый оживлял спектакль неподдельным комизмом, а второй страстностью. Кроме того, в спектакле были заняты: В. А. Дмитревский — Пожарский и Аксенов, С. В. Шуйский — Воевода, М. И. Лавров 2-й — Биркин, Е. О. Петров — Семенов, К. Г. Вильде — Поспелов, Д. И. Миленский — Пахомов, М. Н. Владыкин — Мосеев, Д. В. Живокини-Лыткин, А. Ф. Федотов — Темкин, Н. В. Рыкалова — Татьяна Юрьевна, М. К. Третьяков — Нефед. Н. Никитин

— Губанин, Г. Н. Федотова — Марфа Борисовна.

Рецензент газеты «Русские ведомости», указывая на крайнюю бедность и скудность постановки этого спектакля, писал: «Народу поставлено на сцену очень мало, и сколько ни старались, по-видимому, стеснить сцену декорациями, на ней было слишком просторно. Как в продолжение первых актов зрителю не верилось, чтобы такая горсть очень равнодушных и спокойных людей могла и подумать идти на освобождение Москвы, так еще более в последнем акте представлялось решительно неправдоподобным, чтобы ничтожная рать в изорванных кольчугах и в сафьянных сапожках могла освободить святую Русь» («Русские ведомости», 1867, № 11, 26 января).

С 1875 до 1886 г. (год смерти драматурга) «Козьма Минин» ставился всего четыре раза, а с 1886 до 1917 г. — 105 раз.

После Великой Октябрьской социалистической революции пьесу ставили в Тюменском (1940) и Костромском (1944) театрах.